ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Учебное пособие для
студентов, магистрантов и аспирантов

СОДЕРЖАНИЕ

Культурно-цивилизационные предпосылки возникновения философии…….. 4
Философия Древнего Китая 5
Социально исторические предпосылки и духовно-культурные источники. 5
«Ян» и «Инь» китайской культуры (конфуцианство и даосизм). 7
Философия Древней Индии 10
Социально-исторические предпосылки и духовно-культурные источники. 10
Ортодоксальные философские системы (даршаны) 14
Неортодоксальные философские системы 17
Античная философия 20
Социально-исторические предпосылки и духовно-культурные источники. 20
Периодизация античной философии. 21
Натурфилософия 21
Классический период античной философии 24
Эллинистически-римский период античной философии 28
Средневековая философия. 33
Предпосылки и основные источники. 33
Периодизация средневековой философии (патристика и схоластика). 36
Философия Возрождения 48
Социально-исторические и духовные предпосылки. 48
Образ философской мысли Возрождения 50
Философия Нового времени (XVII в.) 53
Философия Просвещения 68
Немецкая классическая философия 72
Критическая философия Канта 72
Объективный идеализм Гегеля Г.В.Ф. 79
Антропологический материализм Людвига Фейербаха. 87
Философия XIX века 89
Диалектический материализм Карла Маркса и Фридриха Энгельса. 90
Философия жизни 93
Философия позитивизма 101
Философия XX века 104
Неопозитивизм: философия языка – научного и повседневного 106
Экзистенцализм: философия человеческого существования. 108
Постмодернизм: философия деконструкции 112

Культурно-цивилизационные предпосылки возникновения философии

Философия как новый тип мировоззрения, сменивший мифологическое мировосприятие, возникает в 6 в. до н.э. одновременно в трех относительно изолированных друг от друга регионах тогдашнего древнего мира: на Востоке – в Древнем Китае и Древней Индии и на Западе – в Античной Греции. Общие культурно-цивилизационные предпосылки, сложившиеся здесь к этому времени и обеспечившие возникновение философии, были связаны с переходом древних обществ от бронзы к железу и значительным ростом на этой основе их производительных сил, резким социально—имущественным расслоением и классовой дифференциацией социума, обострением социальных противоречий и социально-политической борьбы, образованием рабовладельческих государств на Западе и восточных деспотий на Востоке, разложением традиционного уклада жизни, развитием ремесленничества и городов, торгово-денежных отношений и как следствие – глубоким кризисом традиционного религиозно-мифологического комплекса, уже не удовлетворявшего назревшие потребности человека и общества в трезвом, освобожденном от мифологических символов, рационально взвешенном восприятии, осмыслении и истолковании реальности. Но философия как «живая душа культуры» (К.Маркс), возникнув в определенной культурной среде, не могла не отразить специфику породившей ее цивилизационно-культурной основы в соответствующем образе философской мысли.

Образ философской мысли (своеобразие, характерные отличительные особенности философии) Востока и Запада можно, с большей или меньшей степенью приближения, представить следующей таблицей сопоставлений:

Философия Востока	**Философия Запада**
- преимущественный интерес к внутреннему миру человека и социальным проблемам	- преимущественная ориентация на внешнее бытие
- созерцательность	- внешнеориентированный активизм
- преобладает образно-ассоциативный характер мыслительной деятельности, непосредственное восприятие и интуитивное проникновение в реальность	- доминирует опосредованное, рационально-логическое, абстрактно-понятийное мышление
- преимущественная связь с нравственно-практическим сознанием и действием	- связь с наукой, ориентация на всеобщее и безусловно-необходимое, объективное знание
- этос самопознания, самодетерминации, самосовершенствования	- этос познания истины и жертвенного служения ей
- освоение внутреннего мира и овладением им	- познание, освоение и практическое овладение внешнего мира

Философия Востока	Философия Запада
- традиционализм, установка на поддержание и сохранение живоносной культурной традиции, существующего статус-кво	- инновационно-преобразовательский зуд

Философия Древнего Китая

Социально исторические предпосылки и духовно-культурные источники.

К 6-му веку до н.э., времени возникновения первых философских школ древнекитайская цивилизация уже имела за собой двухтысячелетнюю культурную традицию, связанную прежде всего с культом неба и почитанием духов предков. Небо почиталось и как верховый владыка, и как судьба, и как первопричина всего сущего. Его веления, требующие беспрекословного подчинения, считались великой тайной, пытаться расшифровать которую позволено было лишь Вану – «сыну неба», верховному правителю. Только он имел прерогативу совершать жертвенные обряды и приношения бессмертному небу.

Древнейшим и важнейшим памятником китайской культуры предфилософского периода является ***«Книга перемен»*** (Ицзин). В ней реальность предстает как беспрерывный процесс изменений, в основе которых взаимодействие двух космических сущностей – сил ***Ян*** и ***Инь***, образующих нерасторжимое противоречивое единство. Это взаимоисключающие противоположности, не существующие, однако, порознь и независимо друг от друга. ***Ян*** и ***Инь*** – это мужское начало и женское, верх и низ, небо и земля, свет и тьма, активность и пассивность, тепло и холод, солнце и луна, добро и зло и т.д. Символическим изображением этой пары является графический знак, который может

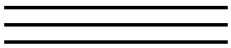
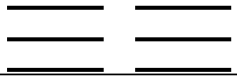
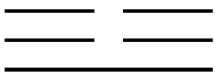
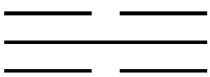
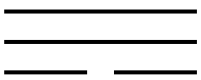
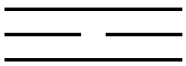
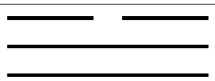

служить и наиболее адекватным чувственно-наглядным образом всей китайской философии.

Свое начало процесс перемен берет в Великом Пределе (Тай цзи), (который сам беспределен), «Великом начале, единстве», изначальном хаосе, первичном неоформленном ничто, порождающем из себя сначала ***Ян*** и ***Инь***, а затем на основе их взаимодействия пять природных первоначал (**У Син** – воду, огонь, дерево, землю, металл). Последние в свою очередь – основа возникновения всех природных вещей и явлений. «Книга перемен» впервые в мировой культуре дает в двоичной системе ***Ян*** и ***Инь*** символически-графическое выражение важнейших, в том числе и предельно-абстрактных аспектов как природной, так и человеческой реальности. Символ ***Ян*** – непрерывная черта,

символ ***Инь*** – прерывная. Три непрерывные черты (триграмма большой ***Ян***) в сочетании с триграммой большой ***Инь*** дают 8 триграмм, из сочетания которых образуется в свою очередь 64 гексаграммы, которые вместе с их истолкованиями и составляют основное содержание «Книги перемен».

Большой ***Ян*** и большая ***Инь*** – первоисточник всех вещей и явлений. Первый порождает их, вторая взращивает.

Знак	Название	Образ	Свойство
	цянь (творчество)	небо	Крепость
	кунь (исполнение)	земля	самоотдача
	чжэнь (возбуждение)	гром	подвижность
	кань (погружение)	вода	опасность
	гэнь (пребывание)	гора	незыблемость
	сунь (уточнение)	ветер (дерево)	проникновенность
	ли (сцепление)	огонь	ясность
	ду (разрешение)	водоем	радосность

Такие натурфилософские представления космогонического процесса, выработанные во многом еще на стадии предфилософии, стали со временем общей категориально-мировоззренческой основой всей китайской культуры вплоть до 20 ст.

6 – 3 вв. до н.э. – «***золотой век***» китайской философии. Но в социально-политическом отношении это был период «воюющих царств», политической раздробленности Китая с ее неизбежными спутниками – хаосом и смутой, бесконечной борьбой удельных княжеств и царств, большими потерями, народными страданиями и горем. Отсутствие в таких условиях жесткого политического и идеологического контроля за свободной мыслью, несомненно, благоприятствовало возникновению и развитию философии, а сама обстановка смуты и хаоса предопределила основной вектор философских раздумий – поиск путей преодоления такого состояния, обеспечения социального мира, порядка и стабильности в социуме.

«Золотой век» китайской философии ознаменован возникновением 6 философских школ:

Название	Основоположник	Основной философский текст
1. ***Жусюэ-школа*** служилых людей или конфуцианство	**Кун Фу-цзы** (учитель Кун Фу) – 551 – 479 гг. до н.э.	**Лунь Юй** (суждения и высказывания), в котором собраны мысли самого Конфуция
2. ***Даосизм***	**Лао-цзы** (учитель Лао) – полулегендарная фигура, точные данные о которой отсутствуют	**Дао Дэ цзин** (книга о Дао и Дэ)
3. ***Моизм***	**Мо-цзы** (Мо Ди) – 479 – 400 гг. до н.э.	**Мо-цзы**
4. ***Инь-Ян цзя*** – школа светлого и темного начал, «натуралистов»		
5. ***Мин цзя*** – школа имен, номинализм		
6. ***Фа цзя*** (фа-закон) – школа законников, легизм	**Шан Ян** (Гунсунь Ян) – 390 – 338 гг. до н.э.	**Шан цзюнь шу** (Книга правителя области Шан)

«Ян» и «Инь» китайской культуры (конфуцианство и даосизм).

Наибольшее значение и влияние на китайскую культуру оказали конфуцианство и даосизм, выступавших всегда как два её полюса, её «***Ян***» и «***Инь***». Их постоянное идейное противостояние и соперничество на протяжении всей последующей истории создавало творчески-продуктивное интеллектуально-духовное напряжение, в поле которого китайская культура успешно развивалась, росла и крепла.

КОНФУЦИЙ
(Кун Фу-цзы)
551-479 до н.э.

Я часто целые дни не ем и целые ночи не сплю, все думаю. Но от этого нет пользы. Лучше учиться.

Ученик спросил учителя: «Можно ли одним предложением выразить правило, которому необходимо следовать всю жизнь?» Учитель ответил: «Можно. Чего не желаешь себе, того не делай и другим»

В центре внимания Конфуция человек в его социальном измерении и социальной среде, вне которой он немыслим. Основные принципы, которыми должны руководствоваться все в обществе-государстве, от простолюдина до правителя – ***жэнь*** (гуманность, человеколюбие), ***ли*** (норовы поведение, риту-

ал, общественные обряды, церемонии), ***и*** (долг, справедливость, обязанности). Их добровольное и неукоснительное соблюдение всеми, особенно правителем и чиновниками, которые обязаны быть всегда и во всем хорошим примером для подданных – гарантия и естественный путь к социальному миру, стабильности и процветанию государства. “Зачем, управляя государством, убивать людей? Если вы будете стремиться к добру, то и народ будет добрым”. Идеал Конфуция – “благородный муж” (***цзюнь-цзы***), человеколюбивый, постоянно морально самосовершенствующийся, человек долга, слова и дела, требовательный к себе, скромный, почтительный, самоотверженный, правдивый, твёрдый духом, всегда стремящийся к знанию и учёбе. Конфуций преклоняется и благоговеет перед традицией и всеми её культурными достижениями и памятью предков, создавших их.

ЛАО-ЦЗЫ

вторая половина VI –
первая половина V в. до н.э.

Дао *постоянно в* ***недеянии****, но нет ничего, чего бы оно не делало*

Наоборот, ***Лао-цзы*** занимает настороженную, и даже враждебную позицию по отношению к культуре и социальности как искусственной реальности, блокирующей достижение главной для человека цели – познания ***Дао***. Следование Дао, природе, натуральности, естественности – идеал даоса. Дао (путь) выступает у Лао цзы и как “глубокая основа всех вещей” ,первоначало всего (“мать Поднебесной”), и как универсальный закон бытия, и как моральный закон. “Человек идёт по пути законов земли. Земля идет по пути законов неба. Небо идет по пути законов Дао, а Дао идёт своим путём”. Оно “вечно и безымянно”, “туманно и неопределённо”, “лишено имени”, бесформенно, неизменно, диалектически противоречиво. “Дао – пусто, но в исполнении неисчерпаемо”. “Превращение в противоположное есть действие дао”. Важнейший принцип даосизма – принцип недеяния (***У Вэй***). “Дао постоянно осуществляет недеяние, но нет ничего, чтобы оно не делало”. “Нет ничего такого, что бы не делало недеяние. Поэтому овладение Поднебесной всегда осуществляется через недеяние”.

Однако принцип недеяния в даосизме – не санкция и не призыв к бездействию и тунеядству, в чём, кстати, вульгаризируя позицию даосизма, постоянно, по ходу соперничества с ним обвиняли конфуцианцы сторонников Лао-цзы, а запрет на волюнтаристское игнорирование природы самих вещей, требование действовать в ритме самой реальности, в соответствии с внутрен-

ней сутью каждой вещи. Это табу на субъективистский произвол и насилие над реальностью.

Необходимое условие и предпосылка познания Дао – чистота сердца и отсутствие желаний. Только сердцу, освобождённому от страстей и желаний, открывается Дао. “Поэтому тот, кто свободен от страстей, видит чудесную тайну Дао”. “Кто служит Дао, изо дня в день уменьшает свои желания. В непрерывном уменьшении человек доходит до недеяния .” Но это знание не головное, рассудочно-выверенное, вербально выраженное и красноречиво оформленное, а знание дорефлексивное, цельное, глубинное, не искаженное словом, не деформированное вербализацией, знание нутром, сердцем, интуицией, не требующее и не ищущее понятийного закрепления и вербального выражения. Как раз наоборот, красноречивое многословие для Лао-цзы – верный знак лживой неискренности. “Нужно меньше говорить, следовать естественности”. “Совершенномудрый, осуществляя учение, не прибегает к словам”. “Верные слова не изящны. Красивые слова не заслуживают доверия. Добрый не красноречив. Красноречивый не может быть добрым. Знающий не доказывает, доказывающий не знает”.

Социальная позиция Лао-цзы характеризуется, с одной стороны, выступлением в защиту угнетаемого народа (“Народ потому голодает, что власти берут слишком много налогов. Вот почему народ голодает”. “Нет большей опасности, чем стремление к приобретению богатства”. “Когда в стране много запрещающих законов, народ становится бедным”. “Когда правительство деятельно, народ несчастен”), с другой стороны, категорическим отрицанием конфуцианских принципов морального воспитания и просвещения народа. (“В древности те, кто следовал Дао, не просвещали народ, а делали его невежественным. Трудно управлять народом, когда у него много знаний. Поэтому управление страной при помощи знаний приносит стране несчастье, а без их помощи приводит страну к счастью”. “Управляя страной, совершенномудрый делает сердца подданных пустыми, а желудки – полными. Его управление ослабляет их волю и укрепляет их кости. Оно постоянно стремится к тому, чтобы у народа не было знаний и страстей, а имеющие знания не смели бы действовать”).

Взяв на вооружение многие идеи даосизма, свою философию преодоления междоусобицы, беспорядки и хаоса, стабилизации социума и объединения страны выдвинули **легисты**. В пику конфуцианству, не мораль и человеколюбие, а закон (***фа***) был провозглашён и обоснован в качестве регулятора жизни общества и государства. Малейшие нарушения закона должны наказываться самым жестокими карами, тогда отпадёт само собой желание совершать серьёзные преступления. Свидетель проступка, не донесший о нём, подлежал такой же беспощадной каре, как и совершивший его. Малейшие проявления свободомыслия и своеволия объявлялись посягательством на устои государства и общества и должны были пресекаться самым жестоким образом. Соответственно, философия и её носители, как и в целом всякое просвещение и наука, развивавшие способность людей к самостоятельному размышлению, оказались первыми в списке главных врагов государства.

В 213 году до н.э. правитель царства **Цинь**, взяв на вооружение теорию легизма, на основе жесточайшей диктатуры и дисциплины многократно умножив свои силы, объединил, наконец, страну. “Золотой век” китайской философии закончился. “Книги в огонь, учёных в яму” – такими указами и соответствующими действиями цементировалась объединенная Поднебесная. И хотя режим Цинь Шихуана продержался лишь 15 лет, принципы легизма, хотя и несколько смягченные, остались нормой правления империей. Позже они были дополнены принципами конфуцианства, которое с 136 года до н.э. стало государственной идеологией, обеспечив на долгие века политическую основательность и устойчивость китайской государственной машины.

Философия Древней Индии

Социально-исторические предпосылки и духовно-культурные источники.

Древнеиндийская цивилизация и её самобытная культура формировались на основе синтеза культуры арийских кочевых племён, проникших на Индостан во второй половине второго тысячелетия до н.э., и местной протоиндийской цивилизации Хараппы и Мохенджо-Даро. Разрушив сначала эту высокоразвитую городскую цивилизацию, кочевники со временем перешли на оседлую жизнь и создали свои государства, ассимилировав многие цивилизационные достижения аборигенов. Религия завоевателей – брахманизм, религия жертвоприношения основывалась на ***Ведах*** (Веды – знание). Это большой комплекс текстов, многие века существовавших в изустной традиции, что само по себе – уникальное явление в мировой культуре. А так как для индоарийцев это было священное знание, переданное людям самими богами, то благоговейная строгость и точность в их сохранении и воспроизведении было главной заботой и делом жреческой касты брахманов, занимавшей высшее место в иерархии сформировавшихся индоарийских государств. Эти государства имели жесткую сословную структуру, состоявшую из 4-х основных каст (варн). Духовная власть принадлежала брахманам, а реальная политическая – военной аристократии, кшатриям. Вайшьи – каста свободных землевладельцев и ремесленников, а также шудры (неприкасаемые, полностью бесправное аборигенное население) обеспечивали высшие касты всем необходимым.

Состав Вед:

Группы памятников	Название и время создания	Основное содержание	Главная идея и назначение
I	4 ***самхиты*** (сборники гимнов, жертвенных формул, песнопений и заклинаний).		

	- ***Ригведа*** (Веда гимнов) ок. XV-IX вв. до н.э. Только одна Ригведа по объёму превосходит совокупный объём гомеровских “Илиаду” и ”Одиссею”	1028 гимнов, посвящённых богам индоарийского пантеона, обитателей ***3-х основных мировых сфер: неба*** (Сурья – солнце, Ушас – заря, Варуна – божество мирового порядка), ***земли*** (Агни – жервенный огонь, Сома – священный напиток, опьяняющий и дарующий бессмертие и др.); ***воздушного пространства*** (Ваю – бог ветра, Индра – бог молнии, грозы и разрушительных стихий – центральная фигура всего пантеона, ему посвящено более четверти (250) всех гимнов, и др.).	С исключительной полнотой представлена мифология индоарийцев, в которой обожествляются силы природы. Гимны не только прославляют богов, но и содержат обращение к ним о тех или иных, главным образом материальных благах. Предназначались для исполнения во время жертвенных обрядов.
	- ***Яджурведа*** (Веда яджусов, яджус – жертвенная формула) IX-VII вв. до н.э.	Книга жертвенных изречений, целиком посвящена ритуалу, подробному описанию жертвоприношений.	Основная идея – признание безграничной магической силы жертвоприношений. Знание тайн ритуала даёт жрецам – брахманам власть над самими богами.
	- ***Самаведа*** – книга песнопений. (Веда саманов; саман – особого рода песнопения) IX-VIII вв. до н.э.	Повторяются в основном тексты Ригведы, но с подробным указанием, как они должны исполняться.	Предназначены для тщательного регулирования музыкальной составляющей жертвенного обряда.

	- Атхарваведа – книга заклинаний. VII-VI вв. до н.э.	Заклинания против болезней, злых духов, заговоры любовные, приворотные, о долголетии, счастье, благосостоянии и т.д., огромный материал о магии и колдовстве у индийцев.	Если предыдущие три самхиты использовались в торжественных жертвоприношениях, связанных с возлиянием сомы, то назначение Атхарваведы – повседневный ритуал индийцев и соответствующие магические действия, которые совершали домохозяин и члены его семьи. Памятник “народной религии” в противоположность “религии жрецов”.
II	***Брахманы*** – (брахмана-поучение брахмана-“жреца”) брахманские комментарии к ведам IX-VII вв. до н.э.	Пересказываются мифы самхит, даётся религиозная интерпретация их основным идеям.	Проводится идея о самодовеющей ценности ритуала. В ведийское мышление вводится теологическая теория и космогония (учение о происхождении мира).
III	***Араньяки*** – “лесные книги” середина 1-го тысячелетия до н.э.	Даётся умозрительное обоснование ритуала, практики жертвоприношения как по своему значению космического действия. Раскрывается символика жертвенного акта .	Предназначались для отшельников, покидавших мир и проводивших жизнь в лесу (***аранья*** – лес). Впервые вводится понятие Атмана как сущности всего живого.

IV	***Упанишады*** (букв. сидеть у нас учителя) – “сокровенные учения”, ”тайные наставления”. 108 преимущественно уже философских текстов, из которых 13 признаются основными, созданными в VIIIв. до н.э.- II в. до н.э. По объёму варьируются от нескольких до сотни страниц. Эпигонские же, в основном подражательские тексты данного цикла создавались вплоть до XVI в. н.э. (наиболее поздняя Алла – упанишада была написана в конце этого века по приказу Акбара).	Образно-символическое мифологическое мировоззрение предшествующих частей вед в упанишадах сменяется философскими рассуждениями, в центре которых природа человеческого “я” и её отношение к космической целостности бытия.	Основные идеи: идея ***тождества Брахмана*** как безличного бесконечного духовного абсолюта, объективного первоначала всего существующего и ***Атмана*** - духовного абсолюта на уровне индивидуального, в том числе человеческого существа, обеспечивающего его жизнь и познавательную деятельность; идея ***кармы*** – как универсального закона, ставящего каждое существо в зависимость от совершенных ранее поступков; идея ***сансары*** как круговорота перевоплощений, определяемого кармой; идея ***праны***, дыхания – высшей из жизненных сил, порождающей все остальные; идея ***мокши*** – “конечного освобождения” как цели человеческой жизни; идея трехэлементного состава каждой вещи (***гуны***) и др.

В целом же значение Вед для Индии хорошо выражают слова Дж.Неру:”Из этих далёких истоков глубокой древности берут своё начало реки индийского мышления и философии, индийской жизни, культуры и литературы”.
(ведические) философские системы

Ортодоксальные философские системы (даршаны)

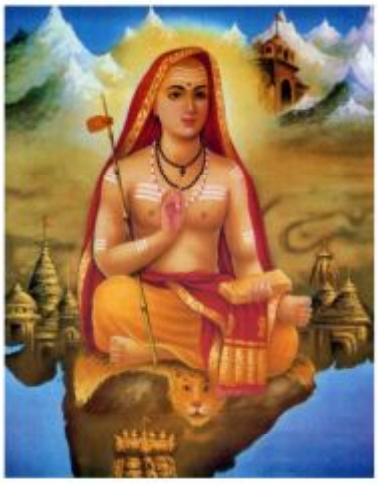
Время создания упанишад – период глубокого кризиса брахманизма как религии и идеологии. Творцами упанишад были уже не брахманы, а кшатрии. На основе упанишад возникли 6 ортодоксальных (т.е. признающих авторитет вед, “астика”) и 3 неортодоксальные (“настика”), говоря современным языком, диссидентские философские системы, занимающие критическую по отношению к ведам позицию, причём одна из них – Локаята (или Чарвака) радикально оборвала связь со всей ведийской культурной традицией.

За исключением Локаяты, все остальные философские системы признают ведийское учение о карме и сансаре и ставят задачу индивидуального освобождения как ***цели человеческого существования***. Освобождение же всякий раз понимается как сбрасывание с души сковывающих её пут кармы и соответственно как разрыв круговорота сансары, непрерывной цепи перевоплощений (рождений и смертей в разных обликах и состояниях). Понимание же путей и средств достижения такого освобождения или спасения варьируется в различных философских системах. Ортодоксальные системы группируются парами по их генетическому и концептуальному родству. Ключевую же роль в философии и культуре Индии сыграли в своё время и продолжают играть две из них: санкхья и веданта.

Название системы, этимология термина, основоположник , основной первоисточник	**Основные онтологические категории и представления о реальности**	**Путь и средство освобождения или спасения**	**Состояние свободы**
1) ***Ньяя*** – (правило, рассуждение, логика); мудрец ***Готама***,”***Ньяя-сутра***”;	Основное внимание уделено процессу познания, прежде всего законам логики как орудию всякого познания.	Обретение истины через умозрение	***Мокша*** как отделение вечного познающего ”я” от его временных свойств

2) Примыкает к ***Ньяя Вайшешика*** (вишеша - особенной, отличный); мудрец ***Канада***. "***Вайшешика - сутра***"	Основа различия вещей - различное сочетание первичных элементов реальности – ***атомов*** (***ану***) - вечных, неизменных, материальных частиц. Пассивные по природе, они приводятся в движение духовной невидимой силой.	Непрерывное самосовершенствование как путь к истинному знанию.	Мокша как освобождение от ига материи.
3) ***Санкхья*** – (число, счёт, рассуждение через перечисление принципов бытия; мудрец ***Капила*** (7 в. до н.э.); "***Санкхья-карика***"	Даётся дуалистическая трактовка реальности, в основе которой постулируется два исходных первоначала: ***Пракрити*** (материя) и ***Пуруша*** (дух). 1-ая активна, но лишена сознания, 2-й наделён сознанием, но пассивен, лишен жизненной энергии. Состав пракрити образуют три непрерывно взаимодействующие между собой космических силы (***Гуны***): ***тамас*** – пассивность, инерция; раджас – созидающая энергия; ***саттва*** – просветлённое самосознание. Развиваясь вследствие соединения с Пурушей, Пракрити порождает 24 компонента реальности.	Через преодоление незнания (***авидья***), осознание своей противоположности с Пракрити и единства с Пурушей индивид на основе йогических методов медитации и концентрации добивается их максимального разведения.	Мокша как результат разъединения Пуруши (познающего) и Пракрити (познаваемого).
4) ***Йога*** (связь, соединение, связывание); ***Патанджали*** (1 в. до н.э.) "***Йога-сутра***"	Выступает как практическое применение санкхьи для достижения психического и физического самоконтроля на основе её онтологии, учения о реальности.	Освобождение духа из потока миропроявления (сансары) и оков кармы	Самадхи как максимальное самопогружение с утратой всех внешних восприятий.

5) Миманса (исследование, рассуждение, дискуссия); мудрец ***Джаймини***, прибл. (4 в. до н.э. – 2 в. н.э.), автор “***Миманса - сутры***”	Тесно связана с Ведантой. Обе представляют реставрацию идей ведизма, прежде всего – упанишад. Правила ведийского ритуала абсолютизируются Джайними гораздо сильнее, чем это делали когда-то ведийские жрецы.	Спасение и освобождение через тщательное выполнение всех ритуальных действий.	
6) *Веданта* (конец, завершение вед); мудрец ***Барадаяна***; автор “***Брахма - сутры***” (2 в. до н.э.). В период средневековья, на волне возрождения традиционного индуистского мировоззрения заняла и продолжает сохранять доминирующие позиции в культуре Индии. Самый выдающийся и знаменитый представитель не только Веданты, но и в целом индийской философии – ***Шанкара*** (788 – 820 г. н.э.)	Единственной подлинной реальностью является ***Брахман*** – вечный, неизменный, бесконечный, единый, объективный духовный абсолют , тождественный ***Атману*** как неизменной и вечной сущности индивидуальной души. Окружающий же человека изменчивый, бесконечно разнообразный чувственно-воспринимаемый мир – всего лишь ***Майя***, неподлинное, иллюзорное бытие, источник незнания, заблуждения (***авидья***), пёстрое привлекательное покрывало, скрывающее истинную реальность, полностью поглощающее сознание не познавшего Истину индивида и поэтому обрекающее его на страдание в круговерти Сансары.	Осознание иллюзорности, неподлинности чувственно данного мира, и на этой основе проникновение, слияние с подлинной реальностью – Брахманом - Атмоком.	Мокша как результат подлинного знания, слияния с духовным абсолютом, когда всякая индивидуалистическая самость, эгоизм, противоположности субъективного и объективного, своего и чужого, внешнего и внутреннего, “я” и ”не-я” снимаются в акте йогической медитации и самоуглубления.

Шанкара (788 – 820 г. н.э.)

В этом мире плотник несчастен, когда в руках его инструменты – топорик и прочее. Только вернувшись к себе домой и сложив инструменты – топорик и прочее, – довольный, бездеятельный и не занятый, этот плотник счастлив. Так и атман, соединенный с двойственностью, которую привносит авидья (незнание), … бодрствуя, является деятелем и потому несчастен. Но тот же атман, для уничтожения усталости войдя в самое себя, то есть в вышний Брахман, свободный от цепи причин и следствий, бездеятельный, – счастлив и пребывает самосветящимся, ясным.

Неортодоксальные философские системы.

1. ***Джайнизм***. Основатель - ***Вардхамана*** (эпитеты: ***Джина*** – “победитель” и ***Махавира*** – “великий герой”. Название – от “Джины”) 6 в. до н.э.) ***Сиддханта*** - джайнский канон (“***Джайна - сутры***” – 41 произведение.) В период кризиса брахманизма джайнизм успешно соперничал с буддизмом за доминирование в духовной	Самая рационалистическая система. Отсутствуют какие-либо апелляции к откровению и мифологические элементы. Мир всегда в движении - механическом и эволюционном. Джива (живое, душа) и а-джива (неживое) – 2 разновидности материи – тонкой и грубой. В стадии расцвета, на вершине эволюции мир-царство душ. Единица мироздания – прадеша, мгновенный и неразличимо малый “квант бытия”. Состоит из атома пространства, атома массы, атома времени и противоположных друг другу атомов движения и покоя (дхармы и а-дхармы). Все вещи - комбинации прадеш. Карма материальна, а душа в своём падении может принимать	Пятеричный путь освобождения: ***ахимса*** – непричинение вреда живому; милосердие и правдивость речи; честное поведение; воздержанность (в речи, слове, делах); воздержание от земных интересов); а также пунья (совершение добрых дел; знание учения; вера в Вардхаману.)	Нирвана как освобождение от бремени собственного “Я” и перерождений на основе сурового аскетизма и неукоснительном соблюдении пятеричного пути, прежде всего ахимсы.

жизни Индии. В настоящее время джайнская религиозная община хотя и немногочис ленна (около 3 млн. человек), но очень влиятельна, особенно в интеллектуальной среде и предпринимательстве (однако торговля живностью неприемлема).	форму и растения и даже неживых предметов.		
2) ***Буддизм***. Основатель - ***Сиддхартха Гаутама Будда*** (пробуждённый, просветлённый) 623 – 544 гг. до н.э.; ***Типитака*** (“Три корзины”) – буддийский канон, огромный свод памятников из трёх частей – Винная-питаки, Сутта-питаки и Абхидхамма-питаки. В империи Ашоки, в ходе жестоких войн объединившего Индию, буддизм становится государственной идеологией (250 г. до н.э.), одна-	Первоначальный буддизм стоит на позиции последовательной ***десубстанциализации*** реальности, которая сводится к непрерывному потоку индивидуального сознания. Никакой “подлинной” и вечной реальности, неизменной субстанции нет ни внутри сознания, ни вне его. Реальность пустотна (***шунья***). Это непрерывные вспышки и угасания ***дхарм*** – первичных элементов жизненного процесса, которые и порождают страдание, пронизывающее всё. Корень его – в жажде жизни, желаниях, страстной привязанности к иллюзорному феноменальному бытию. Искоренение её – путь к прекращению страдания.	“Срединный”, отвергающий “крайности” безудержной погони за чувственными “удовольствиями и вожделением” и чрезмерного брахманистского аскетизма, “умерщвления плоти”, восьмеричный путь к “сверхзнанию, умиротворенности, нирване“: правильные видение, мысль, речь, действие, образ жизни, усилие, внимание, сосредоточение, приводящие к раз-	Нирвана (бук. угасание) – “Конец страдания”. Состояние, в котором прекращаются наконец колебания дхарм, полной внутренней гармонии, тишины, отрешённости, предельной самогоуглублённости на основе практики ***дхьяны*** - буддийский йоги

ко в средние века возрожденный брахманизм (индуизм) и вторгшийся сюда ислам полностью вытеснили буддизм с его исторической родины.		рушению кармы и колеса сансары	
3) ***Локаята – Чарвака (Лока – мир***; "чаруваk" - приятные, чарующие, доходчивые слова или "чарв"- жевать, есть. Оппоненты третировали эту систему как "философию обжор"); полулегендарный мудрец ***Брихаспати***, середина 1–го тыс. до н.э. Информация о Локаяте содержится в текстах её оппонентов.	Полностью отвергаются все представления идеалистической ведийской традиции. Мир таков, как он дан человеку в его органах чувств. Это и есть единственная подлинная реальность. Основа всего – 4 элемента: земля, вода, огонь, воздух. Сознание возникает из них, когда они образуют тело. С их распадом исчезает и сознание. "И нет доказательств существования души отдельно от тела"	"Единственный смысл человеческой жизни состоит в удовольствиях, доставляемых чувственными наслаждениями", а "три Веды - это просто неумная болтовня обманщиков".	."Нет никакого другого освобождения, кроме распада тела на элементы"

БУДДА

(Сиддхартха Гаутама Шакья – Муни)

ок. 563-483 до н.э.

Если бы кто-нибудь в битве тысячекратно победил тысячу людей, а другой победил бы себя одного, то именно этот другой – величайший победитель в битве

Хотя влияние Локаяты и усиливалось в периоды роста в Индии естественнонаучного знания, однако в её духовной культуре не стало определяющим. Господствующие позиции в ней с 8-9 в. н.э. заняли коренящиеся в Ведах, прежде всего Упанишадах, положения Веданты и Санкхьи.

Античная философия

Социально-исторические предпосылки и духовно-культурные источники.

Античная философия – порождение творческого гения древних греков, обогативших мировую культуру не только великими творениями в области искусства, но и в чисто интеллектуальной области совершивших беспримерный прорыв, открывший человечеству дорогу в точное, в том числе теоретическое естествознание. На счету у греков также великое открытие и в области социальной практики – демократия (в её рабовладельческой ипостаси) как политический институт организации и функционирования государства впервые возникает и достигает своих высокоразвитых форм именно у древних греков. Государственный строй греков – **полисная система** (“полис” - город-государство), совокупность небольших свободных, то и дело воевавших друг с другом рабовладельческих государств. По мере роста населения и недостатка плодородных земель в самой материковой Греции греки вынуждены были осваивать новые территории на побережье Средиземного и Чёрного морей, где они создавали свои новые полисы – колонии. Единство греческого мира обеспечивалось общей культурой, ядро которой составляла политеистическая (политеизм - многобожие), основанная на мифологических представлениях религия.

Разбросанные по всему тогдашнему греческому миру святилища и храмы, посвященные тем или иным богам и героям и регулярно проводившиеся общегреческие празднества и игры в их честь объединяли греков – граждан и горячих патриотов своих родных полисов – в единое культурное целое. Греческое жречество, обслуживавшее обрядовые нужды греков в святилищах и храмах, не стало силой, безраздельно господствующей в их духовной жизни во многом и потому, что у греков не было “священного писания” в том смысле, в каком “Веды” были у индоарийцев. Гомеровские поэмы “Илиада” и ”Одиссея”, наиболее полно выразившие официальную греческую религиозность, хотя в обязательном порядке и заучивались молодёжью наизусть, воспринимались, однако, как творения человеческого ума, пусть и посвященные прославлению богов и героев. А некоторые важные особенности гомеровской поэзии непосредственно способствовали формированию философского мировоззрения.

Так, неизбежный во всякой мифологии фантастический элемент у Гомера представлен очень умеренно и не является доминирующим. Реальность дана в её целостности, а изображение её у Гомера неизменно сопровождается развёрнутой мотивацией и раскрытием причин всех описываемых поступков и

событий. Наряду с публичной религией в толще народной жизни широкое распространение имел орфизм, связанный с культом легендарного поэта Орфея. В противоположность гомеровским представлениям о смертности человека и конечности его существования в орфизме присутствует идея бессмертной человеческой души, её перевоплощениях и необходимости освобождения этого божественного начала от телесности как цели человеческой жизни. Первые философские школы Древней Греции возникли в ***Ионии***, в греческих колониях – полисах на средиземноморском побережье Малой Азии (современная Турция). Расположенные на пересечении торговых и культурных связей между основными высокоразвитыми цивилизационными центрами тогдашнего древнего мира, эти греческие города-государства достигли своего экономического и культурного расцвета, обеспечив соответствующую почву для появления философии.

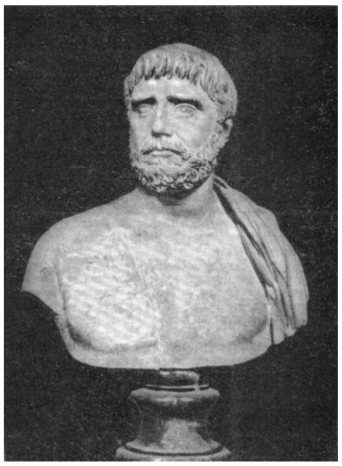
Мифология греков – это персонификация и обожествление природных сил и явлений. В философии древних греков природа также остаётся средоточием их внимания, но уже не мифологического, на основе символов и образов, а рационального, на основе разума и логоса, её осмысления и освоения.

Периодизация античной философии.

Развитие античной философии продолжалось более 1000 лет. Возникнув в VI в. до н.э., она закончила своё существование в VI в. новой, уже христианской эры (в 529 году император Юстиниан своим указом закрыл “языческие” философские школы.) В истории античной философии обычно выделяется три основных этапа: I) ***период натурфилософии*** (досократиков или физиков) – VI – V вв. до н.э. II) ***классический период*** V-IV вв. до н.э. III) ***эллинистически-римский период*** - IV в.до н.э. – VI в. н.э .

Натурфилософия.

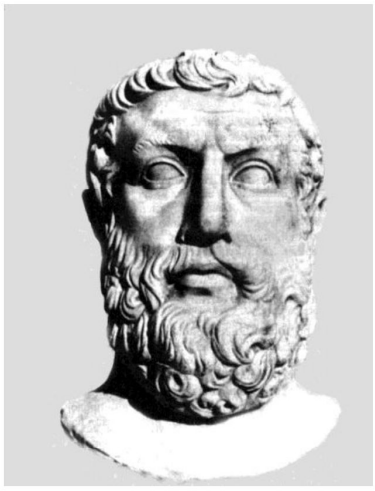
Проблема ***Физиса*** (природы) – в центре внимания первых философских школ. Но под природой досократики понимают не просто окружающий мир, а единую первооснову всего существующего в мире многообразия вещей и явлений. Физис един, вечен и неизменен, а всё, что из него возникает – изменчиво ,сложно, не является простым. Определяется это единое первоначало по-разному: как ***вода*** (Фалес), ***воздух*** (Анаксимен), ***огонь*** (Гераклит), ***апейрон*** – некое неопределённое, бесконечное начало, аналогичное полям современной физики (Анаксимандр). У Эмпедокла физис включает в себя ***4 “корня”*** – воду, огонь, воздух и землю. Важным развитием данной проблематики явилось учение Пифагора о том, что физис – это ***число***. Пифагорейцы привлекли внимание к количественной соразмерности всего существующего, о его пронизанности количественными соотношениями. Отсюда их тезис, что мир – это упорядоченное, гармоничное целое – ***Космос*** (греч – порядок).

ФАЛЕС

640 до н.э.-562 до н.э.

Первый стал рассуждать о физисе (природе). Началом всего он положил воду

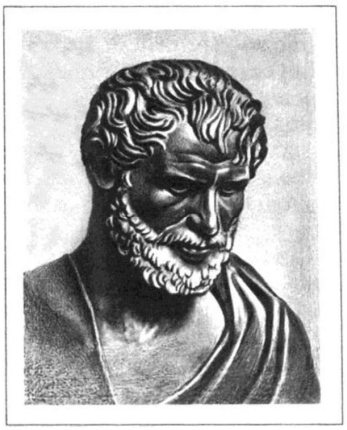

ПАРМЕНИД

р. 540/39 до н.э.

Есть бытие, а небытия вовсе нету. Одно и то же есть мысль и бытие. Одно и то же есть мысль и то, о чем мысль существует. Ибо ведь без бытия, в котором ее выраженье, мысли тебе не найти

Представители ***элейской*** школы (***Парменид***, ***Зенон***) в рамках проблематики физиса развили учение о ***бытии***, едином, вечном, неизменном, ***которое есть мышление*** противоположное миру чувственно воспринимаемых явлений. Это и было то зерно, из которого выросло важнейшее достижение европейской культуры – непротиворечивое дедуктивное мышление из единых посылок, общеобязательное и безусловное ,синоним и основа строгой науки, точного естествознания. ***Атомисты*** (***Демокрит***, ***Левкипп***) обосновали тезис, что физис – это бесконечное множество ***атомов*** (греч. атом – “неделимый”), вечных , неизменных, неделимых, недоступных по своим ничтожно малым размерам чувственному восприятию, а постигаемых лишь разумом первоэлементов, из сочетания которых и образуются все тела. Но ***физис*** для досократиков не только единый первоисточник, порождающее первоначало всех вещей, но и начало упорядочивающее. Ему внутренне присущ ***Логос*** (категория впервые введена ***Гераклитом*** (букв. – слово, понятие; мысль, разум), универсальная всепроникающая закономерность или управляющий всем мировой разум. А каждой человеческой душе, по Гераклиту, присущ (прошу внимания!) ***логос самообогащающийся***, да ещё и беспредельный.

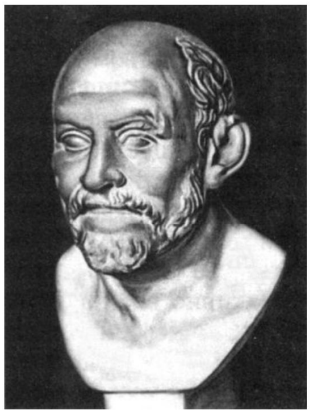

ГЕРАКЛИТ

ок. 540 – ок. 480 до н.э.

В ту же реку вступаем и не вступаем. Существуем и не существуем. Душе присущ самообогащающийся логос. Следует знать, что борьба всеобща, что все рождается через распрю и по необходимости

Исключительное место Гераклита в философии определяется также и тем, что он дал первую в европейской культуре последовательно-динамическую картину реальности, сформулировав при этом глубокие диалектические идеи. Реальность для Гераклита – это вечный непрерывный поток («все течет») возникновения вещей из физиса-огня, изменения их и возвращения к своему истоку на основе борьбы присущих им противоположностей. «В ту же реку вступаем и не вступаем. Существуем и не существуем… Борьба – отец всего и всему царь… Следует знать, что борьба всеобща, что справедливость в распре, что все рождается через борьбу и по необходимости». Но вечный поток изменений не хаотичен, он регулируется и направляется логосом. «Ведь все существует по этому логосу…». Философия же – средство увидеть и открыть в бесконечном многообразии изменчивых вещей их универсальное единство: «Признак мудрости – согласиться, не мне, но логосу внемля, что все едино».

ДЕМОКРИТ

ок. 460 – ок. 370 до н.э.

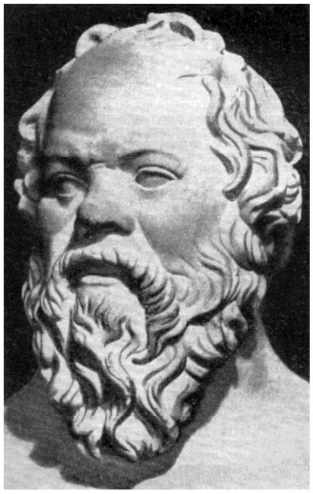
В действительности же существуют только атомы и пустота

Занятие философией как средством обретения истинного знания о подлинной реальности было поднято ***досократиками*** до степени религиозного служения и понималось как ещё более надёжный путь очищения души и достижения внутренней свободы. Досократики вскрыли противоположность реальности чувственно-воспринимаемой и реальности умопостигаемой, показали их онтологическую и гносеологическую ***нередуцируемость***, ***несводимость*** друг к другу и, соответственно, необходимость поиска адекватных ме-

тодов и инструментов освоения этих двух регионов бытия. Их прорыв в область строгого, безусловного и всеобще необходимого мышления предопределили дальнейшие великие достижения античной мысли в области логики, диалектики и в целом теоретического, основанного на познании сущности, освоения реальности.

Классический период античной философии

Три великих фигуры античной философии являются наиболее полным олицетворением ***2-го классического периода*** в её истории: **Сократ (470-399 гг. до н.э.)**, его самый выдающийся ученик **Платон (428-347 гг. до н.э.)** и в свою очередь самый великий ученик Платона – **Аристотель (384-322 гг. до н.э.)**. С Сократа, уроженца Афин, начинается блестящий афинский период развития древнегреческой философии.

СОКРАТ
470-399 г. до н.э.

Я только и делаю, что хожу и убеждаю каждого из вас, и молодого, и старого, заботиться прежде и сильнее всего не о теле и не о деньгах, но о душе, чтобы она была как можно лучше: я говорю, что не от денег рождается добродетель, а от добродетели бывают у людей и деньги, и все прочие блага как в частной жизни, так и в общественной

Особое место Сократа в античной философии обусловлено тем, что он переориентировал её с проблем физиса на познание самого человека, для которого, по убеждению Сократа, знание самого себя всегда несоизмеримо важнее познания природы. Человек же для Сократа – это прежде всего его бессмертная душа, о которой и нужно каждому заботится в первую очередь. Забота эта может состоять лишь в насыщении, обогащении её истинным знанием, которое есть ни что иное, как знание о добродетели, о том, что такое благо и добро само по себе, по своей сущности. Такое знание – необходимое и достаточное условие добродетельной жизни. По недостатку или вовсе отсутствию такого знания человек и совершает недостойные поступки. В этом – завышенный интеллектуализм сократовской моральной философии. Сократ обосновывает **новую систему ценностей и новое понимание свободы**. Не забота о теле, погоня за чувственными удовольствиями, материальном благополучии, успехом и славой должны занимать главное место в жизни человека, а совершенствование своей души в добродетели. Свобода же для Сократа – это способность души управлять своими страстями, чувственными влечениями, быть хозяином, а не послушным рабом тела. Для Сократа **знать что-то** –

это значит иметь понятие об этом и уметь давать его сущностное определение. Сократовский метод поиска истины в диалоге концентрируется как раз вокруг поиска таких определений. Тем самым был дан мощный импульс исследованиям в области логики, с блеском осуществлённые позднее Аристотелем.

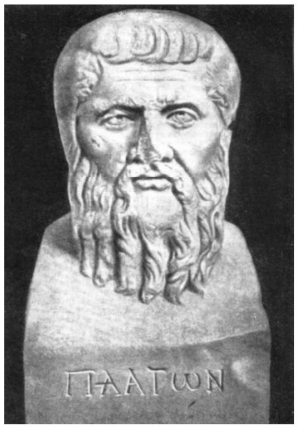
Платон и ***Аристотель*** – великие систематизаторы всего богатого философского наследия, созданного за относительно короткий период досократиками. ***Платон*** – создатель первой целостной объективно-идеалистической философской системы. В её основе – ***учение о мире идей*** – мире вечных, абсолютных, неизменных сущностей, составляющих подлинную реальность, противоположную миру чувственно воспринимаемых вещей. Последние – лишь несовершенные копии соответствующих идей. Идеи существуют объективно, до вещей и независимо от них. Это мир умопостигаемых сущностей. Математические и логические соотношения и объекты – составная часть этого подлинного, сущностного бытия. Лишенные каких-либо чувственно-воспринимаемых свойств и качеств, идеи познаются лишь разумом. Органы чувств не только не в состоянии проникнуть в этот мир подлинного бытия, но определённо препятствуют этому. Поэтому познание идей – вечных, неизменных сущностей (а они, по Платону, и есть единственно возможные и достойные объекты познания) требует сначала максимального отвлечения от влияния и воздействия органов чувств и полного сосредоточения души в самой себе. В результате такого самопогружения душа вспомнит то, что она видела до своего соединения с телом. (Платон сторонник концепции перевоплощения душ).Знания, по Платону, скрыты в глубине каждой души, которая до своего вселения в тело (а оно для Платона – “темница” души) находилась в мире чистого подлинного бытия идей, созерцала их и поэтому всегда способна вспомнить, извлечь это знание из своих глубин. Методом освоения, овладения этим миром подлинного бытия является ***диалектика***, а основным инструментом – разум, который есть главная из трёх составных частей души. Помимо разума она включает в себя эмоционально-волевую и чувственно-вожделеющую части. Последняя непосредственно связывает душу с материально-телесным миром и мешает ей подниматься в горний мир идей. Итак, образ философской мысли Платона включает в себя следующие основные черты:

- в онтологии (учении о бытии) – объективный идеализм;

- в гносеологии (учение о познании) – рационализм и гносеологический оптимизм (уверенность в познании истины посредством разума).

- назначение философии – не только в открытии и освоении истинной реальности, но и в освобождении человеческой души от пагубной для неё поглощенности телесно-материальным, неподлинным бытием.

По стилю философствования Платон – философ-поэт с мистико-религиозной направленностью. Его философские построения богаты развёрнутыми поэтическими метафорами, мифологическими символами, художественными образами.

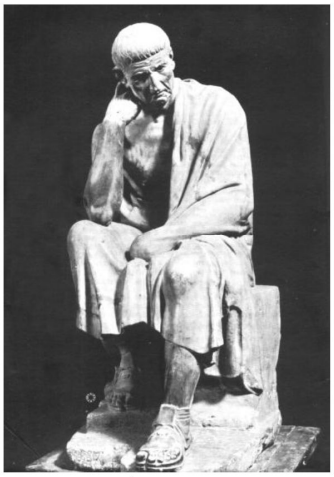
ПЛАТОН (Аристокл)

427 г. до н.э. – 347 г. до н.э.

Истинное бытие – это некие умопостигаемые и бестелесные идеи.
Занятия философов состоят в том, чтобы отрешать душу от тела

Образ философской мысли Аристотеля.

Философия для Аристотеля – ***наука о первоначалах или первопричинах*** бытия. Таких первопричин он выделяет четыре: **материю, форму, действие и цель** (конечная, финальная первопричина) (Правда, последние две он часто сводит ко второй, тогда число первопричин сокращается до двух). ***Материя*** – это то, из чего состоит все в реальности. ***Форма*** – это принцип, закон, говоря современным языком, алгоритм организации материи. Различие материи и формы не абсолютно. То, что в одном отношении выступает как материя, в другом может быть формой (кирпич по отношению к глине – форма, по отношению к сложенному из него сооружению – материя). Материя – начало косное, инертное, пассивное, лишенное самодвижения и внутренней динамики. Наоборот, форма – начало активное, деятельное, упорядочивающее, структурирующее материю, вносящее в неё активность, энергию, динамизм.

АРИСТОТЕЛЬ

384 – 322 до н.э.

Имя мудрости необходимо отнести к одной и той же науке: это должна быть наука, исследующая первые начала и причины

В бытии Аристотель открывает новые измерения, различая в нём ***бытие актуальное*** (действительное, реально уже существующее) и ***потенциальное*** (ещё только возможное), а также бытие случайное, несущественное и бытие ***как сущность***. В понимании же сущности он решительно выступает против платоновского отрыва её от вещей и рассмотрения её как репрезентанта мира идей – абсолютной и подлинной реальности. Сущность, по Аристотелю, не может существовать вне и независимо от вещей, она неразрывно связана с

ними и выступает как их форма. Чувственно-воспринимаемая вещь – это субстанция, она есть единство сущности (формы) и материи. Тем самым, отвергнув платоновский отрыв сущности (идей) от вещей, Аристотель в своей исходной мировоззренческой позиции склоняется к материализму. Но позицию эту он последовательно не выдерживает, поскольку приходит к выводу о существовании чистых форм, свободных от какой-либо связи с материей. Это бытие есть уже чистая актуальность, первопричина и перводвигатель всего, мышление, замкнутое на самом себе, оно есть Бог как цель и предел стремления всего существующего.

Движение для Аристотеля – это осуществление, реализация возможного, переход потенциального в актуальное. В гносеологии Аристотель занимает взвешенную позицию, отдавая должное как чувственному познанию, так и познанию рациональному. Чувственное познание даёт человеку адекватное и объективное "знание индивидуальных вещей". Однако цель науки – знание не единичного, а общего. А оно доступно лишь созерцающему и воспринимающему уму, высшей способности человеческой души, её вечной и неизменной, божественной части, представляет же собой постижение интеллигибельных, субстанциональных форм. Чувственное познание на основе воздействия внешнего мира – необходимое условие актуализации таких форм, заложенных в душе лишь как возможность, как потенция. Наука раскрывает сущность предмета через его определение. А полное определение предмета требует соединения индукции (опытного знания) и дедукции (выводного знания в форме логического умозаключения). Логика как систематическая наука, раскрывающая основные законы и формы мышления , отцом которой по праву считается Аристотель, является для него всеобщим методом получения достоверного научного знания. По справедливому же слову Канта, логика Аристотеля родилась уже совершенной.

Но не только этим великим приобретением обязана европейская культура Аристотелю. Его научный гений поистине универсален. Им созданы работы по физике, космологии, психологии, биологии, этике, политике, риторике, поэтике. Основное философское произведение – "***Метафизика***". По стилю же философствования Аристотель, в противоположность Платону, ученый-аналитик, заботящийся не о литературном блеске и отточенности выражения своих идей и наблюдений, а прежде всего о тщательном и скрупулезном рассмотрении достижений своих предшественников, критическом анализе всех возможных подходов, значений и смыслов разбираемой темы.

И Платон и Аристотель рассматривают человека лишь в контексте его гражданственности, по сути отождествляя человека и гражданина. "Человек по природе своей есть существо политическое". Он горячий патриот своего полиса, живущий его интересами и делами, ангажированно исполняющий свои гражданские функции. "Ведь … участвующие в государственном общении люди … все должны быть причастны к общей пользе". (Правда, круг граждан ограничивался лишь свободным мужским населением, в нём не было места женщине и рабу – "говорящему орудию").

Добродетель для Аристотеля – это умеренность, середина, исключающая крайности. Соответственно, и государственное устройство является луч-

шим, если граждане среднего достатка составляют в нём большинство. “Поэтому величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной, а в тех случаях когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания, именно под влиянием противоположных крайностей.”

Эллинистически-римский период античной философии

Начало эллинистического периода связано с победоносными походами Александра Македонского (336-323 гг. до н.э.), приведших к созданию огромной империи, которая поглотила (и уже безвозвратно) в своём составе не только множество “варварских” в глазах высокомерно-гордых греков, т.е. запредельных греческому миру земель и территорий, но и весь их “цивилизованный” мир свободных полисов. Конец полисной системы и утвердившаяся на долгие века кардинально новая социально-политическая ситуация, в которой гордый и до этого свободный гражданин полиса превратился в рядового подданного огромной единой государственной махины, где всё определялось и решалось чиновничьей вертикалью где-то очень далеко и высоко помимо его воли и свободного участия, вызвали такой же радикальный сдвиг и в мировоззрении античного грека. На смену мировоззренческому и гносеологическому оптимизму, ориентации на объективное бытие, гражданской ангажированности, социальной вовлечённости приходит скетицизм, индивидуализм, уход в субъективный мир частной, партикулярной жизни.

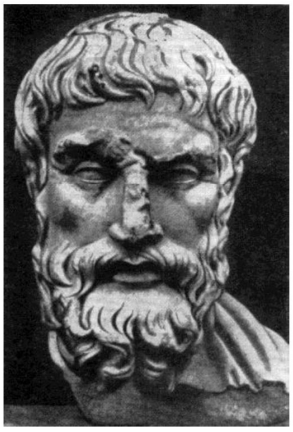
Меняется и *понимание задач философии*. Её основная функция сдвигается с познавательной деятельности на выработку внутреннего иммунитета, духовной стойкости индивида перед лицом чуждой ему и враждебной реальности. На первое место выдвигается “***практическая***”, моральная философия, а учение о бытии, онтология ставится по отношению к ней в служебное положение, разрабатывается и используется прежде всего для её обоснования. И хотя продолжали существовать и действовать старые философские школы (в том числе и основанная Платоном ***Академия***, а Аристотелем – ***Ликей***), наиболее полно и рельефно новые мировоззренческие установки эллинистически-римской эпохи выразили уже новые философские школы – ***скептицизм***, ***эпикуреизм, стоицизм и неоплатонизм***.

Философская школа, её основатель, крупнейшие представители	**Задачи философии**	**Цель человеческой жизни, идеал мудреца**	**Средства её достижения**

Скептицизм **Пиррон (365-275 гг. до н.э.),Секст-Эмпирик (конец II-220 г. н.э.)**	Научить правильной жизни.	Достижение ***атараксии***, безмятежности духа.	Воздержание от каких-либо суждений, утверждений (***эпохэ***), т.к. “всякому положению можно противопоставить другое, равное ему”(принцип ***изостении***).
“***Сад Эпикура***” (название школы – по месту её создания – 306 г. до н.э. – в тихом сельском пригороде Афин) **Эпикур (341-279 гг. до н.э.)**	“Пусты слова того философа, которыми не врачуется никакое страдание человека. Как от медицины нет никакой пользы, если она не изгоняет болезней из тела, так и от философии, если она не изгоняет болезни души”.	Счастье и удовольствие как конечная цель, но “не удовольствие распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении”… а как “свобода от телесных страданий и душевных тревог”, как “здоровье тела и безмятежность души”. Общественные же и гражданские дела – важнейший источник таких тревог. “Проживи незаметно” – девиз Эпикура.	*Размышление и познание природы* освобождают душу от ***страха смерти*** – для человека “самого страшного из зол”. Нужно “приучать себя к мысли, что смерть не имеет к нам никакого отношения, т.к. когда мы существуем, смерти ещё нет, а когда смерть наступает, тогда нас уже нет”. В понимании же природы Эпикур следует атомизму Демокрита, признавая “безграничное число миров, как похожих на этот наш мир, так и не похожих”. “Душа есть состоящее из тонких частиц(т.е. атомов) тело, рассеянное по всему организму… Когда разлагается весь организм, душа рассеивается… ”

Стоицизм (название от stoo – портик, галерея с колоннами в Афинах, где в 301 г. до н.э. основатель школы **Зенон (332-262 гг. до н.э.)** начал излагать своё учение). Наиболее известные представители: **Сенека Л.А (4-65 гг. н.э.) Эпиктет (50-138 гг. н.э.) Марк Аврелий (121-180 гг. н.э.)**	И для стоиков философия – это искусство жить.	Высшая цель – жизнь в согласии с природой, которая есть живой организм, пронизанный Логосом, божественным гераклитовым Огнём – Разумом. Природа совершенна, строго закономерна и бесстрастна (***апатия***).	Не в силах человеку изменить течение вещей, но есть всегда возможность изменить своё отношение к ним. Это и есть дорога к бесстрастию. Мудрец любит свой рок и мужественно, стойко принимает всё, что уготовано ему. Все люди (свободные и рабы, варвары и греки, римляне, мужчины и женщины) равны как граждане единого мирового государства - Космоса.
Неоплатонизм – основоположник **Плотин (205-270 гг. н.э.) –** последняя самая значительная философская школа античности. Возникает уже в период глубокого кризиса античного мира, формирования христианской религии, основ средневековой культуры, которая через ассимиляцию многих	Философия как путь восхождения от чувственно-материальной, природной реальности к её источнику – абсолютной реальности ***Единого*** (к Богу).	Цель человеческой жизни – познание ***Единого***, слияние с ним. Последние слова Плотина: “Старайтесь воссоединиться с божественным, которое внутри Вас, с божеством, которое есть универсум”. Религиозный мистический опыт как сущностная, глубинная сторона нарождав-	***Единое*** как невыразимая и неопределимая бесконечная абсолютная реальность, как сверх-бытие, сверх-жизнь, сверх-мышление, как неограниченная продуцирующая активность из своей неистощимой полноты и неисчерпаемого богатства изливается, эманирует (***эманация*** – истечение, излияние, исхождение), без какой-либо собственной убыли, но по строгим законам действительности сначала в свою 2-ую ипостась – ***Ум*** (“нус”), содержащий идеи и числа, затем – в 3-ю ипостась – ***Мировую Душу***, которая содержит все индивидуальные души и наконец, – в телесный мир – ***Космос***. В нём материя,

идей именно неоплатонизма восприняла и сохранила важнейшие интеллектуальные достижения античности.		шейся христианской религии, получил в неоплатонизме один из источников своей теоретической концептуализации.	будучи самой далёкой от светоносного источника областью, выступает уже как обделённая светом тьма, в которой творческая сила божественного источника истощается до исчезновения. Поэтому возвращение к Абсолюту – путь, противоположный процессу эманации, путь от тьмы к свету, требующий сбрасывания с души всяких земных, материальных привязанностей. “Сбрось с себя всё”. Духовный подъём достигается отвлеченным (математическим) мышлением, любовью к Прекрасному, следованием добродетели, чистым умозрением (платоновской диалектикой идей), а на его высшей стадии – слияние с Единым в акте мистического восхищения, ***экстаза*** (экстаз – выход из себя). Плотиновский панлогизм (пронизанность всей истекшей из Единого интеллигибельной и природной реальности Логосом), дополненный учением об экстатическом слиянии с Абсолютом содержал в себе гармоничную, взвешенную модель духовного опыта, которую европейская христианская культура, разделившись в дальнейшем на Восточную и Западную ветви, не смогла, к своему несчастью, сохранить.

ЭПИКУР

342 – 270 до н.э.

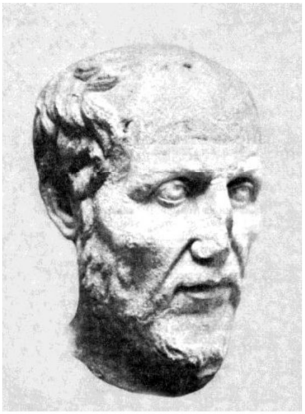
Приучай себя к мысли, что самое страшное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения, так как, когда мы существуем, смерти еще нет; а когда наступает смерть, тогда нас нет.
Проживи незаметно

Марк Аврелий Антонин

(121 - 180 н. э.)

Время человеческой жизни – миг; ее сущность – вечное течение; ощущение смутно; строение всего тела – бренно; душа неустойчива; судьба загадочна; слава – недостоверна. Одним словом, все относящееся к телу подобно потоку, относящееся к душе – сновиденью и дыму. Жизнь – борьба и странствие по чужбине; посмертная слава – забвение. Но что же может вывести на путь? Ничто, кроме философии.

ПЛОТИН

205-270

Старайтесь воссоединиться с божественным, которое внутри вас, с Божеством, которое есть универсум

В целом же, подводя итог очень беглого и сжатого знакомства с историей развития античной философии, необходимо сказать, что её наиболее общей чертой является ***космоцентризм***. Физис, природа, Космос и в своей чувственно-телесной ипостаси и в его логико-математической структуре составляют здесь средоточие теоретической тематизации философского интереса и поиска. Научная установка с её ориентацией на сущностное, всеобще-

необходимое и безусловное знание – наиболее ценное для судеб и европейской культуры и культуры всего человечества завоевание античной философии. ***Диалектика*** – имя этой установки. По определению, например, Плотина, «диалектика есть способность давать ***в логосе*** мысленное и словесное определение каждой вещи, что она есть и чем она отличается от других вещей, и что у неё общее с ними и, кроме того, где место каждой из них, и есть ли она сущность, и сколько имеется сущих, и, с другой стороны, не сущих, отличных от сущих". Средневековая мысль, прежде всего в её западной модификации, пусть и в ослабленной и даже превращённой форме, эту преданность научному знанию смогла поначалу хотя бы просто не потерять, постепенно в дальнейшем усиливая её до лейтмотива.

Средневековая философия

Предпосылки и основные источники.

Средневековье как сменившая античность эпоха в истории "европейского человечества" – это феодализм вместо рабовладения, феодальная политическая раздробленность Европы вместо жёсткого политического централизма эллинистическо-римского периода, это ***монотеизм*** (единобожие) вместо античного языческого политеизма (многобожия), это христианская религия в качестве доминанты духовной жизни общества вместо характерного для античности доминирования в ней философии.

Соответственно, формирование и судьба средневековой философии теснейшим образом переплетены с возникновением и существованием христианской религии. Находясь же постоянно в свите религии, философия не могла не сместить центр и средоточие своего внимания и интереса с прежнего ***космоцентризма*** на ***теоцентризм.*** То-есть философии досталась хотя и служебная, но очень важная роль теоретического исчерпывающего обоснования (на основе разума и во всеоружии уже открытых и освоенных ею логических и научных средств) и систематического выражения коренных мировоззренческих, принявших на этот раз характер религиозно-богословских, проблем о Боге, его отношении и связи с миром и человеком.

Само христианство – это первая продуктивная, взаимообогащающая обе стороны встреча Востока (правда, только Ближнего) и Запада. В итоге, европейской культуре предстояло освоить и ассимилировать целый ряд кардинально новых для неё идей и представлений, наложивших характерную печать на её исторический, прежде всего средневековый облик(монотеизм – одна из таких новых культурных универсалий).

В основе христианской религии – ***Библия*** (книга), священное для христиан Писание, состоящее из двух частей – ***Ветхого*** (Древнего) и ***Нового Заветов***. Ветхий Завет (комплекс текстов из 45 книг) – основа иудаизма, религии еврейского народа, формировался от 1300 до 100 г. до н.э. Новый Завет (включающий ***4 Евангелия*** (*Евангелие* – Благая Весть), Деяния апостолов, 20 апостольских посланий к верующим и ***Апокалипсис*** – Откровение, пророче-

ства Иоанна Богослова), возникает в 1 в. н.э. и посвящён жизни и учению Христа и его учеников.

Новые для античной европейской культуры идеи Старого Завета:

Старый Завет	Европейская античность
Монотеизм	***Политеизм***
Идея ***трансцендентности*** (потусторонности, запредельности) Бога как реальности абсолютной миру как реальности "тварной", сотворенной.	Идея ***имманентности***, присутствия Бога – ***Демиурга*** (Творца) античных философов в природном мире.
Креационизм – идея творения мира Богом из ничего.	Бог – ***Демиург*** античных философов – всего лишь искусный ремесленник, придающий вечной (т.е. несотворённой), хотя и неопределённой материи предметную определённость, наделяющий её определённой формой.
Идея личностного Бога, носителя не только Разума, но и Воли.	***Бог как безличный Абсолют***, самодостаточный в самом себе, ни в чём не нуждающийся и ни в чём не заинтересованный (вспомним, к примеру, Аристотелевского Бога как "мышления о мышлении").
Идея Богооткровения, активного, заинтересованного участия Бога в судьбе созданного им мира и человека, которое проявляется в прямом Его общении со своими избранными угодниками, в законе и заповедях, данных Богом своему народу через пророков, а также в Священном Писании.	***Идея универсальной природной закономерности***, пронизывающей Космос, природный мир.
Идея антропоцентризма – центрального места человека в созданном Богом мире, в котором все земные твари призваны служить ему, отдаются ему во власть и услужение.	Человек – хотя и обладающее разумом существо, но не выпадает из общего ряда явлений природной действительности
Идея богоподобия человека не только разумом, но и своей свободной волей.	***Божественное в человеке*** – в его устремлённости к истине, красоте, добру и справедливости.

Старый Завет	Европейская античность
Идея грехопадения первых людей и обремененности судьбы всех последующих поколений первородным грехом прародителей, а поэтому и невозможность спасения человека лишь на основе его индивидуальных усилий, без помощи Бога, его благодати.	Достижение мудрости, идеала мудреца вполне по силам человеку, руководствующемуся указаниями разума.
Идея богоизбранности еврейского народа и человека по факту его простой этнической принадлежности к "двенадцати коленам Израиля".	Противопоставление "эллина", а затем и "римлянина" "варварам" по критерию их причастности или непричастности греко-римской цивилизации и культуре.
Цель человеческой жизни – неукоснительное соблюдение данного Богом Закона.	***Цель человеческой жизни*** – освобождение от внешних и внутренних оков на основе индивидуального усилия.

Новый Завет Христа явился во многих отношениях радикальным преодолением Ветхого Завета. Это преодоление связано прежде всего с идеей единого, но одновременно и ***триипостасного Бога***, Бога как "***единой и нераздельной***" ***Троицы: Бога Отца, Бога Сына, Бога Духа Святого***. Ветхозаветная идея откровения обогатилась идеей ***боговоплощения*** (прихода самого Бога на Землю) и связанной с нею идеей искупления тяготевшего над человеческим родом первородного греха добровольной жертвенной смертью Христа, а также ***идеями воскресения и спасения***. Своим воскресением из мертвых Христос – Сын Божий открывает всем верующим в него путь спасения как путь блаженной вечной жизни, начинающейся после смерти, которой заканчивается жизнь земная. Всеобщее же воскресенье из мертвых как финал всей человеческой истории со вторым приходом Христа на Землю – удел всех живших на ней.

О том, насколько идея воскресения из мёртвых была для античного культурного интеллектуализма (как еврейского, так и греко-римского) фантастичной и неприемлемой, видно из рассказа в "Деяниях апостолов" о приеме, оказанном апостолу Павлу в афинском Ареопаге, высшем тамошнем органе судебной и политической власти, греческими интеллектуалами – философами (стоиками и эпикурейцами), которые благосклонно слушали всё, что он рассказывал им о Христе, его жизни и спасительной миссии на Земле, но лишь только услышали о воскресении Христа – с насмешками и словами "Об этом мы послушаем тебя в другой раз" дружно покинули прославленное место учёных собраний. "Благая весть" Христа обращена уже не только к евреям, но ко всем людям без различия их этнической, социальной, конфессиональной и какой угодно иной принадлежности.

Понятие "***богоизбранного народа***" наполняется новым смыслом и включает всех уверовавших во Христа, составляющих его церковь как союз

христианской любви и братства – основы нового учения. Ветхозаветный антропоцентризм получает в Новом Завете несоизмеримое усиление, поскольку ради человека и его спасения посылается Богом на Землю и на вольное страдание его "единородный Сын". Эта величайшая ради человека жертва предполагает, соответственно, и со стороны человека его безграничную, презирающую все земные блага и ценности, встречную жертвенную любовь к Богу.

Ветхозаветному идейному экспансионизму и представлению о справедливости с его принципом "око за око, зуб за зуб" и, мягко говоря, нетолерантности ко всем, кто не попал в лоно "богоизбранного народа", противостоит новозаветная система принципов, требующая отвечать на зло добром и любовью, на гордость и высокомерие – смирением и кротостью, на агрессию и экспансию – миролюбием и миротворчеством, видящего источник силы и крепости в слабости и немощи. По существу взрывая и отбрасывая ветхозаветную "практическую философию", новая религия тем не менее безоговорочно приняла Ветхий Завет в качестве своего праисточника, создав тем самым мощную основу для своей будущей глубокой и основательной метафизики (онтологии) и морального учения (***аксиологии***).

Важнейшим источником средневековой философии стала и ***поздняя античная мысль***, прежде всего ***стоицизм*** и философия иудейского мыслителя ***Филона Александрийского*** (15-10 гг. до н. э. – 1-я половина 1 в. н. э.). Поздний стоицизм настойчиво акцентировал необходимость для достижения идеала стоической мудрости равнодушия и даже презрения ко всему земному, чувственно-материальному. Филон же развил учение ***о Боге как личности и Логосе***, ***его Сыне*** как посреднике между духовной трансцендентной реальностью Бога и созданным им природным миром. Любимый ученик Христа Иоанн Богослов, наиболее интеллектуально подготовленный из евангелистов, в своем евангелии отождествляет ***Логос и Христа***, обеспечив нарождавшейся средневековой мысли широкий простор теоретической философской рефлексии и создав надёжные предпосылки выстраивания её прочной связи с античной философией.

Периодизация средневековой философии (патристика и схоластика)

Хотя средневековье как историческая эпоха охватывает период с V по XV вв., формирование средневековой философии началось уже во II в. н.э. Принято различать два основных периода в её развитии: период ***патристики (II-VIII вв.)*** и ***схоластики (VIII-XVвв.).*** Название первого периода связано с деятельностью выдающихся христианских мыслителей-богословов, "отцов церкви" (патер-отец); II-III века патристики получили название ***апологетики***, так как в этот тяжёлый для христианской церкви период жестоких преследований и гонений христианским мыслителям приходилось защищать (апология-защита) свою веру от различных клеветнических обвинений, доказывать её лояльность к существующим властям и государству, апеллировать к единым для всех граждан Римской империи правовым нормам. В силу определённых исторических условий с самого начала обозначились восточная (гре-

ческая) и западная (латинская) ветви патристики. Наиболее видными апологетами первой ветви были ***Иустин Философ*** (казнён в 165г.), ***Климент Александрийский*** и ***Ориген*** (казнён в 253г). Самым знаменитым апологетом латинской патристики является ***Тертулан*** (155-220 г.). IV-V вв. – время высшего расцвета патристики. Ключевые фигуры греческой, ***восточной патристики*** – ***Афанасий Александрийский***(295-373гг.), ***Григорий Нисский*** (335-394), ***Василий Нисский*** (331-379), ***Григорий Назианзин*** (330-390), ***Иоанн Златоуст*** (350-407), ***Иоанн Дамаскин*** (673-777). Наиболее выдающиеся представители ***латинской патристики*** – ***Иероним*** (347-420), ***Амвросий*** (339-397) и особенно ***Августин Аврелий*** (354-430).

Патристика – это период поиска и формулирования основных мировоззренческих, в том числе и философских положений средневековья. Отцам церкви выпала историческая миссия теоретического осмысления и разработки не только множества новых чисто богословских вопросов и проблем христианской религии. Они выработали новое мировоззрение, органично соединив в нём многие элементы из разных источников, в том числе и из античной философии.

Исключительно великая роль в этом отношении принадлежит **Августину**, осуществившему грандиозный синтез новых мировоззренческих представлений христианства и многих достижений античной мысли. Из его рук европейская культура получила уже законченное, цельное средневековое мировоззрение, теоретическим фундаментом которого стала прежде всего ***философия Платона*** (в основном, правда, в её неоплатонической версии). И вплоть до Фомы Аквинского (XIII в) Августин был главным философским авторитетом средневековья.

Философия Платона помогла Августину преодолеть доминировавший в эллинистическую эпоху глубокий скептицизм и обрести твёрдую уверенность в возможности познать истину. Она же помогла ему стать на прочную основу идеалистического монизма, в соответствии с которым Бог как подлинное бытие, истинная субстанция есть чисто духовная реальность, не обремененная ничем материальным. И именно «Бог и Душа – единственно достойные предметы познания». При этом, вполне в духе платоновских идей, Августин убеждён, что самопознание – источник, основа как миропознания, так и богопознания. “Вне себя не выходи, а сосредоточься в самом себе, ибо истина живёт во внутреннем человеке, … и лоно её не в чувственном пространстве, но в душе пламенеющей”. Но познание Бога неразрывно связано с моральным самосовершенствованием человека, требует от него нравственной чистоты сердца и ума. Богопознание, таким образом, возможно лишь как ***богоуподобление***, предполагает «обожение» человеческой души и тела. Как и Платон, Августин обосновывает бессмертие души бессмертием разума, поскольку она – его носитель. Вечные и абсолютные платоновские идеи были истолкованы Августином как предвечные мысли Бога в его божественном интеллекте, в соответствии с которыми и был сотворён мир из ничего. Опираясь на Платона, Августин решает и проблему зла в мире, которое истолковывает не как нечто реально существующее, а как нехватку, недостаток добра, как результат удаления от его первоисточника, которым и является Бог.

АВГУСТИН АВРЕЛИЙ БЛАЖЕННЫЙ

(Святой)
354-430

Бог и Душа – единственно достойные предметы познания.
Вне себя не выходи, а сосредоточься в самом себе, ибо истина живет во внутреннем человеке, … и лоно ее не в чувственном пространстве, но в душе пламенеющей.

Среди множества философских проблем, поднятых Августином как самостоятельным мыслителем, надо назвать прежде всего ***проблему человеческой личности***, её становления, формирования и существования в напряжённой внутренней борьбе с глубоко коренящимся в ней грехом, которую Августин раскрыл в своей знаменитой "***Исповеди***" – первой в мировой литературе философской автобиографии. Августин открывает внутреннее Я человека как средоточие и центр его личности. "Я есть определённость бытия, то, что способно себя знать и любить". Нет в мире, убеждён Августин, большей загадки и тайны, чем душа человеческая. Ведь легче пересчитать волосинки на теле человека, чем исчислить все страсти и волнения человеческой души. Внутренний мир личности впервые представлен как поле драматической борьбы двух бездн человеческой души – темной, греховной, ориентированной на земное, телесное, сулящее чувственные наслаждения и вечной жажды божественного, "истинного света", чистоты, душевной гармонии и совершенства. Такая раздвоенность мучительна и невыносима. "И стал я тогда бороться с самим собой, раздирая самого себя".

В противоположность античным авторам Августин рассматривает волю уже не как подчиняющееся разуму стремление, а как автономную, самостоятельную сущность, как раз за которой, а вовсе не за разумом, всегда остаётся выбор, и выбор этот очень часто, если не в большинстве случаев идёт вопреки указаниям и велениям разума. Самостоятельными силами преодолеть эту трагическую раздвоенность человеку не дано. Требуется помощь, вмешательство Бога. Без такой божьей благодати человек обречён существовать в бесконечном кругу чувственных страстей и влечений, а душа, "чем более вдаётся в чувства, тем более делает человека похожим на скота". Человек – личность лишь в той мере, в какой причастен духу, который понимается как открытость души Богу, её устремленность верой навстречу божественной благодати. Человек как личность, таким образом, понимается Августином как единство тела, души и духа. Дух – новое (помимо тела и души), неизвестное античной мысли измерение человеческой реальности, открытое средневековой философией.

Вопрос о соотношении Бога и мира, Творца и творения, приводит Августина к ***проблеме времени***. Он различает вечность как атрибут Бога – бытия

абсолютного и неизменного, в котором нет ни прошлого, ни будущего, а только бесконечное настоящее, и время, которое относится лишь к созданному Богом миру, ведь "мир создан не во времени, а вместе с временем". В итоге Августин останавливается на субъективистской трактовке времени как состояний нашей души, в которой есть «три формы восприятия», соответствующие трём временным категориям: прошлому соответствует память или воспоминание, настоящему – интуиция, взгляд, созерцание, будущему – ожидание, упование, надежда. Ведь "как расходуется будущее, которого ещё нет, или прошлое, которого уже нет, если не через душу, какова и есть причина факта, что эти три состояния существуют?"

Августину принадлежит и первая в европейской культуре линейная трактовка исторического процесса, развитая им в своей главной философской работе ***"О граде божием"***. Эту трактовку характеризуют ***провиденциализм*** и ***эсхатология***, в соответствии с которыми ход исторического процесса определяется промыслом божиим, провидением и неизбежно закончится в момент второго пришествия Христа на Землю и последующим страшным судом. Начало этому процессу положило создание Богом Адама и Евы, а его центральным событием стало боговоплощение – жизнь, смерть и воскресение Христа. Содержание же человеческой истории составляет борьба в ней "двух градов" – земного и небесного. Они "созданы двумя родами любви: земной – любовью к себе, доведенной до презрения к Богу, и небесной – любовью к Богу, доведенной до презрения к самому себе". Законом жизни первого является ненависть, злоба, эгоизм, несправедливость, насилие и т.д., небесный же град как объединяющая преданных Богу церковь Христова живёт по закону любви, солидарности и взаимопомощи, смирения и добровольного послушания, является единственным и надежным якорем, маяком и надеждой спасения всех людей, а потому оправданием существования и греховного, осуждённого на погибель, града земного.

Особенно важной для судеб европейской, а значит, и мировой, культуры было решение отцами церкви, можно сказать, вечной, "сквозной" и по сей день не теряющей своей актуальности ***проблемы соотношения веры и разума*** (соответственно, религии и науки, которую в те далёкие времена представляла, конечно же, философия). При этом обозначились ***три варианта*** её решения. ***Первый*** решительно отвергал и отбрасывал языческую "эллинскую мудрость" как несовместимую с непосредственной, живой верой, не требующей какой-либо рефлексии и анализа, так как её содержание – не столько знание, сколько чистая и преданная любовь к Богу и священному писанию. Принцип такого подхода выражен в приписываемой Тертуллиану формуле "верую, потому что абсурдно". Чем несовместимее с представлениями здравого смысла и человеческого разума могут казаться истины веры, тем очевиднее они должны приниматься в качестве именно таких истин. Принятие такой позиции христианской церковью, особенно после обретения ею в 313 г. свободы вероисповедания и культа, а в дальнейшем и статуса государственной религии, перекрыло бы навсегда возможность какого-либо альянса религии и философии, а значит и культурной трансляции средневековьем величайших интеллектуальных достижений античности.

Вторая позиция, отдающая приоритет разуму, философии, выраженная формулой "***понимаю, чтобы веровать***", стала постепенно доминирующей в период схоластики, так что, к примеру, Иоанн Скотт **Эриугена** (IX в) был убеждён, что "никто не восходит на небо иначе, чем через философию", поскольку "истинная философия ничто иное как религия, а подлинная религия – это правдивая философия". Эта позиция, исподволь вызревавшая в лоне западной средневековой, по своей сути религиозной культуры, обернулась в дальнейшем, уже в Новое время, "время модерна", агрессивным отторжением религиозного сознания как "архаичного, реакционного, антинаучного, несовместимого с прогрессом", "просвещенным сознанием" европейского человечества, основанном на "научной рациональности".

Григорий БОГОСЛОВ

330-390

Уподобимся же Христу, ибо Христос уподобился нам. Станем ради Него как боги, ибо Он явился человеком ради нас. В естестве человеческом всего важнее образ Божий и сила ума. Та вера не имеет цены, коей человеческий разум предоставляет доказательства

Пьер АБЕЛЯР

1079-1142

Вера, не просветленная разумом, недостойна человека

Третья позиция, выраженная формулой "***верую, чтобы понимать***", достаточно обоснованная и уже реализованная в ткани философско-богословской мысли представителями греческой, восточной патристики, принятая также и Августином, обеспечила прочный мост, надёжную связь античной философии со средневековой мыслью. Сам Августин развивает широкую аргументацию в обоснование совершенно справедливого тезиса, что основной массив знаний человек всегда получает через веру, доверяя авторитетным людям, "опираясь только на свидетельство других", так что "без этой веры не могло бы существовать и самое человеческое общество". Но если мы всегда и

везде так доверяемся человеческому авторитету, то тем с большим основанием должны доверяться “истинному, прочному и высшему авторитету”, авторитету божественному”, Священному Писанию, “обладающему превосходнейшим авторитетом” относительно тех вещей, “незнание которых вредно, но и знания которых мы не в состоянии достигнуть сами”, а также “великим и божественным мужам”, познавшим истину и указавшим путь к ней в своих творениях. Ведь “вера в авторитет весьма сокращает дело и не требует никакого труда”. Такой путь к истине – самый достойный и надежный для “громаднейшего большинства”, “для чьих душ, более тупоумных или более занятых житейскими делами, другого средства к спасению” не существует. Но поскольку “душа питается не иным чем, как разумением вещей и знанием, умозрениями и размышлениями”, а “разум есть взор души, которым она сама собою, без посредства тела, созерцает истинное”, то мы можем также “дойти до истины путём разума”. И здесь открывается широкий простор для философии, которую великий интеллектуал своего времени Августин вслед за не менее великими творцами средневековой культуры – восточными отцами церкви, оценивает очень высоко, особенно ***диалектику***, способную, по убеждению Августина, каждому человеку дать массу истинных знаний, но прежде всего развить и усовершенствовать способность понимания и размышления. А это надежный путь укрепления веры. Ведь “чтобы хотеть искать Бога, человек должен быть разумным”.

К тому же огромное поле приложения философии – в христианской ***герменевтике***, объяснении и истолковании Священного Писания. Уже Филон Александрийский обосновал и применил “аллегорический метод” понимания Библии, требовавший выявления и раскрытия глубинных скрытых символов в ветхозаветных историях. Для рафинированного, утончённого интеллектуала Августина Библия долгое время (обратился он в христианство уже в 32-х летнем возрасте) воспринималась как грубый и примитивный текст. После же своего обращения и сам Августин с блеском демонстрирует также и замечательное мастерство христианского герменевтика, глубокого и философски убедительного истолкователя часто запутанных и противоречивых библейских сюжетов.

Таким образом, с рассматриваемой позиции, спасение как цель человеческой жизни достижимо прежде всего через веру, сердцевина которой – любовь, но эта вера должна быть также просветляема и разумом. Но это касается не только веры. По Августину, все человеческое познание в целом базируется и основано на “нетелесном свете, который известным образом озаряет наш ум, дабы мы могли правильно судить обо всех вещах: для нас это возможно настолько, насколько воспринимаем мы этот свет”. Теория познания Августина – ***теория озарения, просветления, люминисценции***, нетелесного, невещественного света, озаряющего человеческий разум и лежащего в основе той “великой и удивительной способности” – страсти к познанию, которая, “кроме человека, не свойственна никому из смертных одушевлённых существ. А как велика любовь к знанию и насколько природа человеческая не желает обманываться, можно понять из того, что всякий охотнее желает плакать, владея здравым умом, чем радоваться в состоянии помешательства”. Источник же

этого “невещественного, умственного света, озаряющего человеческий ум” в любом познавательном акте – в самой вечной и абсолютной Истине, которой является Бог. “Это озарение нашим внутренним очам исходит из оного таинственного солнца. Все то истинное, что говорим мы, от него…”.

Схоластика (от греч. schola-учёная беседа, школа, лат. Scholastica – учсный, школьный) – слсдующий за патристикой длитсльный псриод (VIII-XV вв.) в развитии средневековой философии, связанный прежде всего с возникновением, ростом и расширением средневековой системы образования и необходимости его обеспечения соответствующими учебными и дидактическими материалами. Это открыло для философии ещё одно широкое поле деятельности – ясно и доходчиво, связно, последовательно и систематически, применительно к тому или иному уровню преподавания и обучения излагать сложнейшие богословско-мировоззренческие проблемы (обучение, естественно, было под опекой и в рамках теологии). Именно в этот период философия получает общепризнанный и почётный, по тому времени, для неё титул и статус “служанки богословия”. Поскольку в содержательном плане принципиальные мировоззренческие проблемы были в своё время в напряжённом творческом поиске уже решены отцами церкви, представители схоластики вынуждены были, что называется, всем ходом вещей обратиться к проблемам формы, то есть к логической проблематике. И в этой области им принадлежат серьёзные достижения. Так, например, считается, что теоретические и операциональные основы математической логики заложены были именно средневековой схоластикой.

В свою очередь внимание и интерес к логике были естественным следствием усилий средневековой схоластики решить для себя проблему ***универсалий***, ***общих понятий***, которая стала её основной темой. Проблема эта для нас с вами не является новой. Мы с ней знакомы уже по философии Платона. Это в подлинном смысле вечная философская проблема соотношения общего и единичного, проблема природы, т.е. бытийного, онтологического статуса общего. В античности эта проблема ставилась на научной, прежде всего математической основе, в эпоху схоластики, естественно, ставилась и решалась на теологической основе.

При этом в рамках схоластики были выработаны два основных резко противоборствующих подхода к её решению: ***реализм и номинализм*** (умеренный номинализм получил название ***концептуализма***). Реалисты – **Ансельм Кентерберийский (1053-1109)**, **Гильом из Шампо (1070-1121), Фома Аквинский (1221-1274)** – были убеждены, что подлинным бытием обладает именно общее. Universalia ante rem – общее предшествует вещам – такова краткая, ёмкая формула, выражающая эту позицию. Номиналисты – а среди них были, как, впрочем, и среди реалистов, крайние и умеренные, – **Росцелин (1050-1120)**, **Пьер Абеляр (1079-1142), Оккам (1280-1348)**, **Буридан (XIV ст.)** – наоборот, реальный бытийный статус приписывали лишь единичным вещам, а общее сводили к наименованиям (лат. Nominalis – относящийся к названиям, именам), названиям, которым человек обозначает единичные вещи. У крайнего номиналиста Росцелина универсалии, общие понятия иногда истолковываются даже как “звучание голоса”(“flatus vocis”). При таком под-

ходе подрывается главный христианский догмат о Единой и Нераздельной Троице, которая превращалась в троебожие.

Умеренный реалист Фома Аквинский утверждал о трояком существовании универсалий – “до вещей”они существуют в божественном интеллекте как предвечные мысли Бога, в соответствии с которыми и был сотворен мир; “в вещах”, где они выступают как “субстанциальные формы” этих вещей; и “после вещей” – в человеческом интеллекте как его понятия, как результат абстрагирующей деятельности человека в ходе познания вещей природного мира. Умеренный номиналист Пьер Абеляр, отвергая реальный бытийный статус универсалий, признавал тем не менее их существование в качестве концептов, понятий человеческого ума как результата абстрагирования сходных свойств и признаков вещей и их объединения в человеческом уме (позиция концептуализма).

Неправильно думать, что проблема природы универсалий, бытийного, онтологического статуса общего, когда-то так сильно волновавшая схоластов и принимавшая часто форму острой и даже драматической борьбы реалистов и номиналистов между собой – это чисто теоретическая, далекая от жизненной практики, давно “канувшая в лету” философская головоломка. Будучи подлинно универсальной, эта проблема вплетена в ткань всей, в том числе и социальной реальности. Когда молодые люди, он и она, создавая семью, не модифицируют кардинально своё поведение, подчиняя его закону жертвенной любви (“Ты сказала, что я тебе нужен. И вот я боюсь каждой капли дождя, как бы она меня не убила”), а на первое место по-прежнему выдвигают своё собственное горячо любимое “Я” – они безнадёжные номиналисты. Безнадёжные в том смысле, что надеяться в этом случае на прочность и долголетие семьи – дело заведомо пустое.

Для социальных же “реалистов” семья – не механическое соединение самодостаточных индивидов, а новая, священная надиндивидуальная общность, надиндивидуальная реальность, счастливо и без капли сожаления поглощающая их в себе, поглощающая безвозвратно. То есть номинализм в нашей жизни – это эгоизм, индивидуализм, разобщенность, обособленность, отчужденность людей друг от друга, равнодушие, безразличие ко всему, что не затрагивает непосредственно интересы свободного “социального атома”.

Что же до теоретического аспекта проблемы универсалий сегодня, то она – головная боль современной математики и логики, а следовательно и современного предельно математизированного естествознания. Ведь поднятая в начале XX века во всей своей остроте проблема оснований математики так и осталась нерешённой.

Схоластика – это своеобразная интеллектуальная готика средневековья, неустанное возведение стройных и законченных концептуальных построений, с той, правда, существенной оговоркой, что обитал в этих величественных интеллектуальных творениях не столько дух Божий, сколько дух рацио, дух науки, впервые столь мощно проявивший себя ещё у досократиков.

Схоластический рационализм – величина постоянно в схоластике возраставшая. Зрелая схоластика уверенно ставила перед собой задачу построения рациональной, научной теологии, основываясь на убеждении в “возмож-

ности исследования веры с помощью разума". Пьер Абеляр – "странствующий рыцарь диалектики", отождествлявший её с логикой, "которая есть дар вечного Логоса", был убеждён, что "вера, не просветленная разумом, недостойна человека". Выражением такой нараставшей рационалистической тенденции в схоластике явились рациональные доказательства бытия Бога, первое из которых, так называемое "***онтологическое***" доказательство, принадлежит ***Ансельму Кентерберийскому***. Оно исходит из самого понятия, идеи Бога. Поскольку "Бог есть то, больше чего ничего нельзя помыслить", то значит атрибут существования необходимым образом входит в само понятие Бога. (Какой же это Бог, если ему не хватает такой "малости", как существование.) Поэтому когда безумец осмеливается отрицать существование Бога, он просто не понимает, о чём говорит. Позже, в XIII в., Фома Аквинский сформулировал ещё пять рациональных доказательств существования Бога, но эти доказательства не оригинальны, так как были выдвинуты в своё время ещё Аристотелем. В целом же ***Фоме Аквинскому принадлежит особое место*** в истории средневековой схоластики. Это место определяется прежде всего тем, что Фома переориентировал средневековую схоластику с августино-платоновского философского наследия на ***философию Аристотеля***, переистолковав её в духе христианского богословия. После Фомы Аквинского Аристотель становится главным и безусловным авторитетом, окончательной инстанцией истины в схоластике, которая начинает воспринимать и описывать реальность в терминах и категориях аристотелизма.

Фома АКВИНСКИЙ
1221-1274

Для спасения человеческого было необходимо, чтобы философские дисциплины, которые получают свое знание от разума, были дополнены наукой, священной и основанной на откровении… Перводвигатель, который есть Бог, не имеет ни малейшей примеси потенциальности, но есть чистый акт

По вопросу соотношения веры и разума Фома выдвигает и обосновывает концепцию их ***изначальной гармонии***, поскольку основные догматы веры, "истины откровения" являются, считает Аквинский, сверхразумными и поэтому не могут противоречить истинам разума. Когда руководимая разумом философия вступает в противоречие с истинами откровения и христианской веры, ошибка, несомненно, на её стороне. Поэтому, заключает Фома, за теологией остаётся в конечном итоге функция определения и указания разуму, а значит, и философии и науке, их высших целей и задач.

В дальнейшем в русле схоластики сформировалось оппозиционное крыло, которое стремилось вывести философию и связанную с нею науку из-под контроля и опеки теологии. Это нашло выражение в ***теории двойственной истины***, согласно которой философия и теология не могут противоречить друг другу, так как имеют разные предметные области исследования: философия и наука исследуют природный мир, в то время как теология решает задачу "спасения" человека, которое связано с областью сверхъестественного бытия. Схоластика как течение философской мысли продолжала своё развитие и за временными рамками средневековья уже как ***неосхоластика***. Её правопреемницей и наследницей стала в 19 в. философия ***неотомизма*** (обновленная философия Фомы Аквинского), которая признана католической церковью в качестве её официальной философии.

В постсредневековый период схоластика стала объектом острой, уничтожающей критики со стороны новых философских течений, усилиями которых превратилась в общественном сознании в синоним бесплодного, полностью оторванного от жизни и науки умозрительного мудрствования. По этому поводу уместно сказать, что средневековая философия, и прежде всего её схоластическая ипостась добросовестно, жертвенно и до конца пронесли эстафету всеобщего, безусловного, необходимого рационального знания (хотя и в теологической упаковке) и передали её новой, уже естественнонаучной рациональности. И как это часто бывает в жизни, неблагодарное дитя, ориентированное безоглядно только вперёд, приняв из материнских рук этот бесценный дар, с легкостью освободилось от каких-либо обязательств по отношению к прошлому, не только не нашло слов признательности и благодарности, но ответило полным отрицанием, обрушив на них едва ли не площадную брань.

В целом же образ всей средневековой философии очерчивается следующими наиболее существенными чертами:

– ***В онтологическом аспекте – это объективный идеализм***. Бог как абсолютная, бесконечная, трансцендентная, неизменная духовная реальность есть вечность, противостоящая, но одновременно и всегда таинственно связанная с имеющим начало и погруженным во временной поток изменений своим творением – миром (природным, человеческим и миром тварных же духов).

– ***В гносеологическом*** плане первенство в главном для человека жизненном деле ***богопознания*** отдаётся без колебаний ***вере*** – пламенному порыву любви как ответ на безграничную божественную любовь. Отсюда ключевая роль авторитета, бдительное хранение догматических основ.

В то же время разум как искра божественного интеллекта в человеческой душе – надежный внутренний цензор, зорко стоящий на страже её искренности и чистоты, а значит и верный компас в труднейшем пути богопознания. Но он же – основной инструмент эффективной познавательной деятельности, направленный на созданный Богом мир. То есть "***познание сердцем***" всегда корректируется и апробируется его (сердца) **"умными очами".**

Эта линия христианского аскетического ***мистицизма***, древнейшей практики "внутреннего молитвенного делания", опыта мистической интуиции, мистического созерцания, скажем модным современным языком, - ***хри-***

стианской йоги (“до глазниц борода, из глазниц – бесконечность”) за неимением места и времени была лишь вскользь обозначена, но почти не затронута нами, между тем как это основа основ христианской религии. Она никогда не прерывалась и в западном, католическом христианстве (один из ярких примеров тому – борьба аскета-мистика Бернара Клервосского с “Аристотелем схоластики” – Пьером Абеляром), однако была отодвинута доминантой схоластического рационализма на задворки западной духовной жизни.

Восточное же, православное христианство избежало этого явного перекоса духовности в сторону сухой, рассудочной рациональности. И обнищавшему духом “европейскому человечеству” ещё предстоит (если суждено ему свернуть со своего тупикового, пагубного пути) новое открытие греческой, на этот раз уже христианской, мудрости.

– В ***аксиологическом*** плане средневековая философия ориентирует человека прежде всего на внутреннее, “духовное делание”, борьбу с “внутренним врагом”, который прячется и ловко скрывается за всякой “мирской” и “плотской” страстью, “пригвождает ум наш к земным вещам”, стоит за “лукавыми помыслами” человеческого ума и “скверными” побуждениями его сердца. Эту исходную аксиологическую ориентацию средневековой философии хорошо выражают слова средневекового поэта, обращённые к юному поколению:

“Юношам заданье – самообузданье.
Самообузданье – юношам заданье”.
Ведь ***“проникает в душу грех, предвещая неуспех.***
Предвещая неуспех, проникает в душу грех”.

Из такой аксиологии (учения о ценностных ориентациях) вытекает и соответствующая ***праксиология*** (учение о человеческих действиях). Они должны, чтобы работать на спасение человеческой души, определятся и регулироваться исключительно христианскими ценностями, новозаветными заповедями Христа, показавшего и личный пример неуклонного следования им.

Подводя общий итог нашему знакомству со средневековой философией, вполне правомерно сделать следующий вывод. В XX в., а теперь уже в начале и XXI-го европейская культурная элита беспрерывно совершает паломничество за паломничеством на Восток за обретением утраченной духовности. По нашему твёрдому убеждению, несоизмеримо более продуктивным было бы её паломничество назад, к своим культурным корням, которые остались в толще средневековой культуры. В современную эпоху ***неоязычества***, когда внутреннее измерение человека смято, сплюснуто и затоптано внешним ***активизмом***, средневековье с его главной заботой именно об этом “***внутреннем человеке***” остается тем могучим и огромным материком, на котором обезумевшее в бесконечной гонке за призрачным “здесь и теперь” европейское человечество могло бы найти и твердую почву под ногами и регенерацию своей поврежденной, больной духовности.

Философия Возрождения

Социально-исторические и духовные предпосылки.

Эпоха Возрождения в европейской истории охватывает период XIV—XVI вв. Иногда она рассматривается как переходный период от средневековья к Новому времени, но все-таки, по-видимому, более правы те, кто рассматривает её как начальную фазу Нового времени, которое во второй половине XX в. с лёгкой руки постмодернизма получила название модерна. Родина и наиболее мощный источник Возрождения – Италия. Однако, возникнув первоначально в Италии, оно со временем в той или иной степени охватило все регионы Европы.

Своим названием ***Возрождение*** (или ***Ренессанс***) обязано обращением интеллектуальной элиты Италии к культурному наследию Античной Греции периода наивысшего её подъёма, в которой итальянские интеллектуалы XIV ст. видели максимально полное воплощение радикально новаторских по тому времени своих идеалов. И если по форме это было как будто возвращение назад, обращение к далёкому, почти двухтысячелетнему прошлому, то по своей глубинной сути это был радикальный мировоззренческий сдвиг, полный разрыв с ещё живым средневековьем и его системой основополагающих ценностей. Суть этой радикально новой мировоззренческой установки хорошо выражают слова **Франческо Петрарки (1304-1374)**, выдающегося поэта и в то же время одного из зачинателей возрожденческого гуманизма: «На что следует надеяться в божественных делах – этот вопрос предоставим ангелам, из которых даже наивысшие пали под его тяжестью. Конечно, небожители должны обсуждать небесное, мы же – человеческое… Пока человек пребывает здесь, он должен добиваться той славы, на которую может здесь рассчитывать, а ту, большую, он вкусит на небе, где он не захочет уже и думать об этой земной. Следовательно, порядок таков, чтобы смертные прежде всего заботились о смертных вещах и чтобы вечное следовало за преходящим».

В противоположность средневековому человеку возрожденческий человек ставит, таким образом, на первое место не заботу о вечном, о спасении души, об обретении вечной жизни в потустороннем мире, наоборот, своё земное существование он превращает в самоцель, все силы свои направляет на достижение земного счастья, успеха и славы, максимально полного самопроявления. Гармоничный, духовно и физически совершенный человек, живущий полнокровной земной жизнью как антипод средневековому аскетическому отвержению «мира и плоти», – и составляет тот самый возрожденческий идеал, максимально полную реализацию которого идеологи Возрождения видели именно в Античной Греции времён Перикла. Человек, «единственный из всех тварей, достоинством самовластия почтенный», не мыслящий своего существования вне связи с Богом и человек, повернувшийся к Богу спиной ради своего земного благополучия и счастья, никому не передоверяющий и ни на кого не перекладывающий этого дела своего земного благоустройства – в этом коренное отличие антропоцентризма средневекового от пришедшего на смену ему **возрожденческого антропоцентризма**.

Совершенно очевидно, что это уже человек Нового времени, новой буржуазной формации, хотя сама эта формация ещё только начинала складываться, формироваться, как принято говорить, в недрах феодального общества. Философия в этом случае, как это и довольно часто бывало, сработала на опережение.

Таким образом, эпоха Возрождения – это эпоха неуклонного, хотя на первых порах и постепенного складывания новых буржуазных общественных отношений, развития городов и их успешной борьбы за свою автономию, роста в них мануфактурного производства, непрерывного падения влияния и власти церкви и её идеологии на общество, соответственно и одновременное усиление процессов секуляризации европейской культуры, которая все более и более становится светской. Освободившийся трон госпожи и владычицы средневековой культуры с течением времени перешёл к уже тогда бурно и очень громко заявившей о себе новой науке, которая свою задачу видела исключительно в исследовании природного мира на основе чувственного опыта и экспериментов, все более строгих научных методов с применением всё более точных научных приборов.

Возрождение – это эпоха сначала ***астрономической революции***, связанной с именами **Николая Коперника** (1473-1543), **Тихо Браге** (1546-1601), **Иоганна Кеплера** (1571-1630) и **Галилео Галилея** (1564-1642), а затем уже в XVII ст. (**Исаак Ньютон** - 1642-1727) – в целом ***научной революции***. Возрождение – это и ***великие географические открытия*** и начало западной «цивилизационной» миссии в Америке, Азии, Африке (1492г.- открытие Колумбом Америки, 1510-1511 – «цивилизованная» Европа возрождает работорговлю, поставив на хорошо отлаженную коммерческую основу массовую, растянувшуюся на века экспортацию негров в Америку).

Реабилитация земного, посюстороннего бытия человека дала великий ***импульс художественной культуре***, которая в изображении человека и человеческого мира достигает величайших, остающихся и по сей день непревзойдёнными вершин. Один лишь перечень великих творцов искусства этой эпохи говорит сам за себя: в Италии – **Данте, Боккаччо, Петрарка, Джотто, Ботичелли, Рафаэль, Тициан, Леонардо да Винчи, Микельанджело, Браманте, Альберти**; во Франции – **Рабле, Ариосто**; в Испании - **Сервантес, Эль-Греко, Лопе де Вега**; в Германии – **Дюрер, Грюневальд;** в Голландии – **Брейгель**; в Англии – **Шекспир, Джон Донн**; в Беларуси – **Франциск Скорина, Сымон Будный**.

Эпоха Возрождения – это и мощное ***движение реформации***, церковный раскол, возникновение ***протестантизма*** в странах северной Европы, жесточайшие, до выжженной земли и опустынивания территорий, кровавые религиозные войны, а затем ***контрреформация***, положившая конец Возрождению в Италии и странах, оставшихся в зоне влияния папского престола, а также и реванш утратившего север Европы католицизма в других её регионах, в том числе на территории Великого Княжества Литовского. Ключевые фигуры реформации и контрреформации – **М. Лютер** (1483-1546) и **И.Лайола** (1491-1556), основатель «Общества Иисуса», ордена иезуитов (1534).

Образ философской мысли Возрождения

Возрождение как общекультурная установка того времени на возврат к первоначалам, чистым истокам, в философии проявилось прежде всего неприятием, отвержением, ***критикой схоластики*** с её культом Аристотеля и умозрительной «диалектикой». Оборотной стороной этого отрицания схоластики и всей её проблематики явилась натурфилософия. Аналогично тому, как в трактовке человека Возрождение перенесло центр своего внимания на чисто земное измерение его бытия, так в онтологии происходит сдвиг фокуса исследовательского интереса философии на природу, природный космос, происходит возрождение ***натурфилософии***, философии природы. ***Возрожденческий антропоцентризм***, о котором мы говорили выше, естественным образом дополняется ***натуроцентризмом*** в онтологии. Уже не Бог, а природа оказывается в центре внимания философии.

Возрождается натурфилософия в двух вариантах. В первом случае природа истолковывается в понятиях и представлениях античной ***атомистики*** (**Валла**, **Монтень**, **Галилей**). Возрождённая атомистика завоёвывает в дальнейшем прочное место в европейской философии и науке. Второй вариант натурфилософии – ***пантеистический*** – развивали самые выдающиеся философы Возрождения **Николай Кузанский (1401-1464)** и **Джордано Бруно (1548-1600).**

Николай КУЗАНСКИЙ
1401-1464

… Человек обладает силой развертывать из себя все в круге своей области, все производить из потенции своего центра

(Напомним, что *пантеизм* сближает, иногда до отождествления, природу и Бога). Философские концепции обоих мыслителей изобилуют замечательными диалектическими идеями (диалектическими в современном смысле как относящимися к развитию и всеобщей связи явлений действительности). **Николай Кузанский** развил учение о Боге как абсолютной бесконечной субстанции, в которой совпадают противоположности. Такая субстанция есть тождество бесконечного максимума и бесконечного минимума. Поэтому «Бог есть всё во всём и в то же время ничто из всего». В бесконечности нет центра и периферии. Это взрывало и отбрасывало представления аристотелевской физики и схоластической науки о конечности космоса и Земле как его центре. Кузанский, таким образом, философски обосновал и подготовил революцион-

ный переворот в астрономии, совершённый позднее Н. Коперником (Геоцентризм прежней космологии был им разрушен, а вместо него утверждён гелиоцентризм).

Возникновение мира, по Кузанскому, есть не единовременный акт, а развёртывание его из бесконечной субстанции, в которой он пребывал в свёрнутом виде. Поэтому мир есть божественная книга, в которой Бог раскрывает себя человеческому познанию и это познание должно развиваться не в идеальном пространстве схоластических абстракций и определений, а в реальном физическом пространстве прямого контакта с природным миром. При этом нельзя получить вечную и неизменную истину, но можно, всё более и более преодолевая незнание, углублять знание о конкретных вещах и явлениях. Человек есть ***микрокосм*** и «обладает силой развёртывать из себя все в круге своей области, все производить из потенции своего центра».

Джордано Бруно развивает концепцию бесконечной множественности миров в единой Вселенной, её однородности по всем направлениям, которая есть целостный живой организм, пронизанный духом, поскольку в основе всего – **монады**, «живые атомы», удерживающие в себе образ целого мира. Человек лишь своей деятельностью проявляет свое величие и утверждает себя в качестве космической силы.

Джордано БРУНО
1548-1600

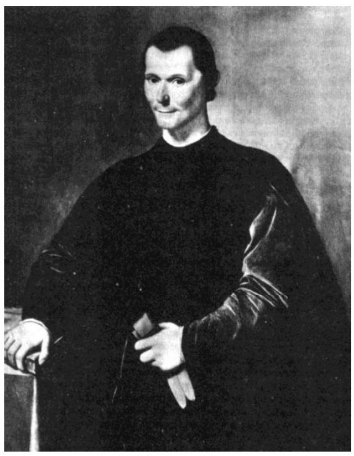
К своему духу: *… Смело стремись в высоту, в*
отдаленные сферы природы, ибо вблизи
божества ты
запылаешь огнем

Для ***гносеологии*** Возрождения характерна в целом уверенность в познаваемости мира, подчёркивание важной роли чувственного опыта в познавательном процессе и в то же время признание большой силы разума в получении истинного знания. «*Все наше познание начинается с ощущений*»,- уверен Леонардо да Винчи. Однако, «*увлекающийся практикой без науки – словно кормчий, ступающий на корабль без руля или компаса; он никогда не уверен, куда плывёт. Всегда практика должна быть воздвигнута на хорошей теории… Наука – капитан, и практика - солдаты*». При этом, продолжает Леонардо, «*никакой достоверности нет в науке там, где нельзя приложить ни одной из математических наук, и в том, что не имеет связи с математикой*».

Важной составляющей образа философской мысли Возрождения является ***гуманизм***, связанный с уже рассмотренным нами антропоцентризмом.

Его характеризует вера в безграничные возможности человека, его воли и разума, утверждение идеала свободной, раскрепощённой и творческой человеческой личности, исполненной жаждой жизни, активной и деятельной. При этом гуманисты (**Л. Валла, Ф. Рабле, Телезио** и др.) обращаются к идеям Эпикура, рассматривая стремление человека к счастью, наслаждению и самосохранению в качестве неотъемлемого свойства его «естественной природы».

Новое понимание человека и смысла его жизни в философии Возрождения дополняется и новыми социально-политическими идеями и представлениями. Идеологи нарождавшейся молодой буржуазии, которой предстояло в борьбе за свои права уничтожить феодальные порядки, решительно отвергали средневековые теории «божественной природы» государства, первенства и верховенства в обществе церковной власти, заложили основы нового политического мышления. На повестке дня стояла задача преодоления феодальной раздробленности и создания новых, буржуазных государств. Жесткий, трезвый реализм присущ политической теории **Н. Макиавелли**, который рассматривает государство и принципы управления им уже без каких-либо ссылок на сверхъестественные факторы.

Никколо Макиавелли
(1469–1527),

Люди, веря, что новый правитель окажется лучше, охотно восстают против старого, но вскоре они на опыте убеждаются, что обманулись, ибо новый правитель всегда оказывается хуже старого

Анализируя соотношение судьбы и свободы в обеспечении успеха управления государством и обществом (для Макиавелли они тождественны), он приходит к выводу, что в политике «лучше быть смелым, чем осторожным, потому что судьба – женщина, и если хочешь владеть ею, надо её бить и толкать. Известно, что таким людям она чаще даёт победу над собою, чем тем, кто берётся за дело холодно. И наконец, как женщина, судьба всегда благоволит к молодым, потому что они не так осмотрительны, более отважны и смелее ею повелевают».

Острота социальных противоречий, неоднозначность вектора исторического движения, которому ещё предстояло проложить себе путь через сумятицу больших и малых событий, индивидуальных и массовых социальных действий, тяжёлое и безысходное положение низов дали пищу и первым социалистическим утопиям (**Кампанелла**, **Мор**), отразившим как протест против непосильного гнёта, так и мечту о благословенном справедливом мироустройстве. На Беларуси средины XVI ст. такие «еретические» идеи успешно

распространял Феодосий Косой, который, по оценке одного из его современников – оппонентов, «как Магомет развратил своим учением восток, Лютер – Запад, так Феодосий – Литву».

Мартин Лютер
(1483-1546)

Спасение – только верою...

Разум – что пьяница в седле: поддержи его с одной стороны, он свалится на другую.

В целом же философия Возрождения, при всём её открытом дистанцировании от схоластики, сохраняет ещё много общих с нею моментов и точек соприкосновения. Достичь своего полного расцвета на новых, уже не связанных со схоластикой основах, она смогла уже в XVII в., в постренессансную эпоху.

Философия Нового времени (XVII в.)

XVII в. – время великих достижений в европейской философии, которая покидает стены университетов (оставляя их в распоряжении неосхоластики) и становится предметом занятий, инструментом напряжённого интеллектуального поиска политиков, учёных, военных, дипломатов и просто частных лиц. XVII в. – это замечательная плеяда выдающихся мыслителей, создателей оригинальных, самобытных и целостных философских систем: **Бэкон Фрэнсис** (1561 – 1626), **Декарт Рене** (Картезий) (1596 – 1650), **Гоббс Томас** (1588 – 1679), **Спиноза Бенедикт** (1632 – 1677), **Локк Джон** (1632 – 1704), **Лейбниц Готфрид Вильгельм** (1646 – 1716), **Ньютон Исаак** (1642 – 1727), **Гассенди Пьер** (1592 – 1655), **Паскаль Блез** (1623 - 1662), **Мальбранш Никола** (1638 – 1715).

Образ философской мысли этого исключительно плодотворного своим новаторским интеллектуальным прорывом времени можно очертить следующими наиболее общими чертами: основной исследовательский интерес направлен на философское обоснование научного познания природы и поиск эффективного научного метода, что можно назвать и определить как ***эпистемоцентризм*** (греч. episteme – знание), имея в виду, конечно, знание научное.В рамках такой основной проблемы находят своё полное выражение и самоопределение две главные гносеологические позиции – ***сенсуализм*** и ***рационализм***. Философия, всё более и более подстраиваясь под науку с её непрерывно нараставшими впечатляющими достижениями и следуя всюду за ней в её обозе, начинает и на мир смотреть её глазами, воспринимать его её пред-

ставлениями и понятиями. Поскольку 17-18 вв. – это период великих успехо механики в новоевропейской науке, соответственно в философии, в её онто логической части, в понимании природного мира формируется и утверждается ***механистический метафизический материализм***. Оформляется и получае философское обоснование ***либерализм*** – социально-политическая идеологи молодой, устремлённой в будущее, исполненной социального оптимизма ев ропейской буржуазии. В соответствии с новыми социально-политическим реалиями быстро формирующегося буржуазного общества даётся философ ское определение его сущности и происхождения, места индивида в нём, ег ценностные ориентации, принципы его коммуникации и взаимодействия другими индивидами и с обществом в целом.

Первоначальную постановку и решение обозначенной выше основно проблемы данного периода (***эпистемоцентризма***) наиболее рельефно и чёт ко дают основоположники философии Нового времени – **Ф. Бэкон** и **Р. Де карт**. Их философские концепции имеют и ряд близких, сходных философ ских подходов, но также и ряд важных, существенных различий, которые мы представим следующей сопоставительной схемой:

Проблемы	**Ф.Бэкон** – английский философ, основоположник линии ***эмпиризма*** в новоевропейской английской философии, дослужился до должности лорд-канцлера, хранителя печати (второе, после Короля, лицо в государстве). Основное произведение – «**Новый Органон**» (1620)	**Р.Декарт** – великий французский учёный (физик, математик, основоположник аналитической геометрии, физиолог) и философ. Основные философские работы**: «Рассуждение о методе**» (1637), «**Начала философии**» (1644).
Отношение к схоластике.	Оба на позиции полного отрицания схоластики, которая, по Декарту, превращает занимающихся ею в педантов, «делая их менее восприимчивыми к доводам разума, чем они были бы, если бы никогда её не изучали». По Бэкону же, схоласты «скорее подавляли науку многочисленными трактовками, чем прибавляли ей веса», а культовая фигура зрелой и поздней схоластики Аристотель «своей логикой испортил естественную философию, так как построил мир из категорий… В физике Аристотеля нет ничего другого, кроме звучания диалектических слов,… произвольно установив свои утверждения, он притягивает к своим мнениям искажённый опыт, как пленника». В целом же все умозрительные философские учения – это «слова праздных стариков для невежественных юношей»	
Соотношение	Для обоих философия и наука составляют единое целое и соотносятся как фундамент и возведённое на нём здание. По	

философии и науки.	Бэкону, только «естественная философия… должна почитаться великой матерью наук». А для Декарта «вся философия подобна как бы дереву, корни которого – метафизика, ствол – физика, а ветви – исходящие от этого ствола, – все прочие науки, сводящиеся к трём главным: медицина, механика и этика».
Предмет и направленность познания	Оба убеждены, что им может быть не что иное, как «глубокое исследование природы», которое обязательно должно носить практический характер, способствовать «действительному могуществу и величию человеческому и расширить его границы», «установить и распространить могущество и власть самого человеческого рода по отношению к совокупности вещей». Для Бэкона «истина и полезность суть… совершенно одни и те же вещи». Оба, таким образом, провозвестники характерного для Нового времени, буржуазной формации потребительского и экспансионистского отношения к природе. «Вместо умозрительной философии, преподаваемой в школах, можно создать практическую, с помощью которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звёзд, небес и всех прочих окружающих нас тел … мы могли бы использовать и эти силы во всех свойственных им применениях и стать, таким образом, как бы господами и владетелями природы» (Декарт).
Отношение к Богу и его связи с миром.	И Бэкон и Декарт признают существование Бога, но при рассмотрении природы как предмета науки требуют исследовать её без всяких ссылок на какое-либо его вмешательство в природные явления, и сами неукоснительно придерживаются этого принципа.
Необходимое условие успеха в этом деле –	***Правильный метод научного познания***, так как, по убеждению Декарта, «гораздо лучше не думать об отыскании истины какой бы то ни было вещи, чем делать это без всякого метода, ибо … подобные беспорядочные занятия и тёмные мудрствования омрачают естественный свет и ослепляют ум». Поиск и обоснование такого метода становится для обоих мыслителей центральным элементом их философских концепций. И у Бэкона и у Декарта адекватный метод распадается на ***две части*** – ***негативную и позитивную составляющие***.
Негативная составляющая метода:	– ***предварительная процедура очищения ума***.

	Бэкон: человеческий ум постоянно осаждают ***четыре вида призраков*** (идолов, заблуждений), не освободившись от которых невозможно объективное, достоверное знание о вещах. 1. «***Призраки рода*** находят основание в самой природе человека… Все восприятия как чувства, так и ума относятся к человеку, а не к миру. Ум человека уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде»; 2. «***Призраки пещеры*** суть заблуждения отдельного человека. Ведь у каждого, помимо ошибок, свойственных роду человеческому, есть своя пещера, которая разбивает и искажает свет природы… Это связано или с прирождёнными свойствами каждого, или от воспитания, или от чтения книг или от авторитетов, перед какими кто приклоняется… или по другим причинам. Вот почему Гераклит правильно сказал, что люди ищут знания в малых мирах, а не в большом или общем мире». 3. ***Призраки рынка*** связаны с общением и взаимодействием людей посредством речи. «Люди объединяются речью. Слова же устанавливаются сообразно разумению толпы. Поэтому плохое и нелепое установ-	**Декарт:** «… для разыскания истины необходимо раз в жизни, насколько это возможно, поставить всё под сомнение», осуществить ***радикальное сомнение***, так как наш разум переполнен различными «опрометчивыми суждениями», как правильными, так и неправильными о предметах реальности. Но радикальное сомнение, не будучи чем-либо ограничено, неизбежно приводит к скептицизму, отрицанию познания истины. Декарт как выдающийся ученый не мог остановиться на позиции скептицизма, наоборот, он преисполнен уверенности в успешном познании природы и даже, как мы видели, её покорении на основе такого достоверного научного знания. Поэтому он, настаивая на необходимости во всем сомневаться, обязательно должен был найти и твёрдую, спасающую от всеразъедающего скептицизма точку опоры под ногами. И он её благополучно находит. «Отбросив, таким образом, всё то, в чём так или иначе мы можем сомневаться, и даже предполагая всё это ложным, мы легко допустим, что нет ни бога, ни земли и что даже у нас самих нет тела, но мы все-таки не можем предположить, ***что мы не существуем, в то время как сомневаемся*** в истине всех этих вещей». Заключение, истина, тезис «***я мыслю, следовательно, я существую***», убежден Декарт, и есть та единственная твёрдая основа, недоступная и неподверженная никакому сомнению, на которой только и может быть

	ление слов удивительным образом осаждает разум… Слова прямо насилуют разум, смешивают всё и ведут людей к пустым и бесчисленным спорам и столкновениям». Существуют также ***призраки театра***, «которые вселились в души людей из разных догматов философии, а также из превратных законов доказательств». Ведь «сколько есть принятых и изобретенных философских систем, столько поставлено и сыграно комедий, представляющих вымышленные и искусственные миры». Отвергнув аристотелевскую физику, Бэкон обращается к идеалам ***досократиков*** в понимании природы, став тем самым основоположником ***линии материализма*** в новоевропейской английской философии. ***Материя*** для него «непосредственно после бога…является причиной всех причин, не будучи сама обусловлена никакой причиной». По Бэкону, это «идея, имеющая немаловажное значение, едва ли не величайшая из всех когда-либо высказанных». Он решительно отбрасывает аристотелевскую трактовку материи как начала абстрактного, лишь возможного, потенциального, пассивного и бесформенного и присоединяется к позиции досократиков, которые «***все.. определяли материю***	воздвигнуто надёжное, прочное здание всего человеческого знания. В этом исходном постулате декартовской теории познания и всей его философии в абстрактной форме нашёл своё точное выражение внутренне присущий новоевропейскому буржуазному миру индивидуализм, субъективизм, а в конечном итоге и волюнтаризм, для которых собственное мышление субъекта и его мыслящее Я первичнее, достовернее и важнее всего остального, что может быть в действительности. Как же Декарт выбирается из тупика субъективизма (ведь для него, как мы уже знаем, не самокопание субъекта в своём внутреннем мире, а внешний объективный мир – единственный предмет научного познания)? Здесь он прибегает к идее ***Бога в нашем уме***. Декарт сторонник ***концепции врождённых идей*** в сознании, мышлении субъекта. «Так, например, душа имеет в себе идеи чисел и фигур, имеет также среди общих понятий и то, что «если к равным величинам прибавить равные, то получаемые при этом итоги будут равны между собой», она имеет и другие столь же очевидные понятия». Среди них, по Декарту, присутствует и идея Бога, а его существование «доказуемо одним тем, что необходимость бытия, или существования заключена в понятии, которое мы имеем о нём». То есть Декарт, отвергая схоластику, берёт на вооружение уже известное нам «онтоло-

	как активную, как имеющую некоторую форму, как наделяющую этой формой образованные из неё предметы ***и как заключающую в себе принцип движения***. Да и никто не может мыслить себе иначе, если он не желает совершенно покинуть почву опыта… Тому, кто правильно и систематически философствует, следует ***анализировать природу***, а не абстрагировать её (те же, которые не желают анализировать, вынуждены абстрагировать), и первичную материю следует вообще рассматривать как неразрывно связанную с первичной формой и первичным принципом движения». Бэкон солидаризируется в итоге с ***атомистической концепцией материи***. «… С неизбежной необходимостью человеческая мысль (если она желает быть последовательной) приходит к атому, который является реальным существом, обладающим материей, формой, измерением, местом, силой сопротивления, стремлением, движением и эманациями и который также при разрушении всех естественных тел остаётся непоколебленным и вечным».	гическое доказательство» бытия Бога Ансельма Кентерберийского. Бог же, по Декарту, поскольку он не может быть обманщиком, является гарантом того, что и внешний, природный мир, данный нам в органах чувств, не есть иллюзия, фантом сознания, а столь же подлинная, достоверная реальность, как и наше собственное мыслящее Я. Декарт ***дуалист*** в трактовке реальности, то есть он считает, что в сотворенном Богом мире существуют независимо друг от друга ***две субстанции – мыслящая, духовная*** (её главный атрибут, свойство – единство, неделимость, т.е. непротяжённость) и ***телесная, материальная*** (её главный атрибут – «величина, то есть протяжение в длину, ширину и глубину», а также «фигура, движение, расположение и делимость частей»). Таким образом, для Декарта природный мир – это «***протяжённая материя», бесконечно делимая и не имеющая никаких границ***. «Земля и небеса созданы из одной и той же материи», которую математик Декарт ***отождествляет с пространством*** и сводит к характеристикам, математически определяемым и фиксируемым. Движение сведено Декартом ***к пространственному перемещению*** тел «из одного места в другое, ибо только оно для меня понятно, и я не думаю, что в природе следует предполагать какое-либо иное». Отсюда естественный вывод, что «в природе материальных вещей нет ниче-

		го, что не позволило бы придумать очень лёгкое механическое объяснение», тем более, что растения, животные, в том числе и человеческое тело для Декарта – это сложные механизмы. Поэтому и «***весь вообще видимый мир – подобие механизма***, в котором надлежит рассматривать только очертания и движение». С лёгкой руки Декарта природный мир стал восприниматься в дальнейшем европейской наукой и воспитанным ею обывателем как холодный безжизненный космос, бездушная механическая система протяжённых тел.
Позитивная составляющая метода:	Как уже отмечалось, Бэкон – ***основоположник новоевропейского английского эмпиризма*** (*эмпирия* – опыт), для которого «самое лучшее из всех доказательств есть опыт». Бэкон горячий сторонник и пропагандист опытного, экспериментального естествознания. Наука, чтобы успешно избегать бесплодных схоластических «заскоков ума за пределы природы», должна твёрдо держаться «почвы опыта». «Человеческому уму, – уверен Бэкон, – надо придать не крылья, а свинец и тяжести, чтобы они сдерживали всякий прыжок и полёт». Это и достигается экспериментами и опытами – «***плодоносными***» и «***светоносными***». И хотя первые приносят непосредственный результат и прямую пользу, для науки наибольшую ценность пред-	Декарт – ***основоположник линии гносеологического рационализма*** в новоевропейской философии, для которого «ни одну вещь в её сущности мы не воспринимаем при помощи наших чувств, а только посредством нашего разума, когда он вступает в действие». С этой позиции «только один разум способен познать истину, хотя он и должен прибегать к помощи воображения, чувств и памяти». Последние три способности могут, однако, и препятствовать разуму в его познании истины. В основе метода Декарта – идея «всеобщей математики» как универсальной науки, которая «должна содержать в себе первые начала человеческого рассудка и достигать того, чтобы извлекать истины из какого угодно предмета». Таким образом, образцом и моделью любого типа знания является для Декарта общая «математика», включающая «числа и фи-

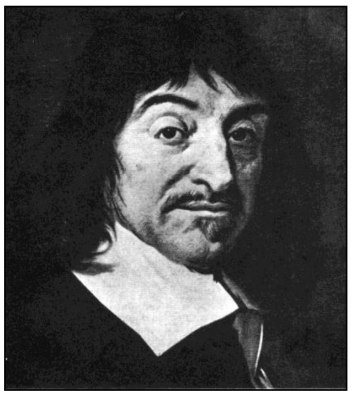
	ставляют светоносные опыты, которые увенчиваются главной целью науки – открытием законов природы, что «служит основанием как знания, так и деятельности». «За открытием законов следует истинное созерцание и свободное действие». В противоположность аристотелевской дедуктивной логике Бэкон разрабатывает ***индуктивную*** логику, «которая движется посредством индукции», «истинного наведения» (то есть движение познания от частного к общему). ***Метод эмпирической индукции*** как основа бэконовской индуктивной логики включает анализ предмета с последующим синтезом, требует «совершать разложение и разделение природы, конечно, не огнём, но разумом», разделять её «посредством должных разграничений и исключений», а «после достаточного количества отрицательных суждений» откроется путь к синтезу, положительному заключению.	гуры», поэтому и всеобщий «универсальный и плодотворный» метод научного познания строится им по образцу приёмов исследования в математике, и геометрии в том числе. Основные компоненты этого метода – ***интуиция*** и ***дедукция***. С помощью интуиции мы усматриваем, по Декарту, непосредственно, то есть не прибегая к доказательствам с несомненной ясностью и отчетливостью исходные аксиомы, наиболее общие принципы и положения. Дедукция же есть цепь достоверных логических заключений, выводов из таких уже интуитивно полученных самоочевидных аксиом. Декартовский метод ***рационалистической дедукции*** включает ***четыре основных требования:*** **1)** требование ***очевидности*** – принимать за истинное лишь то, что представляется нашему уму настолько ясным и очевидным, что не вызывает никаких сомнений; **2)** Производить ***анализ***, то есть деление сложного на составляющие его простые компоненты, частные аспекты; **3)** Анализ должен дополняться ***синтезом***, соединением вычленных простых элементов «в определённом порядке, начиная с предметов простейших и легко познаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных» **4)**-е связано с необходимостью ***контроля*** таких проводимых этапов исследования и требует «делать всюду перечни настолько всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ни-

		чего не пропущено». С помощью перечней мы контролируем и проверяем полноту анализа, обзоры же выявляют безошибочность синтеза.

Бэкон Фрэнсис
1561-1626

Подлинная и надлежащая цель наук не может быть другой, чем наделение человеческой жизни новыми открытиями и благами…. Самое лучшее из всех доказательств есть опыт, если только он коренится в эксперименте. Метод же – это своеобразная архитектура науки… Сколько есть принятых и изобретенных философских систем, столько поставлено и сыграно комедий, представляющих вымышленные и искусственные миры

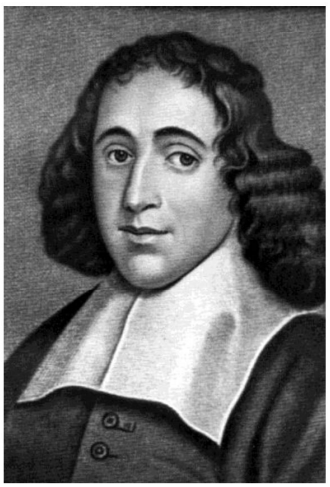
Рене Декарт
1596-1650

Вместо умозрительной философии, преподаваемой в школах, можно создать практическую, с помощью которой, зная силу и действия огня, воды, воздуха, звезд, небес и всех прочих окружающих нас тел, … мы могли бы использовать эти силы во всех свойственных им применениях и стать, таким образом, как бы господами и владетелями природы… И заметив, что истина ***Я мыслю, следовательно, я существую*** *столь тверда и верна, что самые сумасбродные предположения скептиков не могут ее поколебать, я заключил, что могу без опасения принять ее за первый принцип искомой мною философии*

Бэкон и Декарт, таким образом, сместили центр философской проблематики в новоевропейской философии из онтологии с её проблемами бытия в область гносеологии, теории познания. При этом каждый из них прокладывал, философски обосновывая, методологический путь одной из двух основных ветвей новоевропейской науки: Бэкон – ***эмпирическому, опытному естествознанию***, Декарт – ***естествознанию теоретико-математическому***.

Дуалистическая философия Декарта, внутренне противоречивая, но пронизанная неистребимым гносеологическим оптимизмом, вдохновляемым замечательными успехами опытного и теоретического естествознания, дала мощный толчок новоевропейской философии. Декартовскую линию гносеологического рационализма продолжили **Т.Гоббс** в Англии, **Б.Спиноза** в Голландии, **Г.Лейбниц** в Германии, а в 18-м веке представители и немецкой классической философии.

Спиноза, однако, при этом преодолевает декартовский дуализм и создает цельную ***монистическую*** концепцию ***онтологического*** и ***гносеологического панлогизма и пантеизма***.

Бенедикт Спиноза
1632-1677

*Нет **разумной жизни** без познания, и вещи хороши лишь постольку, поскольку они способствуют человеку наслаждаться духовной жизнью, состоящей в **познании.** И, наоборот, только то, что препятствует человеку совершенствовать свой разум и наслаждаться разумной жизнью, мы называем злом… Человеческая душа способна к восприятию весьма многого и тем способнее, чем в большее число различных состояний может приходить ее тело*

Сердцевина философии Спинозы – учение о ***субстанции***. Он принимает декартовское определение субстанции как вещи, которая для своего существования не нуждается ни в какой другой вещи. В силу этого субстанция едина, абсолютна, вечна, бесконечна, неизменна, она «причина самой себя», есть ***природа, или Бог***. Протяжение и мышление, бывшие в декартовской философии самостоятельными независимыми субстанциями, у Спинозы – ***атрибуты***, фундаментальные свойства единой субстанции. В единой бесконечной субстанции господствует полная упорядоченность, строгая, причем не механическая, как у Декарта, а ***логическая необходимость*** и закономерность. Поскольку протяжение и мышление – два атрибута единой субстанции, то онтологический детерминизм у Спинозы неизбежно дополняется логически строгой рациональной упорядоченностью и познавательного процесса. «***Порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей***», – формулирует Спиноза основополагающий принцип гносеологического рационализма.

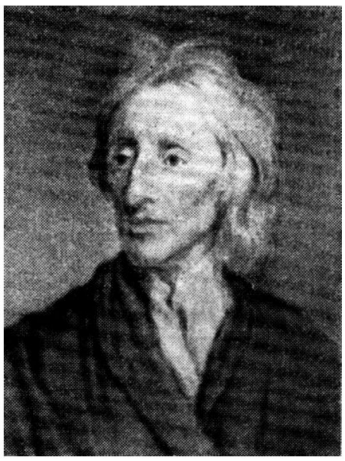
Основное философское сочинение Спинозы «***Этика, доказанная геометрическим способом***» уже в самой структуре текста воспроизводит логику дедуктивной аксиоматики геометрии с ее определениями, аксиомами, теоремами и доказательствами. Главное стремление души, уверен Спиноза, если она руководствуется разумом, – это познание. «***Все, к чему мы стремимся***

вследствие разума (Ratio), есть не что иное, как познание… Поэтому нет разумной жизни без познания». Это для Спинозы тем более несомненно, поскольку для него «воля и разум – одно и то же». Соответственно, «самое полезное в жизни – совершенствовать свое познание или разум, и в этом одном состоит высшее счастье или блаженство человека; ибо *блаженство* есть не что иное, как душевное удовлетворение, возникающее вследствие созерцательного (интуитивного) познания бога». И значит, «могущество души определяется одной только ее познавательной способностью». Но для Спинозы присущая человеческой душе «познавательная любовь к богу», «та наша часть, которая определяется как познавательная способность, то есть лучшая наша часть», реализуется не иначе, как через познание вещей. «Чем больше познаем мы единичные вещи, тем больше мы познаем бога». А так как для Спинозы душа и тело – это модусы, состояния единой субстанции, то «человеческая душа способна к восприятию весьма многого и тем способнее, чем в большее число различных состояний может приходить ее тело».

При этом, в противоположность Декарту, наделившему, как мы помним, душой лишь человека, Спиноза делает вывод, что в субстанции все вещи, «хотя и в различных степенях, но все же одушевлены». Человеческая же душа как «часть бесконечного разума бога» посредством «вечной своей части» – разума, способна «постигать вещи в их первых причинах», «ясно и отчетливо», то есть получать объективное, истинное знание «сообразно с порядком разума, … который (то есть порядок) один и тот же для всех людей».

Такое адекватное познание достигается ***на уровне рассудка и интеллектуальной интуиции, «интуитивного знания***», составляющих для Спинозы высшие, – ***второй*** и ***третий*** способы познания. Познание же «***первого рода, мнение или воображение***» недостоверно. Главную причину того, что чувственный опыт порождает «неадекватные, то есть искаженные и смутные идеи» Спиноза видит в том, что в нем всегда примешиваются состояния человеческого тела, в силу чего «идеи, которые мы имеем о внешних телах, более относятся к состоянию нашего тела, чем к природе тел внешних».

Гносеологический рационализм Декарта, Гоббса и Спинозы был подвергнут решительной критике **Джоном Локком (1632 - 1704)**, который, продолжая линию английского эмпиризма, в его рамках обосновал и последовательно защищал альтернативную позицию ***гносеологического сенсуализма*** (лат. sensus – ощущения, которые сенсуализм объявляет единственным источником знания).

Джон ЛОКК
1632–1704

Моей ***целью*** *является исследование происхождения, достоверности и объема человеческого познания…*
Я не вижу … оснований верить, что ***душа мыслит прежде, чем чувства снабдят ее идеями для мышления***

В своей главной философской работе ***«Опыт о человеческом разуме»*** (1690г.) Локк отверг декартовскую позицию о наличии в человеческой душе врожденных идей. В душе нет, заявляет он, никаких врожденных, «запечатленных в ней от природы» принципов, идей и положений, «ибо они неизвестны детям, идиотам и другим людям».

Все знания, убежден Локк, – ***из опыта***. Душа новорожденного ребенка – это чистый лист белой бумаги, ***tabula rasa***, чистая доска, на которой опыт пишет и запечатлевает свои письмена. В разуме нет ничего, чего до этого не было бы в чувствах, – присоединяется он к ***основополагающему принципу*** сенсуализма. Опыт, как источник всякого знания, бывает внешним и внутренним. Внешний опыт – это ощущения как результат воздействия внешних материальных тел на органы чувств, внутренний – это рефлексия как результат отражения в сознании состояний нашего тела.

Соответственно, теорию познания Локк понимает как теорию формирования, происхождения знаний из опыта. В вещах, воздействующих на органы чувств, Локк (вслед за Галилеем и Декартом) различает ***первичные*** и ***вторичные*** качества. К первым относятся качества, «которые совершенно неотделимы от тела, в каком бы оно ни было состоянии… и порождают в нас простые идеи, т.е. плотность, протяженность, форму, движение или покой и число… *Идеи первичных качеств* тел *сходны* с ними, и их прообразы действительно существуют в самих телах». Ко вторичным относятся «такие *качества* как цвета, звуки, вкусы и т.д., которые на деле не играют никакой роли в самих вещах, но представляют собой силы, вызывающие в нас различные ощущения *первичными качествами* вещей, т.е. объемом, формой, строением и движением их незаметных частиц». Соответственно, и «*идеи, вызываемые* в нас *вторичными качествами*, вовсе *не имеют сходства* с телами. В самих телах нет ничего сходного с этими нашими идеями». Комбинируя простые идеи, разум создает идеи сложные, среди которых и ***идея субстанции***, как некоторого «субстрата» – носителя первичных качеств. Идея субстанции связана с идеей материи, которая для Локка «есть протяженная плотная субстанция; будучи объемлема различными поверхностями, она образует соответственно отдельные отличные друг от друга тела».

Линию английского эмпириализма продолжали после Локка уже в XVIII в. **Джордж Беркли** (1685 – 1753) и **Давид Юм** (1711 – 1776). Но если Локк ощущения как содержание внешнего опыта материалистически связывал с воздействием предметов внешнего мира, то Беркли и Юм исходят из ***идеалистической трактовки опыта*** как совокупности непосредственных данностей сознания. На этой основе Беркли строит свою субъективно-идеалистическую концепцию, отвергая материю как лишь, по его убеждению, пустое понятие, голую абстракцию, которой ничто в реальности не соответствует.

Джордж БЕРКЛИ

1685-1753

*…То, что говорится о безусловном существовании немыслящих вещей без какого-либо отношения к их воспринимаемости, для меня совершенно непонятно. Их существование состоит в воспринимаемости (их **esse** есть **percipi**), и невозможно, чтобы они имели какое-либо существование вне духов или воспринимающих их мыслящих вещей*

Непосредственно в сознании нам даны лишь ощущения. И первичные качества, как и качества вторичные – ни что иное как ощущения, данности нашего сознания. Они, следовательно, предполагают существование нашего Я, воспринимающего субъекта. Для Беркли «***существовать значит быть воспринимаемым***». Вещи, предметы представляют комбинации, сочетания идей (ощущений), которые не существуют вне разума. Но если последовательно придерживаться такой точки зрения, неизбежен вывод, что существование вещей (как комплексов ощущений) носит дискретный, прерывистый характер. Они существуют только до тех пор, пока есть кто-то, кто их воспринимает. Чтобы избежать такой позиции (а она получила название ***солипсизма***, что означает «существую только я один» и, мое сознание), Беркли переходит (нарушая следование своей исходной концепции) на позицию объективного идеализма и ссылается на существование вездеприсущего Бога, который своим всевоспринимающим разумом и обеспечивает непрерывное существование всего мира. Бертран Рассел в своей «Истории западной философии» приводит ироническое стихотворение одного из современников Беркли, излагающего эту его философскую конструкцию следующими словами:

Жил да был молодой человек, который сказал:
«Богу должно показаться чрезвычайно забавным,
Если он обнаружит, что это дерево
Продолжает существовать
Даже тогда, когда нет никого во дворе»

Ответ:
«Дорогой сэр,
Ваше удивление странно:
Я всегда во дворе,
И вот почему дерево
Будет существовать,
Наблюдаемое
Вашим покорным слугой
Богом»

Зато **Давид Юм** последовательно выдержал линию ***субъективно-идеалистического эмпиризма***.

Давид ЮМ

1711-1776

Мы воспринимаем только свойства тех сил, которые доступны ощущениям. Силы, которые действуют на тела, совершенно неизвестны… Следовательно, руководителем в жизни является не разум, а ***привычка***

По убеждению Д. Юма, раз в опыте сознания нам непосредственно даны только ощущения, то невозможно сделать из этого какие-либо заключения о причине, источнике этих данностей сознания. И материалисты, утверждая, что ощущения вызываются в сознании действием на органы чувств внешних вещей, материи, и идеалисты, объявляющие таким источником ощущений духовную субстанцию, Бога (как у Беркли), одинаково грешат против логики и здравого смысла, что называется, насилуют их. Гносеологическая позиция Юма – ***скептицизм и агностицизм***: мы ничего определенного не можем сказать о природе реальности, как она существует сама по себе. В итоге, заключает Юм, не познание, а лишь ***привычка и вера*** стоят за нашим убеждением о непрерывном и независимом существовании вещей и явлений окружающего мира. «Следовательно, руководителем в жизни является не разум, а привычка».

Декартовскую линию гноселогического рационализма вслед за Спинозой продолжил в Германии Г. В. Лейбниц. (1646 – 1716 г.), философ и ученый широчайшего круга исследовательских интересов.

Готфрид Вильгельм ЛЕЙБНИЦ

1646-1716

Я считаю, что весь универсум состоит единственно из простых субстанций, или монад, и из их сочетаний. Эти простые субстанции суть то, что в нас или в гениях именуется духом, а в животных – душой... Всякая монада есть живое зеркало универсума, наделенное внутренним действием, отражающее его на свой лад... Эти-то монады и суть истинные атомы природы, одним словом, элементы вещей.

Среди наиболее выдающихся научных достижений Лейбница – создание дифференциального и интегрального исчислений (приоритет этого открытия он разделяет с И. Ньютоном). Лейбниц – основоположник и математической логики. (Видимо, правильнее будет добавить – несостоявшийся: к сожалению, свои пионерские открытия в этой области, опередившие науку на два столетия, Лейбниц не решился опубликовать из-за сомнения в их истинности, так как они входили в противоречие с логикой Аристотеля, посягнуть на авторитет которого Лейбниц не был готов. Они были обнаружены и опубликованы уже после того, как наука заново открыла то, что сделал задолго до этого Лейбниц).

Возражая Локку, который, напомним, в своей главной философской работе «Опыт о человеческом разуме» опровергает тезис Декарта о наличии в сознании познающего субъекта врожденных идей, Лейбниц в своей книге «Новые опыты о человеческом разуме» обосновывает положение о том, что хотя душа и не содержит в себе самих идей, тем не менее «содержит изначально принципы различных понятий, для пробуждения которых внешние предметы являются только поводом».

В онтологии Лейбниц старается преодолеть декартовский дуализм, жесткое противопоставление материи (отождествленной с протяжением) и духа – своей монадологией – учением о монадах: «простых субстанциях… не имеющих частей … наделенных внутренним действием. А где нет частей, там нет ни протяжения, ни фигуры и невозможна делимость. Эти-то монады и суть истинные атомы природы, одним словом элементы вещей… Весь универсум состоит единственно из простых субстанций, или монад, и из их сочетаний. Эти простые субстанции суть то, что в нас … именуется духом, а в животных душой». При этом по Лейбницу, каждая монада необходима отлична от другой, и никогда не бездействуя, непрерывно изменяется, так как «активность свойственна сущности субстанции вообще».

Философия Просвещения

XVIII вошел в историю европейской культуры как век Просвещения. Это эпоха промышленной революции, перехода от мануфактурного к промышленному производству, использованию энергии пара, социального и идейно-политического подъема «третьего сословья». В науке это триумф ньютоновской механики, почти полного господства ее принципов также и в мировоззрении эпохи. Борьба североамериканцев за независимость завершилась созданием Соединенных Штатов. «***Кант обезглавил Бога, а Вольтер короля***» – этим метким ироничным словцом, получившим широкое хождение в кругах европейской культурной элиты послереволюционной эпохи, прекрасно переданы социально-политические последствия деятельности просветителей, идеологически и духовно подготовивших Французскую буржуазную революцию с ее беспрерывно работавшими гильотинами, беспощадным террором, реками крови, агрессивным экспансионизмом, взаимным истреблением своих фанатичных, охваченных революционным энтузиазмом прославленных вождей и безвестных, безродных детей.

Во французском Просвещении как идейном течении сформировалось умеренное и радикальное крыло. Мировоззренческая позиция первых (**Вольтер Ф.М.А**. (1694 – 1778), **Руссо Ж.-Ж** (1712 – 1778 и др.)) – это ***деизм***: признается существование Бога как творца вселенной и ее законов, которые и регулируют все процессы в ней уже без вмешательства Бога, тем более в дела человеческие.

Для радикального крыла (сюда относятся французские материалисты: **Ламетри Ж.-О**. (1709-1751), **Дидро Д.** (1713 – 1784), **Гельвеций Г.А**. (1715 – 1771), **Гольбах П. А.** (1723 – 1789) характерна позиция уже ***последовательного материализма*** и ***воинствующего атеизма***.

ВОЛЬТЕР
(Франсуа Мари Аруэ)
1694-1778

После … кровавых распрей по поводу всех … фантастических, ужасных и непостижимых догматов люди отказываются от них и обращаются к общечеловеческой морали, которая одна только и является истинной религией и истинной философией… Да помнят люди, что все братья. Да убоятся они тирании над душами, как устрашаются они разбоя, силой похищающего плоды трудов наших и мирных дел наших

Радикализм французских просветителей объясняется тем, что во Франции сохранялись неприемлемые для молодой буржуазии, социально сверхактивного третьего сословия, сословные ограничения, урезавшие возможности его социально-политического подъема. Главная особенность мировоззрения просветителей – ***культ разума***. Отвечая на вопрос «Что такое Просвещение?» Кант говорит, что «*это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находился по собственной вине*», так как не имел решимости и мужества «*пользоваться своим разумом без посторонней помощи. Дерзай будь мудрым! Имей мужество пользоваться своим собственным разумом! - таков девиз эпохи Просвещения*». Просветители исполнены веры в могущество человеческого разума, поэтому философия Просвещения в целом – это ***мировоззренческий рационализм.*** «Великие люди, – характеризует Энгельс рационализм просветителей,– которые во Франции просвещали головы для приближающейся революции, выступили крайне революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, государственный строй – все было подвергнуто самой беспощадной критике, все должно было предстоять перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него. Мыслящий рассудок стал единственным мерилом существующего».

Для французских материалистов ***природа и материя – одно и то же***, никакой внеприродной сущности и первопричины для них не существует.

Дени ДИДРО

1713-1784

Невозможно предположить существование чего-либо вне материальной вселенной; никогда не следует делать подобных предположений, потому что из них ничего нельзя вывести

Поль-Анри ГОЛЬБАХ

1723-1789

Вселенная, это колоссальное соединение всего существующего, повсюду являет нам лишь материю и движение…Движение – это способ существования, необходимым образом вытекающий из сущности материи… Материя движется благодаря собственной энергии,.. она обязана своим движением внутренне присущим ей силам

Но материализм французских материалистов – ***механистичен*** и ***метафизичен***, так как природа для них – это сложный механический агрегат, все движения в котором носят механический характер и целиком регулируются законами механики.

Жульен-Офре ЛАМЕТРИ

1709-1751

Итак, мы должны сделать смелый вывод, что человек является ***машиной*** *и что во всей Вселенной существует только одна субстанция, различным образом видоизменяющаяся*

В теории же познания они стоят на позиции ***сенсуализма***, отдавая приоритет в познавательном процессе органам чувств. Мировоззрение просветителей отличает также вера в социальный прогресс, возможность преобразовать общество на разумных началах.

Клод-Адриан ГЕЛЬВЕЦИЙ

1715-1771

Все люди… способны к степени страсти более чем достаточной для преодоления лени и для создания в себе той непрерывности внимания, с которой связано умственное превосходство

Жан-Жак РУССО

1712-1778

Естественное право, как бы мы его ни определяли, очевидно, не может допустить, чтобы дитя властвовало над старцем, чтобы глупец руководил мудрецом и горсть людей утопала в роскоши, тогда как огромное большинство нуждается в самом необходимом

При рассмотрении социальных явлений французские материалисты не смогли преодолеть идеалистического подхода. Они исходят при этом из представлений о наличии единой «истинной и неизменной» природы человека, обеспечивающей природное равенство всех людей. Суть этой природы выражена ими в концепции «разумного эгоизма». «Создав человека существом, обладающим способностью чувствовать, природа вложила в него любовь к наслаждению и страх перед страданием». Забота о самосохранении и стремление к счастью – в этом и состоит природа человека. На основе же опыта и разума у человека вырабатывается «чувство общественности, понимание всех преимуществ, доставляемых ему общественной жизнью, и всех испытаний, которые выпали бы ему на долю вне общества».

Корни пороков – в политической сфере, в плохом законодательстве. Сделать граждан добродетельными – обязанность мудрого законодателя. «Стремиться уничтожить пороки народа, связанные с законами, не произведя никаких изменений в этих законах, значит браться за невозможное дело». Любовь к наслаждению, коренящаяся в природе человека – это «узда, посредством которой можно направить к общественному благу страсть отдельных лиц… В государстве страсти необходимы, они составляют его жизнь и душу. И народ-победитель есть в сущности народ с более сильными страстями… Деспотизму свойственно заглушать страсти, и лишь только души, лишившись страстей, перестанут быть деятельными,… как государство начнет хиреть».

Воспитание и образование – главное и единственное средство преобразования общества на разумных основах. «Есть ли что-нибудь невозможное для воспитания? – Нет».

Немецкая классическая философия

Великим достижением немецкой классической философии явилось раскрытие ***творческой, активной природы субъекта и его сознания*** в познавательном процессе, разработка нового понимания ***диалектики***, а **также *диалектического метода познания*** действительности и её преобразования. Преданность идее прогресса, идеалам свободы и гуманизма, ***уверенность в закономерном характере исторического процесса*** – важнейшие черты немецкой классической философии. Её представители: основоположник – **Иммануил Кант (1724-1804), И. Г.Фихте, Ф. Шеллинг, Г. В. Ф. Гегель (1770-1831), Л. Фейербах (1804-1872).**

Критическая философия Канта

Кант формулирует новое понимание ***предмета*** и ***задач*** философии. По его убеждению, философия возможна лишь как ***критика*** (т.е. исследование) познавательных способностей и возможностей человеческого разума. Все предшествующие философские системы, считает Кант, были догматическими в том смысле, что, недолго думая, брались сразу за решение проблем бытия, не исследовав предварительно вопрос, есть ли у нашего разума соответствующие познавательные силы и способности. Критическая же философия должна дать ответ на следующие три вопроса: «*Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться*».

Иммануил КАНТ

1724-1804

Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – ***это звездное небо надо мной и моральный закон во мне.***

Отвечая на первый вопрос, Кант в своем главном философском произведении «***Критика чистого разума***» приходит к выводу, что познавательные возможности человеческого разума не безграничны. У них есть пределы. Наше познание, считает Кант, ограничено лишь областью ***явлений*** (***феноменов***, т.е. предметами, как они даны нашему сознанию). Вещи же, как они существуют сами по себе, вне нашего сознания (***ноумены*** или «***вещи в себе***», по терминологии Канта) не познаваемы в принципе. Это ограничение познания миром феноменов, явлений и отрицание возможности познания «вещей в себе» получило название ***кантовского агностицизма*** (*гнозис* – знание, *а* – отрицание). Тем не менее, хотя и недоступные познанию, «вещи в себе», по Канту, играют важную роль в познавательном процессе, т.к. воздействуют на

наши органы чувств, порождая в нашем «опыте» неупорядоченное, хаотичное «многообразие чувственных данных», т.е. ощущений. Но в реальном чувственном опыте нам дан вовсе не хаос ощущений, а всякий раз уже упорядоченная их совокупность, организованная в определенную целостность, воспринимаемая как конкретный предмет реальности. Это значит, по Канту, что автоматически включились в действие, «сработали» уже готовые, наличные в сознании, «***доопытные***, ***априорные***» ***познавательные формы***, ***структуры***, ***механизмы***, которые и синтезируют, связывают, приводят в целостное единство первоначально неупорядоченное многообразие чувственных данных, вносят организацию в исходный хаос ощущений. ***Априоризм*** (***трансцендентализм***) – учение о наличии в сознании познающего субъекта априорных, т.е. доопытных познавательных форм – ***вторая*** *важнейшая особенность* кантовской ***гносеологии*** (теории познания).

В сознании Кант различает *три познавательных способности*: ***чувственный опыт*** (*созерцание*, *восприятие*), ***рассудок*** и ***разум***. На уровне чувственного созерцания априорными познавательными формами являются, по Канту, ***пространство*** и ***время***. Пространство – априорная форма внешнего восприятия, время – внутреннего. Благодаря этим формам обеспечивается всеобщность чувственного опыта и общеобязательность основанных на них утверждений геометрии и математики. На уровне рассудка (понятийная деятельность) априорными познавательными формами являются ***12 категорий («чистых понятий»)*** рассудка (Кант разделяет их на *4 группы* по *3 категории* в каждой): категории ***количества*** – единое, множественность, целостность; категории ***качества*** – реальность, отрицание, ограничение; категории ***отношения*** – присущность и самостоятельность существования, причины и действия, обращение; категории ***модальности*** – возможность – невозможность, существование – несуществование, необходимость – случайность. Благодаря этим априорным познавательным формам рассудка, убежден Кант, обеспечивается всеобщность и общеобязательность положений и выводов теоретического естествознания.

Разум, по Канту, есть высшая, присущая сознанию синтезирующая способность. Его задача – направлять рассудок к предельно возможному обобщению, синтезу того знания, которое он получает в познавательном опыте. В силу этого в нем формируются, возникают ***три идеи***, выражающие предельно возможное единство, целостность в мире явлений, феноменов: **идея мира** как предельно возможное единство явлений природы; ***идея души*** как предельно возможное единство психических явлений; и ***идея бога*** как единой безусловной причины всех обусловленных явлений. Объекты этих идей – *мир как целое*, *душа*, *бог* – никогда не могут быть даны субъекту в его познавательном опыте. Поэтому когда разум, игнорируя это, пытается получить достоверное знание о них, он неизбежно впадает в ***антиномии***, – то есть в такие противоречия, которые допускают в равной степени достоверные, но взаимоисключающие друг друга решения и которые «нельзя устранить, чтобы мы ни предпринимали». «Имеет ли мир начало во времени и какую-либо границу своего протяжения в пространстве; существует ли где-нибудь, быть может в моем мыслящем Я, неделимое и неразрушимое единство, или же все делимо и пре-

ходяще; свободен ли я в своих поступках, или же я подобно другим существам управляем природой и судьбой; наконец, существует ли высшая причина мира, или же вещи природы и порядок их составляют последний предмет, дальше которого мы не должны заходить во всех своих исследованиях» – это «четыре естественные и неизбежные проблемы разума», которые касаются «высших и важнейших целей человечества», но при любой попытке решить которые разум неизбежно попадает «в тиски противоположных доводов, чувствует себя в высшей степени стесненным», оказывается в ситуации «разлада с самим собой». Дать однозначные решения выявленных антиномий человеческому разуму не под силу. Их обнаружение в теоретическом разуме, считает Кант, свидетельствует лишь о том, что разум, покинув твердую почву опыта, вышел за его пределы, в область в принципе непознаваемых «вещей в себе». Поэтому Кант отвергает все выработанные предшествующей философией рациональные доказательства бытия Бога. Бог для теоретического разума, по Канту – это лишь одна из трех идей чистого разума, и существование его можно с одинаковым успехом как доказывать, так и опровергать.

Вопрос «*что я должен делать*?» – это, по Канту, вопрос уже не теоретической, а ***практической философии***, то есть морали, отношений человека с другими людьми. Отношения эти, убежден Кант, каждый должен строить на основе требований морального закона, «***категорического императива***», скажем так – голоса совести, который как априорная структура заложен в душе каждого человека и предписывает действовать так, чтобы другой человек никогда не был для нас средством достижения наших собственных, эгоистичных целей, но всегда был бы только целью. «Ведь в ряду целей человек (а с ним всякое разумное существо) – есть цель сама по себе, т.е. никогда, никем (даже Богом) не может быть использован только как средство, не будучи при этом вместе с тем и целью, что, следовательно, само ***человечество*** в нашем лице должно быть для нас ***святым***, так как человек есть ***субъект морального закона***, стало быть, того, что само по себе свято». Только в этом случае правило нашего поведения могло бы стать всеобщим, стать правилом поведения для всех. То есть сущность кантовского «категорического императива» составляет сформулированное еще в древности, в том числе и в христианском Благовестии (Евангелиях) «золотое правило морали»: «Как хочешь, чтобы с тобой поступали люди, так и ты поступай с ними». Кантовскую этику, таким образом, пронизывает гуманистическая идея уважения достоинства и самоценности каждого человека и каждой человеческой личности. Этика Канта – это этика неуклонного морального долга, отвергающая любые компромиссы с совестью, уступки природным, естественным влечениям, склонностям, человеческому эгоизму и своекорыстию. Любые такие отступления от требований морального закона, настаивает Кант, лишают наше поведение высокого статуса морального поведения.

Ответ на третий кантовский вопрос «*На что я могу надеяться?*» вытекает из его теории морали и сводится к тому, что человеку, неуклонно следующему предписаниям морального закона, надеяться можно на Бога. Традиционно, но прежде всего в средние века, мораль выводили из религии. Кант же, вслед за другими просветителями, выводит религию из морали. Человек, по

Канту, одновременно принадлежит *двум мирам* – миру ***явлений***, феноменов и миру «***вещей в себе***», ноуменов. Первый – это мир природной необходимости, в котором все причинно – обусловлено и детерминировано, действует закономерность и необходимость. Но когда человек подчиняет свое поведение требованиям морального закона, он становится *субъектом свободы*, «которую надо понимать как независимость от всего эмпирического и, следовательно, от природы вообще, и которая одна лишь бывает a priori практичной», и поэтому уже не внешние обстоятельства и причины детерминируют его поступки, а он сам определяет их.

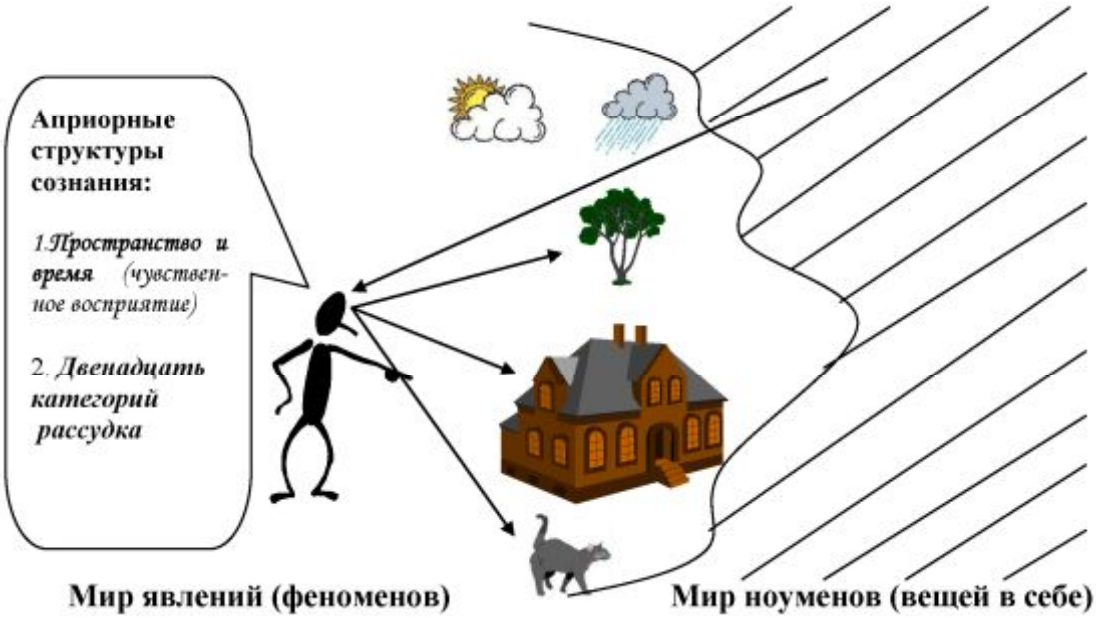
При этом потребности и интересы практического разума диктуют, по Канту, необходимость принять в качестве постулатов бытие Бога, бессмертие души и свободу. Эти ***три постулата*** (под постулатом же Кант понимает «теоретическое, но, как таковое, недоказуемое предположение…») выводятся им из «морального закона как закона свободы», из всеобщности и безусловности его требований и из невозможности в силу этого реального достижения полного соответствия между присущим каждому человеку стремлением к счастью и нравственностью. Поэтому для Канта «Бог … есть (причина) основание полного соответствия между счастьем и нравственностью», а «надежда на счастье начинается только с религии». Таким образом, если с позиции теоретического разума за пределами мира явлений, природы «для нас нет ничего, кроме пустоты», непознаваемых для теоретического разума «вещей в себе», то для разума практического эта область реальности выступает, по Канту, уже как «умопостигаемый мир свободы», «сверхчувственной природы», «возможной через свободу», которая «постулируется моральным законом и ради него». Моральный закон требует также «постулировать бытие бога как необходимо относящееся к возможности высшего блага», составной частью которого является стремление к счастью. При этом ***практический разум*** – «*это всегда один и тот же разум*», но выступающий уже не в функции познавательной, а в функции автономного, свободного определения, детерминации нашей воли. Как таковой «***практический разум обладает первенством***» по отношению к разуму теоретическому, «так как всякий интерес в конце концов есть практический и даже интерес спекулятивного разума обусловлен и приобретает полный смысл только в практическом применении».

«Столп злобы богопротивныя» – определил Канта и его философию выдающийся русский философ, естествоиспытатель и православный богослов первой половины XX в. **Павел Флоренский**, выразив однозначную позицию ортодоксального верующего в отношении глубоко оскорбительного для правоверного христианина кантовского сведения религиозной веры в Бога к прагматическому ожиданию индивидом компенсации в загробной жизни неизбежных издержек своего последовательного морального поведения в жизни земной, реальной. Кант считает, что требования морального закона и религии и действительность, в которой господствует несправедливость, злая корысть и бессердечный эгоизм, в этой, земной жизненной гонке не могут никогда найти примирения, поэтому моральное поведение индивида неизбежно будет связано с его утратами и потерями. Поэтому, по Канту, верить в Бога полезно, так как только в этом случае у индивида, неуклонно выполнявшего

требования морального закона, категорического императива, сохраняется надежда и возможность получить заслуженное вознаграждение за праведную жизнь хотя бы уже после смерти. Знаменитое кантовское «постулирование» бытия Бога сводится к тому, что вера в Бога нужна и полезна именно потому, что в реальной жизни добродетель никогда не может быть заслуженно и достойно вознаграждена, а требования морального закона при этом все равно непреклонны.

В итоге образ философской мысли Канта можно описать следующими основными чертами:

- В онтологическом измерении – это ***субъективный идеализм*** с значительной примесью *материализма*. Кантовский субъективный идеализм обусловлен тем, что мир природы, познаваемых человеком явлений, феноменов – это ***продукт синтезирующей активности сознания***, которое на основе заложенных в нем априорных познавательных форм создает, творит, формирует явления, объекты, предметы познания из первоначального хаоса ощущений. Необходимость, причинность, закономерность, по Канту, вносятся в природу нашим сознанием. Материалистическая же посылка кантовской философии связана с тезисом Канта о наличии вне мира явлений, за пределами мира феноменов мира «вещей в себе», ноуменов, то есть вещей, как они существуют сами по себе, вне человеческого сознания.
- В ***гносеологическом*** аспекте кантовская философия – ***агностицизм***, связанный с тезисом о **непознаваемости** «*вещей в себе*» и *ограничением сферы познаваемого миром явлений*, «*вещей для нас*». При этом в своей теории познания Кант стремится преодолеть присущие мыслителям XVII – XVIII вв. гносеологические крайности сенсуализма и рационализма, справедливо подчеркивая взаимосвязь ***чувственности*** («*восприимчивости нашей души, способности ее получать представления, поскольку она каким-то образом подвергается воздействию*») и ***рассудка*** как «*способности* ***мыслить*** *предмет чувственного созерцания*». По Канту, «*ни одну их этих способностей нельзя предпочесть другой. Без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один нельзя было бы помыслить. Мысли без созерцания пусты, созерцания без понятий слепы. Поэтому в одинаковой мере необходимо свои понятия делать чувственными (т.е. присоединять к ним в созерцании предмет), а свои созерцания постигать рассудком (т.е. подводить их под понятия). Эти две способности не могут выполнять функции друг друга. Рассудок ничего не может созерцать, а чувства ничего не могут мыслить. Только из соединения их может возникнуть знание*». Тем не менее доминирующей составляющей кантовской гносеологии является ***рационалистическая*** компонента.

- В ***аксиологическом*** измерении кантовская моральная философия – яркое выражение абстрактного буржуазного гуманизма. Кант прославляет моральный закон, поднимаясь в его восхвалении до высокой патетики. Знаменитое заключение «***Критики практического разума***» начинается, можно сказать, подлинным философским гимном этому закону: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это *звездное небо надо мной и моральный закон во мне*. И то и другое мне нет надобности искать и только предполагать как нечто окутанное мраком или лежащее за пределом моего кругозора; я вижу их перед собой и непосредственно связываю их с сознанием своего существования. Первый взгляд на бессмысленное множество миров как бы уничтожает мое значение как *животной твари*, которая снова должна отдать планете (только точке во вселенной) ту материю, из которой она возникла, после того как эта материя короткое время неизвестно каким образом была наделена жизненной силой. Второй, напротив, бесконечно возвышает мою ***ценность как мыслящего существа***, через мою личность, в которой моральный закон открывает мне жизнь, независимую от животной природы и даже от всего чувственно воспринимаемого мира, по крайней мере поскольку это можно видеть из целесообразного назначения моего существования через этот закон, которое не ограничено условиями и границами этой жизни».
- В ***праксиологическом*** аспекте (проблемы социума) важным фактором, мощно стимулировавшим дальнейшее творческое движение европейской философской мысли, был тезис Канта о ***примате***, ***первенстве практики над теорией***. Он также выдвигает и обосновывает обреченную на вечную актуальность идею «*достижения всеобщего правового гражданского общества*»

как «величайшую проблему для человеческого рода»». При этом Кант, сохраняя трезвый и, скорее, даже пессимистический взгляд на человеческую природу, избегает утопического прожектерства, выдвинув исключительно плодотворное положение о ***социальном антагонизме, противоречиях между людьми*** в обществе как «*причине движения к законосообразному порядку*» и как *механизме и средстве «развития всех задатков людей»*, а следовательно, усовершенствования и развития самого общества, *достижения «совершенного гражданского объединения человеческого рода»*. Он делает важное предсказание, что «*в нашей части света (которая, вероятно, со временем станет законодательницей для всех других) будет открыт закономерный ход улучшения государственного устройства*».

По Канту, в ходе человеческой истории «с очевидностью обнаруживается ***целесообразность***, *состоящая в том, чтобы осуществить согласие людей через разногласие, данное против их воли*». Это открывает, считает он, далекую перспективу, и даже гарантию установления ***вечного мира на земле***, поскольку «*природа соединяет народы через взаимный корыстолюбивый интерес, а* ***дух торговли****, который рано или поздно овладевает каждым народом, - вот что несовместимо с войной*». Кант разделяет веру просветителей в общественный прогресс, выдвигает предположение ***о единстве человеческой истории***, действии в ней скрытого, «*тайного плана природы*», сохранения в ней, даже при упадке народов, «зародыша просвещения, который, развиваясь все больше после каждого переворота, подготовлял более высокую ступень совершенствования» и возможности на этой основе открытия в истории «путеводной нити, способной послужить не только для объяснения столь запутанного клубка человеческих дел или для искусства политического предсказания будущих государственных изменений, … но и для открытия утешительных перспектив на будущее (надеяться на что, не предполагая плана природы, нет основания): когда-нибудь, не очень скоро, человеческий род достигнет наконец того состояния, когда все его природные задатки смогут развиваться и его назначение на земле будет исполнено»».

Канта справедливо называют ***олицетворением Просвещения***. Он твердо убежден, что «*публичное пользование собственным разумом всегда должно быть свободным, и только оно может дать просвещение людям*», что в обществе должна соблюдаться свобода совести, в государстве процветать веротерпимость, «республиканский строй – единственно соответствующий праву людей», хотя «установить, а тем более сохранить его до такой степени трудно, что, по мнению многих, оно должно было бы стать государством ***ангелов***, так как люди со своими эгоистическими склонностями не способны к столь возвышенному по форме устройству». В полном соответствии с такими представлениями Кант был сторонником борьбы североамериканцев за независимость и Французской буржуазной революции.

Дальнейшее послекантовское развитие немецкой классической философии было связано в первую очередь с переосмыслением кантовской концепции запредельных «*опыту*», *сознанию* «вещей в себе».

Фихте И.Г. (1762 – 1814) взял на вооружение кантовскую идею о примате, первенстве практической деятельности над деятельностью теоретической,

но отверг кантовское учение о «вещах в себе», существующих вне нашего сознания. В результате – философия последовательно субъективно-идеалистическая, в которой вся реальность представлена как результат активности, самодеятельности всеобщего самосознания, «***Я***», которое в этом процессе полагает само себя и свою противоположность (мир объектов, «***не-Я***»). Для Фихте «*вещи сами по себе таковы, какими мы должны их сделать, ... так как мы обретаем в нас самих все то, что мы при этом устанавливаем; мы выносим это из нас самих вовне...*». «*Действовать! Действовать! – вот для чего мы существуем*».

Иоганн Готлиб ФИХТЕ
1762-1814

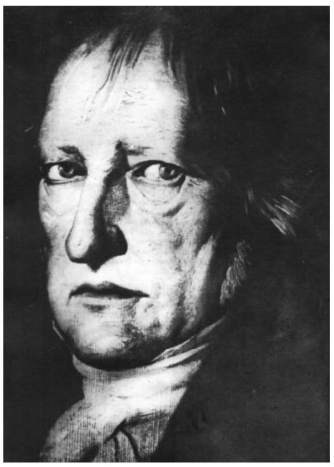
Согласно наукоучению, всякое сознание определено самосознанием, т.е. все, что происходит в сознании, обосновано, дано, создано условиями самосознания; и вне самосознания для него нет никакого другого основания.

Объективный идеализм Гегеля Г.В.Ф.

Наиболее выдающимся после Канта представителем немецкой классической философии был **Гегель Г.В.Ф. (1770 - 1831)**. Как и Фихте, Гегель также расходится с Кантом, но уже не из-за признания существования «вещей в себе», а из-за учения о их принципиальной непознаваемости. В действительности, по Гегелю, нет никаких непознаваемых «вещей в себе», она в своей сущности едина, и такой единой сущностью, первоосновой всего является «**мировой разум» («мировой дух», «абсолютная идея**», то есть некое объективное безличное духовное начало). И «философия именно потому, что она есть *проникновение в разумное*, представляет собой *постижение конечного и действительного*… Постичь то, что *есть* – вот в чем задача философии, ибо то, что есть, есть разум». Для Гегеля ***«что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно»***. Философия Гегеля, таким образом – это ***объективный идеализм***. Гегель создал грандиозную всеобъемлющую философскую систему объективного идеализма, важнейшим научным достижением, наиболее ценным культурным завоеванием которой является ***диалектика и диалектический метод***, получившие у Гегеля свое современное истолкование и разработку. А именно, диалектика после Гегеля понимается уже как противоположность ***метафизике***, как всеобщая концепция развития и взаимосвязи всех явлений и аспектов реальности. «*Диалектическое ... является вообще принципом всякого движения, всякой жизни и всякой деятельности в*

действительности. Диалектическое есть также душа всякого истинно научного познания». Стержневой в диалектике ***принцип развития*** пронизывает все величественное интеллектуальное построение гегелевской философской системы. По Гегелю, абсолютное духовное первоначало, мировой разум находится в непрерывном процессе деятельности – саморазвития, в ходе которого проходит ***три фазы***, ***три стадии***.

Поскольку деятельность мирового разума есть не что иное как мышление, то для Гегеля оно совпадает с бытием, тождественно бытию и развертывается на ***первой*** своей ***стадии в сфере чистой логики, чистого мышления***, где проходит полный цикл саморазвития, которое по Гегелю, есть и ***самопознание*** этой мировой духовной первоосновы. А так как исходной и всеобщей формой реализации мышления является ***понятие*** («*мышление есть постижение в понятиях*»), то развитие в этой сфере Гегель описывает как процесс *саморазвертывания, самодвижения понятий, категорий.* Они выступают у Гегеля как звенья, моменты, ступени единого процесса развивающейся реальности (и их у Гегеля уже не 12, как у Канта, а более сотни).

Георг Вильгельм ГЕГЕЛЬ
1770-1831

В диалектическом, как мы его берем здесь, и, следовательно, в постижении противоположностей в их единстве, или, иначе говоря, в постижении положительного в отрицательном, состоит ***спекулятивное***

Единый же алгоритм всякого процесса развития описывается Гегелем ***тремя*** сформулированными им законами развития. Первый из них, ***закон противоречия***, описывает, раскрывает источник, причину всякого развития. «*Противоречие есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в себе противоречие, оно движется, обладает импульсом… Противоречие … есть … принцип всякого самодвижения*». «*Все вещи противоречивы в самих себе, … это предположение выражает истину и сущность вещей*». «*Противоречие – вот что на самом деле движет миром, и смешно говорить, что противоречие нельзя мыслить*». Соответственно, диалектические понятия как звенья, моменты, ступени развития, по Гегелю, это не сухие, безжизненные абстракции рассудка и аристотелевской логики, не абстрактные тождества с самим собой. Они – «*живое противоречие*». «*Разумное же мышление, как таковое, состоит именно в том, что оно содержит внутри себя противоположности как идеализированные моменты*».

Противоречие и есть единство противоположностей, но, предупреждает Гегель, как источник развития оно выступает лишь тогда, когда это единство

связано, сопряжено с силой, способной удерживать противоположности в одной связке. «Абстрактное тождество с собой еще не есть жизненность; но в силу того, что положительное есть в самом себе отрицательность, оно выходит вне себя и начинает изменяться. Нечто, следовательно, жизненно лишь постольку, поскольку оно содержит в себе противоречие, притом есть та сила, которая в состоянии вмещать в себе это противоречие и выдерживать его. Но если нечто существующее не способно в своем положительном определении охватывать свое отрицательное определение и удерживать одно в другом, *если оно не способно удерживать в самом себе противоречие, то оно не есть само живое единство, не есть основание, а идет в противоречии ко дну*».

Однако, противоречие, единство противоположностей в вещах не является раз и навсегда определенной данностью, оно само находится в непрерывной динамике, которая включает в себя этап постепенных, эволюционных количественных изменений, приводящих на определенной фазе, при достижении определенной меры, границы количественных изменений к скачкообразному качественному преобразованию вещи, переходу ее в новое качественное состояние. Этот ***закон перехода количества в качество*** описывает, по Гегелю, механизм всякого процесса развития.

Но всякое развитие связано всегда и с устранением, ликвидацией, разрушением, по гегелевской терминологии, отрицанием наличной, уже устаревшей формы существования вещи, замены ее новой, которая в свою очередь с самого начала содержит в себе свою отрицательность и, пройдя определенный цикл развертывания в себе противоположностей и количественных изменений, неизбежно будет устранена, разрушена, подвергнута также отрицанию, уступая место новой реальности. Диалектическое отрицание, по Гегелю, есть, однако, не только ликвидация, разрушение предыдущей формы, состояния вещи, но и удержание, сохранение некоторых ее параметров, характеристик в новой вещи. Этот ***третий универсальный закон развития, закон отрицания отрицания*** раскрывает определенную направленность процесса развития, выявляет его ***спиралевидную форму***, когда на новой фазе развития воспроизводятся некоторые черты пройденной фазы, но уже на более высоком уровне.

В содержательном плане саморазвитие, саморазвертывание абсолютной духовной первоосновы, мирового разума в сфере чистой логики описывается Гегелем как ***вневременное*** движение от наиболее абстрактных, содержательно бедных категорий ко все более и более конкретным, богатым содержательными определениями категориям. (Это движение имеет у Гегеля ***форму триад***: первая категория выступает как полагание или тезис, вторая как ее отрицание или антитезис, третья как их синтез, переводящий реальность на более высокую ступень). Соответственно, вневременное саморазвертывание мирового разума, абсолютной духовной первоосновы Гегель представляет как необходимую, закономерную последовательность следующих триад: ***бытие, ничто, становление; качество, количество, мера; сущность, явление, действительность; понятие, объект, идея***; завершается же этот первый цикл ***абсолютной идеей***.

Завершив таким образом полный цикл саморазвертывания, самопознания в своей собственной (имманентной) сфере абсолютного бытия – чистого мышления, абсолютная идея, по Гегелю, переходит в «***свое инобытие***», «***отчуждает себя в природу***», говоря обыденным языком, порождает природный мир. Гегель, однако, изменяя основному принципу своего диалектического метода, отказывает, природе в развитии. «Мы должны рассматривать природу как *систему ступеней*, каждая из которых необходимо вытекает из другой и является ближайшей истиной той, из которой она проистекла, причем, однако, здесь нет *естественного*, физического процесса порождения…», поэтому следует «воздерживаться от такого рода в сущности туманных чувственных представлений, как, например, … представление о происхождении более развитых животных организаций из низших и т.д.». Соответственно, и философия природы у Гегеля также подчинена ритму категориальных триад: ***механика*** (предмет которой – универсальная телесность и пространственность, включает в свою очередь триаду: ***пространство и время, материя и движение, абсолютная механика***), ***физика*** (предмет которой уже не просто механические массы, но ***магнитные, электрические и химические процессы), органическая физика*** с ее собственной триадой: ***геологическая природа, растительная природы, животный организм***. (Эти внутренние категориальные триады в свою очередь конкретизируются собственными триадами).

Пространственно развернув свои определения в явлениях природного мира, своего инобытия, духовное первоначало (идея, мировой разум), по Гегелю, переходит ***на третью***, высшую ***стадию*** своего ***саморазвития***, ***в сферу духа,*** продолжая в ней свое самопознание. При этом для Гегеля «переход природы к духу не есть переход к чему-то безусловно другому, но только возвращение к самому себе того самого духа, который в природе обладает бытием вне себя». Тем самым «***свобода есть высшее определение духа***», «ибо свобода состоит именно в том, чтобы в своем другом все же быть у самого себя, быть в зависимости только от самого себя, определять самого себя». В качестве третьей завершающей категории большой триады *дух есть живое единство, синтез логической идеи и природы*, которые выступают соответственно как его диалектические противоположности, диалектические полюса.

Сама же ***сфера духа*** в свою очередь включает (по принципу матрешки) серию триад. Основная категориальная *триада этой сферы*: ***субъективный дух, объективный дух, абсолютный дух***. ***Субъективный дух*** – это процесс зарождения, формирования, становления и функционирования индивидуального сознания, развития человеческой личности и ее многообразной деятельности, начиная с самой ранней стадии роста человеческой души, пробуждения в ней сознания, развития его до самосознания, а затем и подъем самосознания до уровня разума. «… Дух уже с самого начала есть дух, но он не знает еще того, что он есть именно дух… То, что дух приходит к тому, чтобы знать то, что он есть, это и составляет его реализацию. Дух по существу есть только то, что он знает о себе самом. Первоначально он есть только дух в себе, его становление для себя составляет его осуществление. Но духом для себя он становится только через то, что он себя обособляет, определяет себя или делает себя.. своим другим… Но вся деятельность субъективного духа сводится к тому,

чтобы постигнуть себя в себе самом, раскрыть себя как идеальность своей непосредственной реальности. Если этот субъективный дух поднял себя до для – себя – бытия, тогда он уже не субъективный, но *объективный дух*… ***Объективный дух*** есть лицо и, как таковое, имеет в собственности реальность своей свободы… Здесь мы видим нечто субъективное, что знает себя свободным, и вместе с тем видим внешнюю реальность этой свободы; дух приходит поэтому здесь к своему для – себя – бытию, объективность духа входит в свои права. Так дух выходит из формы простой субъективности».

Теоретическое же выражение, свою концептуализацию эти этапы, стадии развития индивидуальной души на уровне субъективного духа находят в *триаде*: ***антропология*** (прослеживающей развитие субъективного духа от души природной через чувствующую душу к душе действительной), ***феноменология*** (рассматривающей развитие субъективного духа от сознания через самосознание к разуму) и ***психология*** (предмет которой *теоретический дух, практический дух и их синтез – дух свободный*). (Обратите внимание: свободным, по Гегелю, субъективный дух становится тогда, когда теоретический и практический дух объединятся, когда теория обогащается, соединяется с практикой, а практика с теорией).

Как мы только что слышали от самого Гегеля, собственность – это тот мостик, по которому субъективный дух переходит в измерение объективности, а личность в собственности обретает внешние границы своей индивидуальной свободы. «*Лишь в собственности лицо есть как разум*» – утверждает, ничтоже сумняшеся, Гегель. Поэтому объективный дух как контртезис субъективного духа, его диалектическая противоположность включает в себя прежде всего стоящее на страже собственности ***право***, а затем ***мораль*** и ***нравственность***, которая есть ***диалектическое единство права и морали***.

Сфера же нравственности для Гегеля – *это семья,* ***гражданское общество и государство***. Если в семье «аннулирована персональность, чтобы найти свое сознание в тотальности», то «в гражданском обществе каждый для себя - цель, все другие суть для него ничто. Но без соотношения с другими он не может достигнуть объема своих целей; эти другие суть потому средства для целей особенного. Но особенная цель посредством соотношения с другими дает себе форму всеобщности и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем благо других».

При этом Гегель понимает, что «*гражданское общество создалось, впрочем, лишь в современном мире*». «Когда элементы распадаются, один становится независимым от другого, тогда возникает гражданское общество», которое в переплетении своих противоположностей представляет «картину столь же необычайной роскоши, излишества, сколь и картину нищеты и общего обоим физического и нравственного вырождения». При увеличении накопления богатства в нем и величайших выгод, извлекаемых из всеобщего характера связи людей между собой, создаваемой их «потребностями и способами изготовления и доставления средств для удовлетворения последних», нарастает «***отрозненность*** и ***ограниченность*** особенного труда, а следовательно, зависимость и бедственность положения прикрепленного к этому труду класса, с чем также связана неспособность чувствовать и наслаждаться

дальше свободами и в особенности духовными преимуществами гражданского общества».

Поэтому неотъемлемым атрибутом гражданского, то есть буржуазного, общества является возникновение ***черни*** как результат «опускания жизни массы людей ниже уровня некоторого известного существования, который сам собой устанавливается как необходимый для члена общества и связанная с этим понижением уровня жизни потеря чувства права, правомерности и чести существования собственной деятельностью, собственным трудом». При этом «бедность сама по себе никого не делает чернью; чернью делает лишь присоединившееся к бедности умонастроение, внутреннее возмущение против богатых, общества, правительства и т.п.». Принцип гражданского общества требует, чтобы средства к существованию были опосредованы трудом (доставлением работы), но максимальное осуществление этого принципа приводит к «увеличению массы продуктов», не находящих своего потребителя. В итоге «при *чрезмерном богатстве* гражданское общество *недостаточно богато*, т. е. не обладает достаточным собственным достоянием, чтобы бороться с чрезмерностью бедности и возникновением черни».

Поиск «нового потребителя и нового поприща для приложения своего труда» вынуждает развитое гражданское общество «к спорадической ли или систематической колонизации», т. е. заставляет это общество искать «необходимые средства существования у других народов, являющихся отсталыми по количеству тех средств, которыми оно избыточествует, или вообще по своей индустриальной рачительности и т. д.».

Государство, по Гегелю, диалектически снимает противоположность семьи и гражданского общества и «*есть действительность нравственной идеи*», оно «*…есть в себе и для себя* ***разумное***». В нем «свобода достигает наивысшего подобающего ей права», оно «обладает наивысшей правотой в отношении единичного человека, *наивысшей обязанностью* которого является быть членом государства… Так как оно есть объективный дух, то сам индивид лишь постольку объективен, истинен и нравствен, поскольку он есть член государства… Это идея есть в себе и для себя вечное и необходимое бытие духа… *Государство есть божественная идея, как она существует на земле*», в нем «*свобода получает свою объективность и существует, наслаждаясь этой объективностью*».

Перманентной, непрерывной объективацией духа, по Гегелю, является и мировой исторический процесс, поскольку государство – основной игрок на его авансцене. Однако в этом процессе, считает Гегель, отчетливо проявляется «***хитрость разума***», и состоит она в том, что мировой разум – подлинный субъект всемирной истории, который, однако, «имманентен в историческом конкретном бытии и осуществляется в нем и благодаря ему» – пользуется на том или ином ее этапе отдельными народами и индивидами как средством для реализации и достижения «***абсолютной конечной цели истории***». А такой целью является идея свободы. «*Это применение принципа свободы к мирским делам, это внедрение и проникновение принципа свободы в мирские отношения является длительным процессом, который составляет самую историю… Всемирная история есть прогресс в сознании свободы, прогресс, который мы*

должны познать в его необходимости... Эта конечная цель есть то, к чему направлялась работа, совершавшаяся во всемирной истории; ради нее приносились в течение долгого времени всевозможные жертвы на обширном алтаре земли. Одна лишь эта конечная цель осуществляет себя, лишь она остается постоянно при изменении всех событий и состояний и она же является в них истинно деятельным началом. Эта конечная цель есть то, что бог имеет ввиду в мире».

«Быть доверенным лицом всемирного духа», нести эстафету постижения свободы в «поступательном шествии развивающегося самосознания мирового духа» тому или иному народу выпадает лишь однажды в истории, и когда это происходит, тогда – утверждает Гегель – «*он во всемирной истории – господствующий народ и... составляет в ней эпоху*. Перед лицом этого его абсолютного права быть носителем ступени развития мирового духа в настоящее время духи других народов бесправны, и они, равно как и те, чья эпоха минула, не идут больше в счет во всемирной истории».

В трактовке всемирной истории Гегель стоит на позиции ***евроцентризма*** – лишь европейские народы выполняли высокую миссию «носителя ступени развития мирового духа». Впервые «у греков появилось сознание свободы, и поэтому они были свободны, но они, как и римляне, знали только, что некоторые свободны, а не человек как таковой, этого не знали даже Платон и Аристотель». Связанная с рабовладением и основанная на нем, свобода у греков и римлян являлась поэтому «лишь случайным, недолговечным и ограниченным цветком, и вместе с тем… была тяжким порабощением человеческого, гуманного начала». Что же касается Востока, то, по Гегелю, его «народы еще не знают, что дух или человек, как таковой, в себе свободен; так как они не знают этого, то они не свободны; они знают только, что *один* свободен», но «этот один оказывается лишь деспотом, а не свободным человеком», поскольку свобода в этом случае «оказывается лишь произволом, дикостью, тупостью страсти.. Лишь германские народы дошли в христианстве до сознания, что человек, как таковой, свободен, что свобода духа составляет самое основное свойство его природы».

Но свобода у Гегеля диалектически связана со своей противоположностью – суровой необходимостью, неизбежно обременена массой всевозможных ограничений. Не будем забывать, что у Гегеля семья, гражданское общество и государство образуют сферу нравственности, которая в свою очередь венчает триаду объективного духа, является диалектическим синтезом права и морали. Соответственно и свобода – эта «глубинная природа духа» – опосредуется, определяется и регламентируется нормами, правилами и уложениями всех этих компонентов объективного духа, а так как государство образует вершину всей его триады, то добровольно и прилежно исполняя все его законы и установления гражданин максимальным образом реализует «*глубинную природу духа*» - свою свободу.

Всемирная история, по Гегелю, арена жестокой борьбы, а не арена счастья. «*Периоды счастья являются в ней пустыми листами, потому что они являются периодами гармонии, отсутствия противоположности*». Поэтому «войны возникают там, где они вызываются природой вещей», а идеал и тре-

бование вечного мира не более чем пустая болтовня. «*Высокое значение войны*» Гегель видит «в том, что благодаря ей… сохраняется нравственное здоровье народов, его безразличие к застыванию конечных определений; подобно тому как движение ветра не дает озеру загнивать, что с ним непременно случилось бы при продолжительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем паче вечного мира».

Диалектическая противоположность субъективного духа и духа объективного, по Гегелю, «снимается» ***духом абсолютным***, то есть достигает в абсолютном духе своего диалектического синтеза, своего высшего единства. Триаду же абсолютного духа, в которой он сам себя раскрывает и познает, составляют ***искусство, религия и философия***. *В искусстве* абсолютный дух познает самого себя ***посредством созерцания***, *в религии* – ***через представление***, *в философии* же – ***посредством понятия***.

В философии дух становится «сознанием, которое овладевает *понятием*», а развитие философии, её история, убежден Гегель, это не «беспорядочное собрание… индивидуальных мнений других людей, из которых у каждого особый взгляд», не груда «для меня внешнего, мертвого, исторического материала, масса самого по себе суетного содержания», но представляет собой её «поступательное шествие как развитие идеи», «есть по своему существу внутренне необходимое, последовательное поступательное движение, которое разумно внутри себя и определяется своей идеей a priori». При этом «каждая система философии необходимо существовала и продолжает еще и теперь необходимо существовать; ни одна из них, следовательно, не исчезла, а все сохранились в истории философии как момены одного целого». Это – необходимые звенья «всей цепи духовного развития». Новые философские системы как очередные ступени в самоопределении, самопознании абсолютного духа, абсолютной идеи вырабатывают новые, более высокие и конкретные принципы. Последние, будучи «*научными продуктами разума*», непреходящи и вечны.

Из всего сказанного сам собой напрашивался и вытекал вывод и итоговая оценка Гегелем своей собственной философии: «…Мы не должны бояться высказать то, что лежит в природе вещей, а именно высказать, что идея, как она понимается и изображается в новейшей философии, является наиболее развитой, наиболее богатой, наиболее глубокой». В ней «мысль, постигающая самое себя», приобретает «наиболее конкретный образ, …идея познана в ее необходимости». А поскольку «окончательной целью и окончательным устремлением философии является примирение мысли, понятия с действительностью», то она и есть «подлинная теодицея, примирение духа, и притом духа, постигшего себя в своей свободе и в богатстве своей действительности». И такой вывод, снимает всякие сомнения и упреки Гегель, вовсе «не есть плод высокомерия» его философии. Он ведь вытекает из «природы вещей».

Так как цель, к которой стремился всеобщий дух, наконец-то достигнута, то ему, по сути дела, ничего не остается, как почивать на лаврах. Как источник «*вечных и непреходящих научных продуктов разума*» философия возводилась тем самым на высокий пьедестал «***науки наук***», с которого просто не было возможности смотреть не свысока и на конкретное естествознание и на

современные Гегелю поиски в философии. Вывод о «***конце философии***» и «***конце истории***» – самое яркое выражение присущего Гегелевской философии ***противоречия между диалектическим методом*** (революционным по своей сути, не допускающим никаких конечных инстанций ни в бытии, ни в познании) ***и системой***, завершения которой потребовало от Гегеля такого явного и вопиющего насилия над методом. В целом же исключительное значение Гегеля в истории мировой философии хорошо передают слова Энгельса о том, что он «впервые представил весь естественный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. в беспрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и пытался раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития… Для нас здесь безразлично, что Гегель не разрешил этой задачи. Его историческая заслуга состояла в том, что он поставил ее».

Антропологический материализм Людвига Фейербаха.

Людвиг Фейербах (1804 – 1872) завершает блестящую плеяду выдающихся мыслителей немецкой классической философии. В молодости он был последователем гегелевской философии, входил в круг «младогегельянцев». Но под влиянием работ французских материалистов 18 в. порвал с гегелевским идеализмом и перешел на позиции материализма. Философия Фейербаха – антропологический материализм, так как в центре философии, по убеждению Фейербаха, должна стоять проблема человека. Соответственно, философия Фейербаха – ***антропоцентрична***. «Новая философия превращает *человека, включая и природу* как базис человека, в единственный универсальный предмет философии, превращая, следовательно, *антропологию, в том числе и физиологию*, в универсальную науку».

Людвиг ФЕЙЕРБАХ
1804-1872

Новая философия превращает ***человека***, ***включая*** *и* ***природу*** *как базис человека, в* ***единственный*** *универсальный и высший предмет философии, превращая, следовательно,* ***антропологию***, ***в том числе*** *и* ***физиологию***, *в универсальную науку*

В понимании же человека Фейербах основной акцент делает на природное, биологическое начало в нем и поэтому недостаточно учитывает социальное измерение, социальный круг человеческого бытия. «Я подлинное чувственное существо: тело входит в *мою сущность; тело в полноте своего состава и есть мое Я, составляет мою сущность*». В этом существенный недостаток его философии, который во многом был обусловлен логикой его борь-

бы с идеализмом вообще и гегелевским объективным идеализмом в частности.

В своей главной философской работе «***Сущность христианства***» Фейербах раскрывает общность философского идеализма и религии, состоящую, по Фейербаху, в том, что и в том и в другом случае сознание, разум, воля человека как его сущностная характеристика отрываются, отчуждаются от человека, превращаются в самостоятельную, не зависящую ни от чего субстанцию и становятся объектом поклонения. Соответственно, свою задачу Фейербах видит в раскрытии тайны, секрета этой метаморфозы. «Человек – и в этом заключается тайна религии – объективирует свою сущность и делает себя предметом этой *объективированной* сущности, превратившейся в субъект, в личность, он относится к себе как к объекту… В религии человек *раздваивается в самом себе*: он противопоставляет себе бога как нечто противоположное ему». Преодоление такого религиозного отчуждения человека от его природной, биологической основы и сущности означает для Фейербаха и его освобождение от самых тяжких оков. Устранение, по Фейербаху, «чрезвычайно пагубного противоречия» между религией и «прогрессивным разумом и облагороженным чувством человека» «есть необходимое условие возрождения человечества, единственное условие, так сказать, нового человечества и нового времени. Без него все политические и социальные реформы тщетны… Я гроша не дам за такую политическую свободу, которая оставляет человека рабом религии. Истинная свобода лишь там, где человек свободен также и от религиозных предрассудков; истинное образование лишь там, где человек возвысился над своими религиозными предрассудками и воображением».

При этом, однако, Фейербах, отвергая традиционную религию и философский идеализм, ратует тем не менее за создание ***новой религии***, в которой объектом поклонения для человека будет уже не бог, а другой человек. «Мы должны на место любви к богу поставить любовь к человеку как единственную истинную религию, на место веры в бога – веру человека в самого себя, в свою собственную силу, веру в то, что судьба человечества зависит не от существа, вне его или над ним стоящего, а от него самого, что единственным дьяволом человека является человек грубый, суеверный, своекорыстный, злой, но также единственным богом человека является человек».

Все богатство социальных отношений и связей между людьми в обществе Фейербах сводит в основном к отношениям моральным, чувственно-эмоциональным, в первую очередь к отношениям чувственной, половой любви. «Новая философия коренится в истинности любви, в истинности чувства». Это значит, что в понимании социальных явлений, в трактовке социума Фейербах не смог, при всем своем стремлении, преодолеть ***идеалистического подхода***. В этом тоже важнейший недостаток его философии. Материализм Фейербаха, не преодолевший, как мы только что отметили, границ онтологии, остался при этом и ***материализмом метафизическим***. В запале идейной полемики с Гегелем Фейербах не заметил и должным образом не оценил важнейшее ее достижение – диалектику. Отбросив гегелевский объективный идеализм, Фейербах, говоря словами Ф.Энгельса, выбросил с водой и ребенка.

Поэтому он не смог придать своему антропологическому материализму диалектический характер, что также является его существенной ограниченностью.

В гносеологии Фейербах занимает ***сенсуалистическую позицию***, настаивая на приоритете чувственного познания в познавательном процессе. «Новая философия в отношении своих основ есть не что иное, как ***сущность чувства, возведенная до сознания***; она только ***подтверждает в уме и при помощи ума то, что исповедуется сердцем каждого настоящего человека***; она есть возведенное к уму сердце. Сердцу не нужны абстрактные, метафизические или теологические объекты, ему нужны ***подлинные, чувственные объекты и существа***». В рамках такого подхода он выдвигает и обосновывает исключительно значимое как для гносеологии, так и для глубокого научного понимания онтогенеза (формирования человеческой личности, пробуждения, роста и развития индивидуального сознания) положение о первичности и безусловной приоритетности в этом процессе *живой человеческой коммуникации*, непосредственных ***субъект-субъектных отношений***, образующих надежную исходную основу, фундамент последующей успешной и эффективной уже *субъект-объектной* взаимосвязи, взаимодействия индивида с внешней средой. «Я есмь Я только посредством тебя и с тобою. Я сознаю самого себя только потому, что ты противостоишь моему сознанию как очевидное и осязаемое Я, как другой человек. Знаю ли я, что я мужчина и что такое мужчина, если мне не противостоит женщина? Я сознаю себя самого – это значит, что прежде всего другого я сознаю, что я мужчина, если я действительно мужчина». Поставив в центр философии человека, Фейербах предвосхитил многие идеи философии «человеческого существования», экзистенциализма в XX в. «Истина – не в мышлении и не в знании, как таковом. ***Истина – в полноте человеческой жизни и существа***». В XIX в. его антропологический материализм дал мощный толчек формированию материалистической философии К.Маркса и Ф.Энгельса.

Философия XIX века

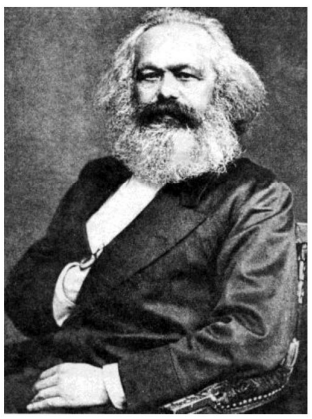
Вопреки гегелевскому выводу о конце философии и конце истории (поскольку абсолютный разум, по Гегелю, достиг, наконец, в самой гегелевской философии своей исходной цели – своего самопознания, а в тогдашнем немецком государстве – идеальную политическую форму своего объективного самовыражения), продолжала динамично развиваться история, человеческое общество (прежде всего перешедшая уже почти вся на быстроходные капиталистические рельсы Европа), философия же, будучи всегда интеллектуальным зеркалом общества, также не могла не быть вовлечена в этот неудержимый процесс перемен. В XIX в., как и предвидел и с гениальной предельной точностью выразил Маркс, наука уже начинает превращаться в непосредственную производительную силу общества, оказывая все нарастающее революционно-преобразующее воздействие на все стороны его жизнедеятельности. В промышленности, технологии и технике XIX в. – это эпоха пара и

начало эпохи электричества и радио. Начало XIX в. – это расцвет и закат наполеоновской эпохи. Идеалы «Свободы, равенства и братства» французской буржуазной революции, вдохновлявшие ее идеологов и деятелей и претендовавшие на их универсальную всеобщность, обнаружили в полной мере свою ограниченность и скрытность лишь по меркам и интересам «третьего сословия», владельцев и собственников капиталов и средств производства, класса буржуазии, на долю же ее социального двойника – рабочего класса выпал жесточайший гнет и бесчеловечная эксплуатация, правовая и социальная незащищенность.

Развиваясь на своей уже собственной экономической основе, буржуазное общество в полной мере проявляет внутренне присущие ему противоречия. Рабочее движение поднимается до политического своего выражения и оформления, а в теории социализма находит и *свою идеологическую платформу*. Парижская коммуна 1971 г. явилась первым опытом реализации социалистической идеи в революционной практике социального переустройства. Завершается колониальный передел мира. Капитализм вступает в свою *монополистическую*, а затем и *империалистическую* стадию.

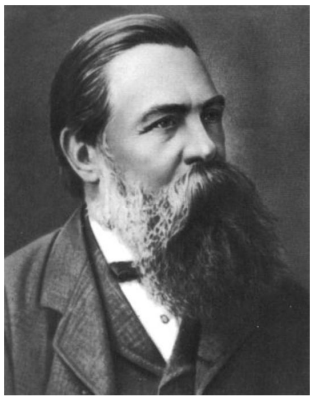
Новый образ европейской мысли в XIX в. формировался прежде всего четырьмя новыми философскими направлениями: ***марксистской философией, философией жизни, позитивизмом и неокантианством***. В первую очередь с этими направлениями связано открытие европейской философией новых проблемных горизонтов и освоение их во многом новыми интеллектуальными средствами.

Диалектический материализм Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Карл МАРКС
1818-1883

Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы ***изменить*** *его*

Фридрих ЭНГЕЛЬС
1820-1895

Освобожденная от мистицизма диалектика является абсолютной необходимостью для естествознания

Владимир Ильич ЛЕНИН
1870-1924

Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическим фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать ***интересы*** *тех или иных классов.*

В молодости Маркс и Энгельс были гегельянцами. Под влиянием философии Фейербаха они порвали с гегелевским идеализмом и перешли на позиции материализма. Однако, в отличие от Фейербаха, они удержали наиболее ценное в его философии – диалектику и диалектический метод, придав им при этом новое, материалистическое толкование. Диалектика впервые была соединена с материализмом, что определило и название новой философии – ***диалектический материализм***, в котором исходной, первичной данностью принимается бесконечная в пространстве и во времени самодвижущаяся материя, непрерывно развивающийся самоопорный и самодостаточный природный мир, пронизанный бесчисленными взаимосвязями и отношениями составляющих его вещей, явлений и процессов.

Реальность по природе своей динамична, едина и целостна, что и выражает органично присущую ей ***объективную диалектику***. Сознание и мышление, будучи по своей сущности отражением объективного мира, чтобы быть его отражением адэкватным, должно быть также внутреннее диалектичным, мобильным и гибким, способным улавливать любые подвижки и новые тенденции в динамике развивающегося бытия. Диалектика как метод и способ мышления несовместимы с застылостью, окоченелостью мысли и любых ее форм, отвергает всякие представления о вечных и неизменных сущностях в самой реальности и соответственно об абсолютных, вечных и окончательных истинах в мышлении.

Такие общемировоззренческие представления явились исходной предпосылкой философии Маркса и Энгельса, центральную ось которой, однако, составила ***социальная проблематика***. В фокусе философии Маркса уже не природная реальность и не просто жизнь сама по себе, а жизнь социальная. Тотальность социальной жизни – в центре философии марксизма. В связи с этим Маркс формулирует и новое понимание задач философии, которая, убежден Маркс, не должна ограничиваться лишь объяснением мира, а призвана стать духовным, идейным инструментом его преобразования.

Маркс дает материалистическое истолкование общественной жизни и исторического процесса, которое получило название ***исторический материализм***. Это распространение материализма на область социальных явлений составляет ***вторую*** важнейшую особенность философии марксизма и является ее выдающимся научным завоеванием. Предельно лаконично и емко материалистическое понимание истории дано Марксом в предисловии к «Критике политической экономии». Важнейшие моменты такого понимания формулируются Марксом следующим образом: «***В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка, и которому соответствуют определенные формы общественного сознания.***

Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни людей. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или - что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке… Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства… Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества».

Таким образом, общество для Маркса – это определенная целостность, основу которой составляет способ производства. Специфика же общества, его формационное своеобразие определяется его ***экономическим базисом, типом производственных отношений***, а они в свою очередь напрямую связаны, непосредственно определяются, однозначно зависят *от формы собственности на средства производства*, которая (т.е. собственность на средства производства, ее тип и характер) является главным, стержневым элементом в структуре экономического базиса, в совокупности производственных отноше-

ний того или иного общества. В способе производства заключен и главный фактор, основной механизм самодвижения, саморазвития общества. Его образует (обозначенное в вышеприведенной цитате из Маркса) *диалектическое взаимодействие двух сторон способа производства – производительных сил и производственных отношений*. В силу этого исторический процесс приобретает *закономерный характер*. Но эта закономерность не является слепой и механической, не реализуется в режиме автоматизма за спиной и помимо действий самих людей. «*История* не делает *ничего*, она не обладает *никаким* необъятным богатством, она не сражается *ни в каких битвах*! Не «история», а именно *человек*, действительный, живой человек – вот кто делает все это… История – *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека». Частная собственность на средства производства неизбежно раскалывает общество на антагонистически враждебные социальные классы и является основным источником социального неравенства, эксплуатации, угнетения, главной причиной основных форм отчуждения человека в обществе. Лишь социальный строй, основанный на общественной собственности на средства производства, убежден Маркс, создает условия для устранения и преодоления такого социального отчуждения, дает возможность раскрепостить все творческие созидательные силы человека и общества, восстановить и вернуть человеку его утраченную, отчужденную человеческую сущность.

Важнейшим достижением философской мысли Маркса явилась и новая постановка и решение гносеологической проблематики. Отныне познавательный процесс в философии диалектического материализма всегда и непременно рассматривается в его социальной обусловленности, обусловленности достигнутым обществом уровнем развития ***общественной практики***, которая составляет ***основу познания***, ***его цель*** и в конечном итоге – ***критерий истины***.

Диалектико-материалистическая философия Маркса и Энгельса, теоретически обосновав и идейно оплодотворив революционное социальное действие, оказала и продолжает оказывать мощное влияние как на развитие философской мысли, так и на сам исторический процесс, который с конца 19-го и почти весь XX в. прошел под знаком борьбы за воплощение социалистической идеи.

Философия жизни

Когда европейская знаменитость Гегель в переполненной аудитории Берлинского университета читал свои лекции, собиравшие интеллектуалов со всей Европы, в том числе и из России, молодой, но самоуверенный и амбициозный приват-доцент **Артур Шопенгауэр (1788 - 1860)**, из принципа и в пику Гегелю назначавший на то же самое время свои лекции, оставался один на один с пустым залом. В своих претензиях и ожиданиях Шопенгауэр не обманулся. Признание и слава, правда, уже на склоне жизни, пришли к нему, а замечательный литературный дар и писательское мастерство, отличающие все его произведения, обеспечивают им постоянный читательский успех.

Шопенгауэр: философия воли

Артур ШОПЕНГАУЭР
1788-1860

С древнейших времен о человеке говорили как о микрокосме. Я перевернул это положение и показал, что мир – макроантропос, ибо воля и представление исчерпывают сущность мира и человека

Шопенгауэр отверг как несостоятельную всю послекантовскую линию в немецкой философии, особенно же резким нападкам подвергает гегелевскую философию, характеризуя ее не иначе как «нелепость», «чистое шарлатанство», «бессмыслицу» и т.п., самого Гегеля как «убийцу истины», свою же философию и себя объявляет единственным достойным продолжателем кантовского философского наследия. Тем не менее Шопенгауэр тоже пересматривает кантовское учение о «вещах в себе», а именно тезис о их принципиальной непознаваемости. Исходный методологический принцип Шопенгауэра – «*мы должны познавать природу из самих себя, а не себя самих из природы*». Осуществив «внутреннее восприятие», направив взор внутрь самих себя, легко убедиться, что вопреки тому, что утверждали о человеке все без исключения философы-предшественники, его «основную суть и зерно» составляет не познающее и мыслящее Я, не его интеллект, а его ***желания, воля***. «… В нашем собственном сознании воля всегда является, как нечто первичное и основное, и сохраняет за собою безусловное первенство над интеллектом, который, напротив, всегда является чем-то вторичным, подчиненным и условным». Воля, однако, не только внутренняя сущность человека, *она первооснова и первоначало всего существующего*. «Во всех явлениях этого мира на его различных ступенях объективируется именно то, что в нашем непосредственном познании открывается нам как воля». Таким образом, по убеждению Шопенгауэра, «вещь в себе – исключительно воля».

Опять же, вопреки тому, что утверждалось в философии до этого, *воля – не «разумное стремление», не функция интеллекта, наоборот, «интеллект – только простое орудие воли*». Интеллект вовсе не орган, инструмент «чистого и незаинтересованного познания», он – послушный слуга своего господина – воли, и призван обеспечить выживание организма, его пропитание, защиту от врагов и опасностей, возможность нормального и благополучного воспроизводства. ***Воля – начало метафизическое, а значит, вечное и неизменное***. Она «везде и всегда равна себе. Ее функции в высшей степени просты, они состоят в желании или нежелании чего-либо, – а это дается нам в высшей степени легко и не требует от нас никаких упражнений… В силу той простоты, которая свойственна воле как началу метафизическому в явлении – ее сущность не знает никаких степеней, никаких изменений, переходов и роста. Хотеть –

не учатся, как это необходимо в мышлении. Даже в самом маленьком насекомом воля дается сполна, вся целиком; насекомое хочет, чего он хочет, так же решительно и полно, как и человек. Различие заключается только в том, чего оно хочет, т.е. в мотивах, а это уже дело интеллекта». Последний же «как нечто вторичное и обуславливаемое телесными органами, имеет бесчисленные степени совершенства, по самому существу дела всегда ограничен и несвободен от недостатков… Интеллект так же преходящ, как и мозг, продуктом или скорее функцией которого он и является».

Воля сама по себе бессознательна, но всегда активна и деятельна. «Как вещь в себе, она не знает лености и абсолютно неутомима; ее деятельность – это ее сущность; она никогда не прекращает желать». Она проявляет свою деятельность как слепая, бессознательная жажда и сила жизни, жажда существования. «Каждое существо хочет постоянно, сильно и решительно». Интеллект же сам по себе безволен, инертен, ленив и бездеятелен и «начинает действовать только тогда, когда получит толчек от чего-то другого, от воли, которая его порабощает, направляет и поощряет к работе – словом, сообщает ему ту деятельность, которой в нем прежде не было, поэтому он охотно отдыхает, когда ему дозволено». И самым метким сравнением для прояснения «их взаимных отношений будет могучий слепой, который несет на своих плечах зрячего паралитика». Поскольку сущность воли – слепая бессознательная жажда жизни, «привязанность к жизни, забота об индивидууме и породе», то «***половой инстинкт – это фокус воли***».

Таким образом, мир по своей метафизической сущности, как вещь в себе – это слепая и бессознательная воля к жизни, начало абсолютное и безусловное, не связанное и не ограниченное пространством, временем и причинностью. Явления же, включенные в систему пространственно-временных и причинно-следственных отношений – не что иное, как воплощение (объективация) воли, которое «совершенно обуславливается познающим субъектом, т.е. интеллектом, и, следовательно, вне этого познания, просто как такое, немыслимо, ибо оно прежде всего только конкретное представление и, как такое, феномен мозга. Если его не будет, вещь в себе все-таки останется… Все, что ни есть в познании, и самый мир есть объект в отношении к субъекту, лишь для субъекта он и существует. Мир есть мое представление». Поэтому своему главному философскому произведению Шопенгауэр дает название «***Мир как воля и представление***» (1819 г.).

Шопенгауэр – *пессимист*. Испытав сильное увлечение древнеиндийской философией, он принимает исходный, главный тезис буддизма, что реальность, мир как представление, *жизнь – это страдание*. Воля, проявляясь в своих объективациях как сильная, непреодолимая, страстная «привязанность к жизни, как забота об индивидууме и породе», эгоистична и равнодушна ко всем другим существам. Будда, а вместе с ним и Шопегауэр, убежден, что «страсти болезненны, и мало от них радости». Воля, единая в своей сущности, как «вещь в себе», в мире явлений, в мире-представлении дробится и множится на бесконечное число сущностей, существ и индивидов, ожесточенно и непрерывно борющихся за свое существование, самосохранение и воспроизводство. Страдание – их общий удел.

Ненасытная в своих желаниях и стремлениях воля не дает передышки. А самое жестокое из существ – человек. Только он ради наслаждения способен подвергать мучениям другие существа. Поэтому по-настоящему доброе, отзывчивое сердце, полное сочувствия, понимания и сострадания ко всем, перешагивающее границы своего эгоизма, индивидуализма и себялюбия, – почти что чудо в этом мире жестокости и зла. Избавление от страданий может принести лишь обращение воли, отказ от желаний, жажды жизни, которая сама по себе бесцельна и бессмысленна. «Действительно нельзя указать на другую цель нашего существования, кроме сознания того, что было бы лучше, если бы нас совсем не было. Это самая важная из всех истин, которую поэтому необходимо высказывать, как ни резко противоречит она современному европейскому миросозерцанию»

Отрицание воли к жизни, ее обращение позволяет преодолеть эгоистический индивидуализм существования и познать, увидеть свое родство, сущностное единство и глубинное тождество со всем существующим. Ведь «индивидуальность присуща воле только в ее утверждении, а не в ее отрицании». Уже основные моральные добродетели – справедливость, честность, а еще более любовь, обеспечивают выход за узкие пределы индивидуализма, эгоизма и себялюбия, но лишь «полный переворот человеческой природы» (а это уже самый последовательный аскетизм) означает возврат от необходимости к свободе, есть путь обретения спокойствия и душевного мира. «Тот, кто тем или иным путем освободился от этой, априори присущей нам ошибки – будто бы мы рождены для того, чтобы быть счастливы, – тотчас же видит все совершенно в другом свете; тогда он видит, что мир, если он и не оправдывает его желаний, оправдывает его мировоззрение. Несчастья всякого рода перестают его удивлять, хотя бы он и страдал от них, так как он уже понял, что именно муки и скорби ведут его к истинной цели жизни, к тому, чтобы воля от нее отвратилась. Чтобы с ним ни случилось, это дает ему удивительное спокойствие… Страдание это тот очистительный процесс, который в большинстве случаев святит человека, т.е. уводит его с распутий воли к жизни».

Большим достижением своим Шопенгауэр считает то, что, по его словам, только ему удалось избежать характерной всем философам-предшественникам *альтернативы*: либо при объяснении реальности рисовать «*ужасающую картину фатализма*», который «существование мира, вместе с критическим положением в нем человеческого рода, сводит к какой-либо абсолютной… необходимости» или же «выводить мир из свободного произволения вне его находящегося существа». Указанный же им самим ***третий путь*** заключается в том, что «акт воли, из которого возник мир – это наш собственный акт воли. Он свободен, … всякая же необходимость – только форма его проявления. Именно поэтому, раз он дан, его развитие подчинено полной необходимости; но в силу этого мы можем познать из него свойства этого волевого акта и поэтому имеем возможность дать воле иное направление».

У Шопенгауэра (и в целом в философии жизни) ***онтологическое основание*** мировоззрения смещается уже с физики *на биологию*, науки об органическом мире. Теперь уже не только физический миф, но и живая, органическая природа оказывается в фокусе исследовательского интереса, как фило-

софского, так и научного. При этом, хотя Шопенгауэр и отдает безусловное первенство и приоритет воле – началу бессознательному, слепому и неразумному, а интеллект ставит всегда на задний план, сам он неизменно претендует на истину и не упускает случая при обосновании своих философских положений прибегнуть к данным современной ему науки (биологии, физиологии, психологии). Да и итоговое обращение воли, ее самообращение, как мы видели, тоже результат познания, довольно сложного познавательного действия. Представленное Шопенгауэром философское направление, для которого реальность в своей основе неразумна и бессознательна, получило соответственно и название – ***иррационализм***.

Продолжали разрабатывать начатую Шопенгауэром философию жизни в дальнейшем **Ф. Ницше (1844-1900), В. Дильтей (1833-1911), А. Бергсон (1859-1941), Г. Зиммель (1858-1918), О. Шпенглер (1880-1936)** и др.

Философский волюнтаризм Ницше

Для Ницше реальность уже не воля к жизни, как у Шопенгауэра, ***а воля к власти***. *Господствовать, доминировать, властвовать, повелевать*, – именно к этому, убежден Ницше, стремится все существующее, а не просто к существованию, бытию, жизни. Везде и всюду Ницше усматривает именно это стремление – сердцевину и суть всего и вся. В том числе и философия – вовсе не плод чистого, незаинтересованного стремления к познанию, постижению истины, как об этом всегда твердили и твердят ее творцы и создатели. «Я не верю, будто «влечение к познанию» родило философию, а верю, что совсем иное влечение (как бывает всегда) воспользовалось этим самым познанием как своим инструментом… Ибо властолюбиво всякое влечение – и именно *как таковое* оно пытается философствовать». Поэтому, «***их (философов) воля к истине есть воля к власти***». Сама же философия, с ее вечными поисками «истинной, подлинной» реальности и поскольку она «рассматривает этот мир как что-то кажущееся», для Ницше – «великая школа клеветы, … скрытая ярость против основных предпосылок жизни, против …ценности жизни, против всего, что становится на сторону жизни». «Видимый мир и *измышленный мир* – вот в чем противоречие. Последний до сих пор назывался «истинным миром», «истиной», «божеством». Его нам следует упразднить».

Фридрих НИЦШЕ
1844-1900

Мужчина должен быть воспитан для войны, женщина для отдохновения воина. Все остальное неразумие. Следует чтить рок, говорящий слабому: «погибни!...» Падающего – подтолкни!

Таким образом, для Ницше видимый мир не иллюзия, не представление, как у Шопенгауэра, а мир единственно реальный. И для Ницше сознание, интеллект – лишь «средство для сохранения индивида», у него «нет никакого назначения, выходящего за пределы человеческой жизни»… Наш познавательный аппарат устроен не в целях «познания», «и направлен не на познание, но на ***овладение*** **вещами**». При этом наше «познание», убежден Ницше, не простирается дальше, «чем это нужно в обрез для сохранения жизни». Концепция познания Ницше – «***перспективизм***». Мир не имеет какого-нибудь одного смысла, но бесчисленные смыслы, а они порождаются, вырастают из наших потребностей и влечений. Всякое же «влечение есть известный вид властолюбия, всякое влечение имеет свою перспективу, которое оно хотело бы навязать как норму всем другим влечениям». При этом мерилом «бытия» и «реальности» является для Ницше «степень нашего *чувства жизни и власти*». Чем сильнее, интенсивнее и выше это чувство, тем больше, соответственно, реальности и бытия. Бытие и реальность, таким образом, по Ницше, производны, конституируются, создаются волей к власти и степенью, силой ее проявления и выражения. В итоге, «мы можем *постичь* лишь мир, который мы сами *создали*».

Генезис и развитие европейской культуры, считает Ницше, связан с постоянным и неуклонно нарастающим доминированием в ней ***аполлоновского*** начала (олицетворением которого является логика, наука, разум и основанная на нем философия) и одновременно все большим ослаблением и подавлением начала ***дионисийского***, выражающего саму жизнь в ее натуральной непосредственности, в свободной игре и борьбе всех ее сил. Счастливое и гармоничное равновесие этих начал Ницше усматривает лишь в Античной Греции досократовского периода.

Современная европейская культура, убежден Ницше – это культура ***декаданса***, упадка, деградации и разложения, господства серой посредственности и слабости, распространения, нарастания уравнивающей все и вся демократии. Короче, в ней ослаблена и *подорвана воля к власти*. «Наш век есть век *обратных* инстинктов. Он хочет прежде всего и раньше всего удобства, во-вторых, он хочет гласности и большого театрального шума, того оглушительного барабанного боя, который соответствует его базарным вкусам, он хочет, в-третьих, чтобы каждый с глубокой покорностью лежал на брюхе перед величайшей ложью – которая называется «равенством людей» – и уважал только *уравнивающие и нивелирующие* добродетели». Спасение и выход – лишь на пути «*переоценки ценностей*», которую и провозглашает Ницше. «Я учу говорить *нет* всему, что ослабляет, что истощает… Я учу говорить *да* всему, что усиливает, что накопляет силы, что оправдывает чувство силы. До сих пор никто не учил ни тому, ни другому: учили добродетели, самоотречению, состраданию, учили даже отрицанию жизни. Все это суть ценности истощенных».

Поэтому долой мораль, долой христианство, для Ницше – главные виновники деградации европейской культуры. Вместо сострадания (которое для Ницше «более опасно, нежели любой порок») и поддержки слабого – «пада-

ющего подтолкни», «следует чтить рок, говорящий слабому: погибни!». Смысл человеческой жизни с позиции «воли к власти» ясен и пост: «Мужчина должен быть воспитан для войны, женщина для отдохновения воина. Все остальное – неразумие». А отправляющемуся на отдых воину Ницше советует: «Ты идешь к женщине? Не забудь плетку!».

Ницше – очевидный *мировоззренческий антипод* Маркса, его непримиримый идейный контрагент. Но как и полагается антиподам, у них немало и точек соприкосновения. Это, в первую очередь, их посюсторонность, направленность на земное, материальное, чувственно-укорененное бытие, бескомпромиссное и последовательное отрицание всего сверхприродного и сверхъестественного. Обоим присуща любовь и преданность Земле, реальности посюсторонней, освобожденной от иллюзий и миражей мифологизма. В обоих живет и действует мощь и сила свободного творческого духа. Оба – мыслители предельной интеллектуальной честности, искренности и прямоты.

В обоих проявился ярко выраженный провидческий дар: глубоко проникшего в суть явлений и вскрывшего законы их развития социального мыслителя-ученого Маркса и интуитивно постигшего основные тенденции современных ему событий и их дальнейшего, будущего протекания вдохновенного поэта-философа Ницше. И оба они – буревестники будущего, которое и не замедлило в XX в., ставшем веком кульминационного накала социально-классовой борьбы, величайших революционных потрясений, военно-политических катаклизмов, отозваться воплощением их идей в полярных проектах мироустройства: коммунистическом, который призван был реализовать идею общества свободно ассоциированных, всесторонне развитых творческих личностей, и национал-социалистическом с «триумфом воли» одной, арийской, нордической расы. Жизнь для обоих немыслима вне атмосферы борьбы, предельного напряжения духовных и физических сил. Отсюда – неприятие тусклого, бесцветного, рутинного, самодостаточного и самоудовлетворенного, ровного и гладкого, закосневшего в своей бесконфликтности существования.

Оба не приемлют существующий социальный порядок и ведут его принципиальную бескомпромиссную критику. Но эта критика с *полярно противоположных позиций*. Философия Маркса – отрицание и критика существующего общества *слева*, философия Ницше – критика и неприятие его с *крайне правой* позиции. Ницше – певец рабства, цинично откровенного и узаконенного социального неравенства как «основного условия высшей культуры» – здоровой, жизнеутверждающей, яркой и цветущей, возможной, по его убеждению, лишь на основе свободного, ничем не скованного проявления и действия воли к власти. Маркс же – пламенный борец за социальную свободу и социальное равенство всех людей, освобождение человека от всех форм угнетения и эксплуатации. Существенно сближает философские позиции Маркса и Ницше и то, что воля, в том числе и к власти, в смысле преодоления реальности, овладения ею, ее подчинения, – *неотъемлемый компонент социального действия*, а оно у Маркса – основа и уток общественной практики.

Маркс и Ницше – *оптимисты*. Но опоры оптимизма у них разные. У Маркса – это ставка на силу революционных масс, у Ницше – на силу и твердость господствующего класса. «Я ставлю перед вами эту скрижаль – будьте

тверды!» Он развивает также «***учение о вечном возвращении***» в качестве средства воспитания и отбора носителей воли к власти. Для философии обоих характерна *устремленность в будущее* и борьба «во имя грядущего». Но для Маркса оно связано с коренным преобразованием антагонистического общества на экономически новом базисе, то есть общественной собственности на средства производства, что станет началом «развития человеческих сил, которое является самоцелью». И это, по Марксу, будет означать кардинальный переход из царства необходимости в царство свободы. Для Ницше будущее связано с ***ожиданием сверхчеловека***, в котором максимально и с предельной полнотой реализуется, наконец, воля к власти, настоящее же должно самозабвенно работать на его появление.

Шопенгауэр и Ницше создали ***натуралистический вариант*** философии жизни, сконцентрировав в основном внимание на непосредственно биологической, витальной ее ипостаси. Открытые к тому времени наукой законы, регулирующие биологию жизни, в том числе закон естественного отбора и борьбы за существование, были неоправданно абсолютизированы и перенесены Ницше на более высокую, социальную форму жизни.

Бергсон: философия «творческой эволюции»

У **Бергсона** жизнь представлена уже как космический процесс «творческой эволюции».

Анри БЕРГСОН
1859-1941

Интуиция есть видение духа со стороны самого духа… Вне нас есть взаиморасположенность без преемственности, внутри нас есть преемственность без внешней рядоположенности

Основа, суть и средоточие жизни, уверен Бергсон – творческий, бессознательный порыв духа, непрерывно созидающего вне новые и новые органические формы. Отталкиваясь от сформулированного физикой второго начала термодинамики, *закона возрастания энтропии*, по которому всякая физическая система неизбежно движется, эволюционирует в направлении возрастания энтропии, хаоса, дезорганизации, распада, утраты существовавшего в ней структурного порядка, Бергсон описывает жизнь как ***антиэнтропийный процесс***, неодолимо направленный вверх в противоположность всегда движущейся вниз, к потере своей организации мертвой, неживой материи. Неживая материя для Бергсона – это *застывшие остатки духа*. Истощив свою

творческую жизненную энергию, дух выпадает в осадок в виде объектов неживой природы.

Глубинная суть жизни, как и сознания, – одна и та же. Это «*конкретное время», длительность*, которое отличается от делимого на серию *рядоположенных* равнозначных моментов физического времени тем, что в нем прошлое присутствует и представлено в настоящем, равно как и будущее в форме ожидания. Жизнь как свободный творческий процесс становления не имеет никакой единой цели, зато имеет *один источник* – первичный взрыв, исходный творческий порыв, который в своем неодолимом движении делится сначала на ***две*** основные эволюционные линии – ***растений и животных***. Неподвижный образ существования растений обрекает их на пребывание во тьме ***предсознания*** и функцию накопления энергии. У вовлеченных в круговорот движения животных вырабатываются соответствующие механизмы взаимодействия с изменчивой средой. Сначала ***инстинкт***, а затем все более совершенные *формы психики* по мере продвижения жизни вверх, по восходящим ступеням творческой эволюции, лишь на одной, оказавшейся не тупиковой из ее линий привели к ***прорыву в область сознания***. «***Инстинкт*** *– это способность использовать и даже создавать органические инструменты.* ***Интеллект*** *– это способность создавать и изменять неорганические инструменты… Инстинкт и интеллект представляют два разных, но одинаково элегантных решений одной и той же проблемы*». Если инстинкт – инструмент действия с единичными вещами в конкретной ситуации, то интеллект, разум – это уже анализ отношений между вещами. Как таковой, он дробит, расчленяет единую реальность, действуя по принципу кинематографической ленты, каждый кадр которой – это застывшее «здесь и теперь». Следовательно, он не способен познать реальность изнутри, в ее глубинной сути, как длительность. Это под силу лишь ***интуиции***, которая и *есть «видение духа со стороны самого духа*». Не утрачивая сознания, она в то же время непосредственно и прямо проникает вглубь вещей, позволяет постигать реальность, то есть саму длительность во всей ее неповторимости и уникальности.

У **Дильтея**, **Зиммеля**, **Шпенглера**, **Ортеги-и-Гассета** жизнь представлена уже в ее высших проявлениях как спонтанное и свободное творчество различных уникальных и неповторимых культурно-исторических форм и образований. Познание их в такой их неповторимости недоступно методам и способам естественных наук. «Науки о духе», предмет которых как раз и составляет познание таких культурно-исторических образований, должны выработать и использовать свои собственные, «имманентные» методы, в основе которых «понимание», интуитивное проникновение и раскрытие таких феноменов изнутри. Философия жизни оказала большое влияние на ряд философских направлений XX в. – экзистенциализм, персонализм, герменевтику и др.

Философия позитивизма

Как и философия жизни, ***позитивизм*** в определенном смысле тоже стал реакцией на немецкую спекулятивно-умозрительную философию. Основоположник позитивизма – французский философ **Огюст Конт (1798 – 1857).** В

самом названии позитивизма – его основное кредо, цель и идеал***: позитивное, положительное знание, представленное наукой***. Философия низводится позитивизмом с высокого пьедестала науки наук на положение ее *добросовестной и преданной служа*нки. И лишь в этом качестве помощницы науки она сама способна приобрести и сохранить научный характер. «*Наука сама себе философия*» и никакой стоящей над ней «царицы наук», натур-философии быть не должно и не может, – так безоговорочно пересматривается традиционное, отдававшее приоритетное положение философии соотношение ее с наукой.

Огюст Конт
1798-1857

Только на позитивной стадии человеческий дух, поняв невозможность достижения абсолютного знания, не вопрошает более, каковы источники и судьба Вселенной, каковы внутренние причины феноменов, а ищет и открывает, комбинируя рассуждение с наблюдением, их действующие законы, то есть неизменные связи последовательности и сходства

Позитивизму прежде всего присуща решительная ***антиметафизическая установка***. Она выразилась в том, что из философии изгоняются коренные мировоззренческие, так называемые «метафизические» проблемы и вопросы (о сущности мира и его явлений, их причинах и т.д.) как недопускающие однозначного, «позитивного», окончательного решения. Наука тоже должна избегать искушения искать причины вещей. Ее сфера – *не поиск ответов на вопрос «почему?», а только лишь на вопрос «как?»*.

Конт считает, что человечество в своем развитии прошло уже *две стадии (теологическую и метафизическую*) и вступило, наконец, в ***третью, позитивную, научную стадию***. На первой стадии реальность объяснялась действием сверхъестественных существ и сил, на второй – действием абстрактных философских сущностей и идей (пример тому – гегелевская философия). «Только на позитивной стадии человеческий дух, поняв невозможность достижения абсолютного знания, не вопрошает более, каковы источники и судьба Вселенной, каковы внутренние причины феноменов, а ищет и открывает, комбинируя рассуждение с наблюдением, их действующие законы, то есть неизменные связи последовательности и сходства». ***Феноменализм*** (сведение науки лишь к описанию явлений и отказ от их объяснения) – *вторая* важнейшая особенность позитивистской философии. Для позитивизма также характерна *претензия подняться над традиционной противоположностью материализма и идеализма*, снять и преодолеть ее на основании того, что все «метафизические» проблемы выносятся им за скобки философии.

В своем развитии философия позитивизма прошла ***три стадии***. На первой (ее виднейшие представители – сам Конт и английские философы

Джон Милль (1806 – 1873) и **Герберт Спенсер (1820 - 1903**)) задачу философии позитивисты видели ***в обобщении данных конкретных наук***, сведении их в единую научную картину мира.

Второй этап в развитии позитивизма получил название «***эмпириокритицизма***» (критика, исследование, опыта) и связан с именами **Рихарда Авенариуса (1843 – 1896)** и выдающегося физика **Эрнста Маха (1838 - 1916)**. Эта фаза в развитии позитивизма совпала с революционным прорывом науки в совершенно новую область реальности, в микромир, где ставшие привычными представления, принципы и законы классической механики и физики уже не работали (открытие явления радиоактивности, сложной структуры атома, до этого представляемого учеными в буквальном значении этого греческого термина – «неделимый» – и т.д.). На повестку дня остро встала проблема пересмотра старой и выработки новой методологии познавательного процесса.

Философия, по мысли Маха и Авенариуса, и должна была стать методологией нового естествознания. Решение проблемы, по Маху, в отказе от субстанциализации научных представлений и понятий, от придания им статуса утверждений об объективной, существующей самой по себе реальности, в трактовке, понимании их как ***условных конструкций и конвенций, соглашений между учеными***, с помощью которых всего лишь фиксируется связь и взаимозависимость «предметов опыта». А поскольку *первичными «элементами мира»*, опыта объявлены *ощущения*, то уже сама постановка вопроса о существовании какой-то реальности за пределами ощущений, об их источнике и причине является, с этой точки зрения, недопустимой данью метафизике, неприемлемым для позитивизма возвратом к ней.

В результате, *научный «фундаментальный метод – это метод вариаций»*, посредством которых находятся и формулируются инвариантные, закономерные связи между «элементами опыта». Примечательно, что физик Мах, став пленником своей «новой научной методологии», отказался признать объективное существование такой реальности как атом. И хотя, по Маху, эмпириокритицизм – это «средний», преодолевающий, якобы, крайности материализма и идеализма путь в философии, в действительности это очередной вариант субъективного идеализма, признающего первичной, далее неразложимой данностью лишь ощущения, которые сами по себе никак не могут быть «нейтральными» элементами опыта, а предполагают существование субъекта, ощущениями которого они являются. Третья стадия в развитии позитивизма – неопозитивизм – будет рассмотрена в рамках философии XX в.

Философия XX века

XX век – это век революций, в ходе которых, говоря словами поэта, «мир изменяли, Бастилии снова штурмуя». И самой радикальной по своей преобразующей силе была социалистическая революция в России. Это две мировые войны, распад колониальной системы, а вслед за этим, а точнее – параллельное формирование и неоколониализма. Это возникновение и рост социалистической системы, её нешуточный, самый серьёзный вызов и противостояние капитализму, а на самом исходе столетия столь же серьёзное поражение социалистической идеи на родине её первой материализации, воплощения в действительность, которое вызвало не менее радикальный геополитический сдвиг, чем и само её возникновение. Это великие достижения в науке и технике, вылившиеся в середине 20 века в уникальное историческое явление – научно-техническую революцию, символом которой стала ЭВМ и порождаемые ею глубокие, а подчас и радикальные изменения действительности как человеческой, так и природной. Это прорыв человека в Космос, интенсивное его исследование, а к концу столетия все более отчетливые перспективы и его милитаризации.

Бурную и драматическую историю XX в. вполне уместно рассматривать как борьбу за реализацию давней философской идеи (а еще более давней религиозно-поэтической мечты) о всеединстве рода людского, о том желанном будущем, «когда народы, распри позабыв,в единую сетью соединятся». При этом коммунистический экспансионизм и мессианизм, бравший на себя миссию освобождения всего человечества от всех форм несправедливости, социального отчуждения и подавления, сразу же после падения коммунистического колосса, противостоявшего колоссу капиталистическому, сменился либеральной глобализацией с совершенно открыто демонстрируемым обликом ускоренной американизации всего и вся на нашей маленькой планете, прямотаки лихорадочной реализацией либерального мондиалистского проекта единого мира, призванного закрепить и обеспечить господство американизированного «европейского человечества» на планете, подвести под счастливый «золотой миллиард» все остальные миллиарды человеческого рода. Но в основе данного проекта не мощный подъем духовной и социальной синергии, а технологический прорыв и соответствующее лидерство либерального Запада и базирующаяся на них грубая военная сила, усиленно сдабриваемая, правда, цветистой и напыщенной либеральной риторикой о «вечных либеральных общечеловеческих ценностях, единых демократических нормах, свободе и правах человека».

Быстрое и легко фиксируемое, чувственно зримое разрушение и деградация природной среды идет рука об руку с еще более интенсивным, но чувственно не наглядным разрушением, необратимым вытаптыванием тысячелетиями складывавшегося, яркого и веселого в своем цветущем разнообразии ландшафта мировой культуры. И это – самый страшный итог двадцатого века, поставившего мировую культуру на грань духовного коллапса.

Естественно, эти новые реалии находили и находят свою концептуализацию и философское осмысление как в новых, возникших уже в XX веке направлениях и течениях философской мысли, так и в тех направлениях, начало и исток которых ещё в 19 веке.

Образ философской мысли XX века можно описать *следующими основными чертами*:

Плюрализм, множественность философских направлений, течений и школ как выражение чрезвычайного усложнения, расширения и углубления общественной практики и научно-теоретического освоения реальности, форм взаимодействия человека с природой и обществом, саморефлексии, самосознания общества и человека.

Философия XX века продолжила намеченные еще в европейской мысли XIX века поиски ***новой рациональности*** (при этом наибольшая проницательность была проявлена в данном отношении основоположником феноменологии Эдмундом Гуссерлем (1859 - 1938), который, ни на минуту не прекращая борьбы за «философию как строгую науку», с полным на то основанием отвел следующими примечательными словами упреки в свой адрес Льва Шестова, всю жизнь посвятившего развенчанию науки и убеждению в полной несостоятельности научного разума: «то, что Вы делаете, я называю так же наукой»).

Деэссенциализм, почти повсеместный отказ от поиска сущностных основ вещей и явлений, – еще одна важная особенность философии XX, а теперь уже и XXI века (гуссерлевский тезис «сколько явления, столько и бытия» достаточно хорошо передает суть этого принципа).

Философия XX века открыла также и интенсивно осваивает *свой «микромир»* – пестрый, текучий, бесконечно разнообразный, субъективно окрашенный, коррелятивный установкам, сознанию и действиям людей и их сообществ *мир* ***повседневности***.

Важная характеристика европейской философии этого периода – смещение исследовательского интереса на аксиологически-праксеологическую проблематику, в первую очередь, проблематику ***социального действия и культуры*** как универсума его *объективаций*.

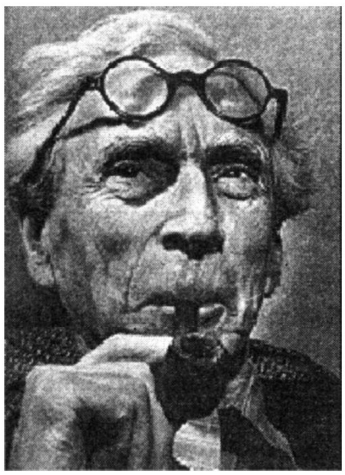
Радикальный гносеологический сдвиг как одна из самых существенных особенностей философии XX века наиболее полно выражен и наиболее последовательно реализуется прежде всего ***гуссерлевской феноменологией***. Традиционная, догуссерлевская гносеология концентрировала своё внимание на «первичном» познании, исследовала первоначальный опыт субъект-объектного взаимодействия и формирования в процессе и в результате этого взаимодействия соответствующего познавательного образа, представления, знания об изучаемом объекте. Феноменология же начинает исследовать гносеологическую ситуацию как раз там, где традиционная гносеология, удовлетворённая полученным результатом, со спокойной душой ставит последнюю, окончательную точку. Там, где традиционная гносеология видела уже исчерпание познавательной проблематики, феноменология фиксирует туго завязанный проблемный узел. Гносеологический субъект феноменологии – не растерянный новичок, а, можно сказать, уже «профессионал» в данной предметной

области, она им уже хорошо обжита, освоена, стала неотъемлемой составляющей его собственного «жизненного мира».

Панорама философской мысли XX века включает не мало направлений: *диалектический материализм, неомарксизм, философия жизни, неопозитивизм, экзистенциализм, философия науки и техники, философская антропология, психоанализ, структурализм, персонализм, герменевтика, критический рационализм, научный материализм, постмодернизм, феноменология, прагматизм, неореализм, неотомизм* и др. Наиболее влиятельными и, соответственно, наиболее репрезентативными на Западе стали ***неопозитивизм и экзистенциализм.***

Неопозитивизм: философия языка – научного и повседневного.

Третья фаза в развитии позитивизма – ***неопозитивизм*** – пришлась уже на первую половину XX в. В неопозитивизме, ставшем важнейшим и влиятельнейшим направлением европейской философии прошлого века (основные представители: **Бертран Рассел (1872 – 1970)**, **Людвиг Витгенштейн (1889 – 1951), Рудольф Карнап (1892 – 1970))**, задачи философии по отношению ее к науке сводятся к проблемам ***анализа и исследования языка***, сначала языка самой науки (период «*логического позитивизма*», «*логического атомизма*», «*логического эмпиризма*»), а позднее – живого естественного языка повседневности (*этап аналитической, лингвистической философии*).

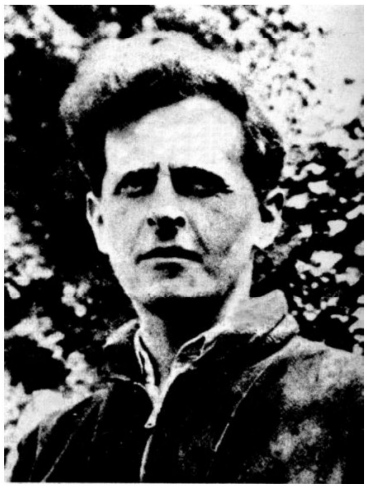
Бертран РАССЕЛ
1872-1970

Как только мы начинаем философствовать,… даже самые обычные вещи приводят к вопросам, на которые можно дать лишь очень неполный ответ. Мы должны осознать, интеллектуально и нравственно, что мы все являемся одной семьёй и что счастье любого члена семьи не может быть надежно построено на разорении другого

В рамках первого этапа была поставлена задача очистить язык науки от всех ненаучных и псевдонаучных, «*метафизических*» высказываний, что и должно было быть единственной функцией и основным делом философии. Образцом же логической строгости научного языка для неопозитивистов стал язык математической логики, в котором каждому термину соответствует одно и только одно значение. Неопозитивистская программа реформирования, коренного преобразования научного языка включала в себя два обязательных принципа – ***редукционизм и верификацию***. То или иное высказывание при-

знавалось удовлетворяющим требованиям научности, если оно допускало сведение, редукцию его к простым, так называемым «*протокольным*», «*атомарным*» высказываниям, которые уже можно было проверить, верифицировать простым соотнесением с показаниями органов чувств познающего субъекта.

Всесторонняя критика данной программы довольно скоро выявила ее невыполнимость и несостоятельность по существу своему. Ведь если буквально следовать ей, то из науки пришлось бы исключить все самое ценное в ней, а именно – научные законы, формулировки которых представляют всеобщие высказывания, не сводимые к эмпирически верифицируемым простым, «атомарным» высказываниям. В результате философия была переориентирована на исследование ***естественных языков***. А в них отсутствует жесткая однозначность слов и терминов. Здесь «значение слова – это его употребление в языке», оно определяется контекстом его использования, «***языковой игрой***». При этом «нет общего основания для употребления одного и того же слова, просто слова роднятся одно с другим множеством различных способов», – говорит поздний Витгенштейн, автор концепции «языковых игр».

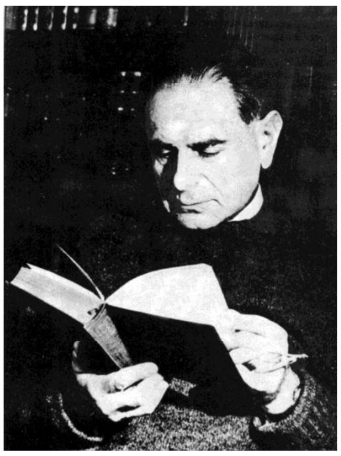
Людвиг ВИТГЕНШТЕЙН
1889-1951

Большинство предложений и вопросов, трактуемых как философские, не ложны, а бессмысленны… Вся философия – это критика языка. Философия не учение, а деятельность. Цель философии – логическое прояснение мыслей. Философские проблемы возникают, когда язык на каникулах. Решение – в анализе… Не ищите смысл, ищите употребление

Язык в этом случае понимается как определенная деятельность, коммуникативная система, в самом процессе функционирования которой формируются и создаются значения слов и выражений. Задача же философии сводится к прояснению языковых выражений и устранению всякого рода философских, и не только философских обобщений и заблуждений, корень которых в смешении правил различных «языковых игр». «У нас в голове путаница относительно того, что *может* быть сказано о мире, и мы пытаемся прояснить эту путаницу. Эта деятельность по прояснению и есть философия… Философия есть борьба против зачаровывания нашего интеллекта средствами нашего языка… Не ищите смысл, ищите употребление… Главный источник нашего недопонимания в том, что мы не *обозреваем* употребления наших слов… Философия просто все предъявляет нам, ничего не объясняя и не делая выводов. – Так как все открыто взору, то нечего и объяснять. Ведь нас интересует не то, что скрыто», – считает Витгенштейн. При этом те или иные «языковые игры»,

различные контексты использования слов и выражений предполагают как свою основу и источник соответствующие «формы жизни».

Постепенно антиметафизическая установка неопозитивизма смягчалась по мере осознания им неустранимости социокультурной обусловленности мировоззрения и познания. В дальнейшем, на стадии ***постпозитивизма*** исследовательский интерес его представителей (**Карл Поппер, Пол Фейерабенд**) концентрируется на проблемах роста научного знания, закономерностей развития науки как социального института, ее социокультурных детерминант и влияния на общество, культуру и человека и т.д.

Карл Раймунд ПОППЕР
1902-1994

... Самая характерная черта научного метода состоит как раз в том, что ученые не пожалеют сил для критики и проверки обсуждаемой теории

Экзистенцализм: философия человеческого существования.

Как позитивизм во всех его модификациях самым непосредственным образом представляет естественнонаучное крыло европейской культуры, выражая, соответственно, мировоззрение естественнонаучной и технической интеллигенции общества, так ***экзистенциализм*** со своей стороны – наиболее полный репрезентант гуманитарного крыла европейской культуры, выразитель мировосприятия ее творцов и носителей. При этом развитие этих полярных по сути дела философских направлений не было для них зачастую целью самой в себе. И те и другие проявили себя во многих случаях прежде всего как субъекты масштабного социального действия. Так, многие представители позитивизма, особенно неопозитивизма, были в первую очередь выдающимися учеными, внесшими большой вклад в математику, логику, физику. Особенно масштабна фигура Бертрана Рассела. Великий математик и логик XX в., не дожил только два года до своего столетия, четырежды женат, выдающийся общественный деятель, активнейший борец за мир, ядерное разоружение, ко всему – и нобелевский лауреат по литературе. Так были отмечены замечательные литературные достоинства его работ, общественно-политических в том числе. То, что к середине XX в., времени создания ЭВМ – этого подлинного чуда научно-технической мысли, логико-математическая база этой удивительной техники была уже в полной готовности – немалая заслуга и творцов неопозитивизма. В свою очередь, некоторые создатели экзистенциальной

философии мощно заявили себя в практике художественного творчества. Нобелевские премии по литературе получили **Камю** и **Сартр** за свои уже чисто художественные (естественно, и философски насыщенные) произведения. Замечательными писателями были **Мигель де Унамуно**, **Антуан де Сент-Экзюпери, Симона де Бовуар, Габриэль Марсель**.

Экзистенциализм – философия человеческого существования, – возник в 1-ой четверти XX в. Основные представители: во Франции уже упоминавшиеся **Жан Поль Сартр (1905 – 1980), Альбер Камю (1913 – 1960), Габриель Марсель (1889 – 1973); в Германии Мартин Хайдеггер (1889 – 1976), Карл Ясперс (1883 – 1969); в Испании Ортега-и-Гассет Хосе (1883 – 1955)**. В России еще раньше экзистенциальная проблематика стала, можно сказать, идейным стержнем творчества **Федора Достоевского (1821 – 1881)**, а в чисто философском плане ее успешно развивали **Лев Шестов (1866 - 1938)** и **Николай Бердяев (1874 – 1948)**.

«Неизреченно и лишено имени то, что составляет тайну души моей, голос утробы моей» Такой цитатой из классика можно выразить главную, стержневую идею экзистенциализма. В центре экзистенциальной философии человек в его уникальной неповторимости, во всей его актуальной и потенциальной бесконечности, неисчерпаемости, беспредельности. Экзистенциализм отвергает как несостоятельные в принципе претензии науки и естественнонаучного разума познать и определить человека, исчерпывающе раскрыть его природу и сущность. Науке с ее неустранимым объективизмом, лишь внешним рассмотрением предметов и явлений, ориентацией на открытие и фиксацию инвариантного, общего, закономерного в них, недоступно человеческое бытие как изначально индивидуальное, субъективное и неповторимое. Именно с этих позиций еще в XIX в. идейный предшественник экзистенциализма, тоже, как и Шопенгауэр, непримиримый оппонент Гегеля, датский мыслитель **Сёрен Кьеркегор (1813-1855)** поднял бунт против гегелевского объективистского рационализма, безличного и всепроникающего мирового разума его философской системы, из поля зрения которой выпадает, по **Кьеркегору**, главный предмет – индивидуальное человеческое существование.

Сёрен КЬЕРКЕГОР
1811-1855

Объективное мышление не имеет никакого отношения к существующей субъективности… Объективное мышление совершенно не заботится о мыслящем. Настоящая субъективность – это не познающая, а этически существующая субъективность. Дух есть интровертированность, интровертированность -субъективность, субъективность, по существу, – страсть. Субъективность всегда диалектична

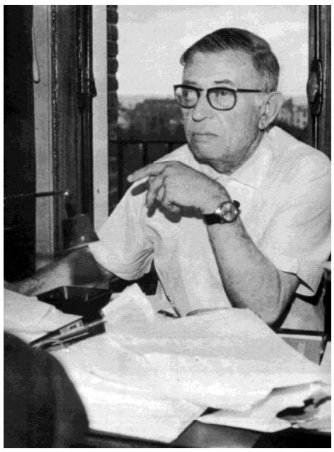
Для Кьеркегора исполненный самолюбования Гегель и его философия это «ворона и сыр, выпавший изо рта в момент приступа красноречия». Кьеркегор убежден, что возможна лишь субъективная, «*качественная*» диалектика человеческого существования, включающая три стадии роста личности. Дон Жуан, покоритель женских сердец, не способный уже управлять своими страстями, ориентированный на все новые и новые чувственные наслаждения, - олицетворение первой, эстетической стадии человеческой экзистенции. Неизбежно сопутствующие этому внутренняя неудовлетворенность и опустошенность души становятся экзистенциальной основой подъема личности на этическую стадию. На ней уже не чувственные наслаждения ведут человека по жизни, а он сам подчиняет ее требованиям этического долга, определяет свое поведение кантовским категорическим императивом. Но лишь «подвиг веры» и индивидуальная встреча с Богом на основе разрыва со всем преходяще земным поднимает личность на ступень вечности, гарантируя сохранение и истинность ее *экзистенции*.

Мартин ХАЙДЕГГЕР
1889-1976

Мы пришли слишком поздно для богов и слишком рано для Бытия.
Язык – дом бытия. И в нем обитает человек. Мыслители и поэты – хранители этого обиталища… Человек принадлежит себе постольку, поскольку слышит требование бытия… Попадание в просвет бытия я называю экзистенцией. Только человеку дан этот род бытия

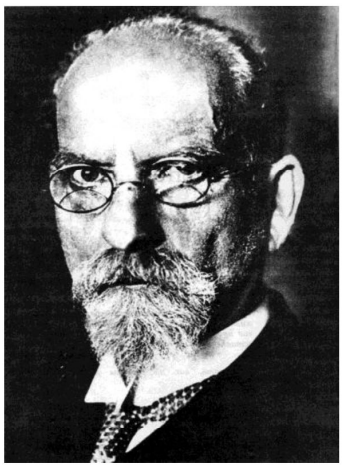
В экзистенциализме существование противопоставляется сущности как данность первичная данности вторичной. Смысл этого основополагающего в экзистенциализме ***принципа «существование первично, сущность вторична»*** в том, что для него нет никакой неизменной, изначально данной природы или сущности человека, и человек не запрограммирован от рождения быть именно таким, а не чем-то другим. «Экзистенция первична» – это значит, что человек сначала рождается, существует, непрерывно действуя, и при этом создает самого себя, свою сущность, которая является уже итогом, результатом его существования. Отсюда определения: экзистенция – «**ничто**», экзистенция – «**свобода**», т.е. изначальная неопределенность, незаданность сущности человека. А раз так, экзистенция истолковывается как неограниченный веер возможностей, выбирает между которыми и реализует которые сам человек, беря на себя самого всю ответственность за все, что он сам выбрал, и не перекладывая ее ни на внешние, ни на внутренние «объективные» причины и факторы.

Жан Поль САРТР
1905-1980

Атеистический экзистенциализм, представителем которого являюсь я, … учит, что если даже бога нет, то есть по крайней мере одно бытие, у которого существование предшествует сущности, … и этим бытием является человек. Что это означает: «существование предшествует сущности»? Это означает, что человек сначала существует, встречается, появляется в мире, и только потом он определяется. … Человек… есть лишь то, что сам из себя делает

В понимании экзистенции воплотились также некоторые важнейшие принципы гуссерлевской феноменологии. Ее предмет – описание сознания как смыслоконституирующей активности, которая в своих предметных формах, объективациях «*конституирует*», порождает специфическое, «*интенциональное*» бытие, экстенсивное в пространственно-временном измерении, уникальное и неповторимое, субъективно, личностно окрашенное, вырастающее на «*мнящих интенциях*» и своими объективациями «*трансцендирующее*», всегда перешагивающее границы телесной оболочки, биологической организации человека, соединяющее его Я и эти объективации нерасторжимой связью, не допускающей традиционное для новоевропейской философии разделение на субъект и объект.

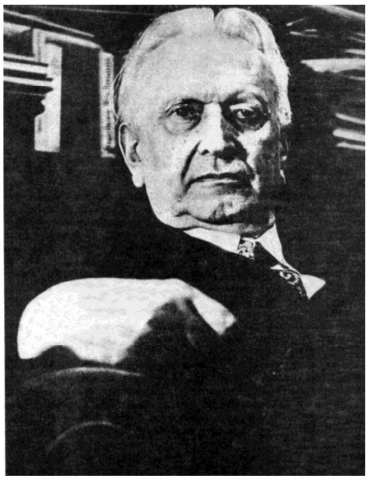
Эдмунд ГУССЕРЛЬ
1859-1938

Интенциональность – основное свойство сознания. Постоянная направленность на норму внутренне присуща интенциональной жизни отдельной личности, а отсюда и нациям с их особенными общностями и, наконец, всему организму соединенных Европой наций

Отсюда и определение экзистенции в экзистенциализме как «трансценденции» и понимание человека как существа, который (по слову поэта) «ставит пред собой все новые и новые задачи». Это бытие – действие, смыслопорождающее и смыслонаделяющее.

Экзистенциализм различает существование ***подлинное*** и ***неподлинное***. *Подлинное существование* – это верность самому себе, своей свободе и своему выбору. Ничего не стоит истина, если за ней не стоит индивидуальное усилие, напряженное субъективное переживание и поиск, готовность отстаивать ее любой ценой, даже ценой собственной жизни. Поэтому истина может быть только субъективной. *Неподлинное существование* – это измена своему Я, своей свободе, это анонимное, безликое, *массовидное* существование, стремление жить как все, и думать и действовать так же.

Экзистенциализм фиксирует сложную, трагическую диалектику взаимосвязи человека и мира, прежде всего социального. «Ад – это другие», – знаменитое определение Сартра как нельзя лучше передает эту жизненную драму человеческого существования, которое не может реализоваться вне взаимодействия с другими, между тем как среда всегда наготове его поглотить, подавить, *снивелировать*. Экзистенциализм требует от человека оставаться человеком в любых ситуациях, не превращаться самому в вещь и не становиться ею в чьих-либо руках.

Карл ЯСПЕРС
1883-1969

Подлинная экзистенциальная философия апеллирующе вопрошает, благодаря чему человек пытается сегодня вновь прийти к самому себе. Поэтому понятно, что она есть лишь там, где за нее борются.

Техника – совокупность действий знающего человека, направленных на господство над природой. Цель их – придать жизни человека такой облик, который позволил бы ему снять с себя бремя нужды и обрести нужную ему форму окружающей среды

Поэтому экзистенциализм – это и протест и одновременно довольно полный диагноз современного глобализирующегося общества массовидной, космополитической культуры, стандартизирующей и нивелирующей человеческую индивидуальность, ускоренной цвишенизации, разрушения в труху и крошево живоносных культурных традиций, в котором социальная инженерия и технологии манипулирования составляют основу господства и управления.

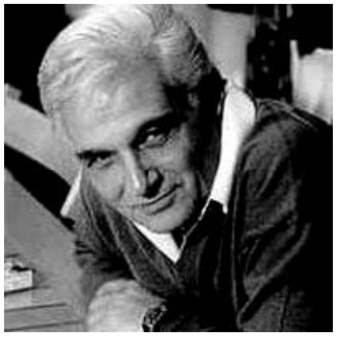
Постмодернизм: философия деконструкции

В последнюю четверть XX в. в европейской философии возникает и завоевывает значительное влияние постмодернизм, сумевший во многом достаточно полно выразить важнейшие параметры складывающейся в мире новой

реальности. Его важнейшие представители: **Ж.Ф. Лиотар (1924--1998), Ж. Бодрийяр (1929--2007), Ж. Делез (1925--1995), Ж. Деррида (1930--2004)**.

Постмодернизм – это, в первую очередь, атака на ***логоцентризм***. Это его знамя, это его боевой штандарт. В логоцентризме как сущностной, сквозной и стержневой структуре всей европейской культуры он усматривает главный корень всех ее недостатков, смертных грехов и пороков, ее уже, якобы, проявившейся несостоятельности и неизбежной обреченности. Кажется, более сурового приговора европейской культуре еще никогда не произносилось. Имеется ввиду пронизывающая всю европейскую культуру, идущая еще от досократиков (а у Гераклита получившая свое блестящее категориальное выражение в его бессмертном «Логосе»), главная культурная доминанта европейской культуры, - ее преимущественная установка на рацио, строгую научность, безусловное и общезначимое знание, на объективную истину. И конечно же, предельным, максимально полным воплощением «логоцентризма» европейской культуры является современная новейшая техника, вся непрерывно разрастающаяся вширь и ввысь мощнейшая, уже без всяких оговорок глобальная техносфера и научное естествознание, оплодотворяющее и порождающее эту техносферу.

Европейская культура репрессивна по своей природе, и эта ее репрессивность – простое и неизбежное следствие ее логоцентризма, – так характеризует постмодернизм европейскую культуру, основанную преимущественно на рацио европейской культуры. Тезис о репрессивности европейской культуры – не собственное «открытие» постмодернизма, а восходит к концепции воли к власти Ницше, по представлениям которого все окружающее – объективация воли к власти и как таковое стремится подавлять и властвовать. Следовательно, и основанная на логосе культура непрерывно продуцирует, созидает, конституирует многообразные, просто бесчисленные миры смыслов, ценностей, структур и отношений, которые подчиняют, угнетают и порабощают свободный дух. Поэтому свою философию постмодернизм определяет как ***деконструкцию*** и видит ее задачу в «*разборке*», разрушении, *деконструкции* всех опирающихся на логос «*означений*», универсалий европейской культуры, создающих каркас ее целостности всех взаимосвязанных фундаментальных категориальных противоположностей, «*бинарных оппозиций*»: добра и зла, истины и заблуждения, мужского и женского, возвышенного и низменного, прекрасного и безобразного, справедливого и несправедливого, верха и низа, света и тьмы и т. д. «Деконструкция состоит не в переходе от одного понятия к другому, но в переворачивании их концептуального порядка и в стремлении сделать его артикулированным… Цель *грамматологии* – деконструкция всех означений, которые имеют своим источником Логос» (Ж. Деррида).

Жак ДЕРРИДА
1930-2004

Деконструкция состоит не в переходе от одного понятия к другому, но в переворачивании их концептуального порядка и в стремлении сделать его артикулированным... Цель грамматологии – деконструкция всех означений, которые имеют своим источником Логос

Постмодернизм описывает реальность как текст, застывший в своих «*означаемых*». Зоной, свободной от давящего пресса бесконечного ряда объективаций культуры является лишь фаза, предваряющая их окончательное оформление, фаза интенции-замысла (на уровне еще «*немой мысли*»), его вынашивания, а затем и реализации. Это интервал, в пределах которого «*означающее*» еще только ищет, пытается найти предметную форму своего выражения и, обретя, наконец, ее, превращается уже в «*означаемое*».

Живая, наполненная творческой энергией и самодвижением реальность, – это путь, фаза превращения «*означающего*» в «*означаемое*». Переворачивая и выворачивая наизнанку застывшие «*окаменелости*» культуры, постмодернизм хочет воскресить их, дать им новое дыхание, вдохнуть в них новую жизнь. В этом, скорее всего, и состоит весь позитив постмодернистской философии, которую (в данном ее аспекте), видимо, допустимо интерпретировать как описание во многом нелегкого, но тем не менее успешного процесса освоения и присвоения индивидом интеллектуального и духовного богатства, как накопленного уже, так и актуально продуцируемого культурой.

Что же касается тезиса о изначальной репрессивности культуры и необходимости деконструкции, разборки, разрушения и разложения ее объективаций, то этот тезис требует уже другой трактовки. Он хорошо вписывается в современный геополитический контекст с глобализацией как его основной, главной и сущностной особенностью. Можно согласиться, что любые объективации любой культуры (и вовсе не одной только «логоцентристской» европейской) требуют если не подчинения, то в любом случае не терпят полного игнорирования себя, в той или иной мере заставляют считаться с собой.

Постмодернизм – это удар по всем современным животворным культурным традициям, привязывающим индивида, его разум и сердце к свом родным духовным и культурным истокам и образующим последний серьезный рубеж, последнюю преграду на пути полного торжества *мондиалистской* глобализации. Ведь она – воистину «*всемирный тигель культуры*», в котором должны переплавиться, превратиться в безликую однородную массу и смесь все наличные культурные традиции, чтобы на этой основе формировать соответствующего человека – «*гражданина мира*», безродного космополита, не укорененного прочно нигде социального атома, свободного от всяких привязанностей и обязательств перед породившей и взрастившей его культурой, его духовной родиной.

Очень хорошо работает на глобализацию философия, которая убаюкивает обывателя от культуры своим отрицанием ее универсалий, утверждениями об изжитости и старомодности представлений о реальности через призму категорий всеобщности, единства и универсальности, о бытийной, онтологической самодостаточности всякой бытийной мелкости, всякого (пусть мимолетного и эфемерного) феномена и явления действительности из бесконечной их череды, о недопустимости ставить вопрос о единстве этой яркой и пестрой, бесконечно разнообразной реальности в то самое время как универсализм и всеединство в лице *неолиберальной глобализации и мондиализма* – это самая жесткая, очевидная и всеопределяющая реальность сегодняшнего мира.

Но если опрокинуть постмодернистский страх перед якобы неизбежной репрессивностью культуры на будущее, то тогда эту философию можно истолковать как верный диагноз, предчувствие и надежное предсказание жесткого глобального тоталитаризма, которым будет увенчано и закреплено здание ускоренно возводимого «общечеловеческого всеединства».

Отвергая и отбрасывая все фундаментальные «бинарные оппозиции» культуры, постмодернизм сводит философию (в ее позитивном аспекте) к свободному, ничем не ограниченному «***творчеству концептов***», если прибегнуть к терминологии позднего Гуссерля, «***конституированию интенциональных предметов***». Это мышление интеллектуального коллажа, в том числе и произвольного цитирования, свободного заимствования и по желанию и прихоти автора комбинирования интеллектуального материала из разных сфер, эпох и традиций. В результате философия превращается в изготовление и плетение словес, словес хитроумных, прячущихся, скрывающих свое содержание, убегающих ясности, определенности и четкости, семантики зыбкой, текучей, мерцающей.

В постмодернизме, который отвергает саму идею единства как якобы полностью себя исчерпавшую и концентрирует все свое внимание по сути дела на пестром хаосе повседневности, достигает своего апогея та «космическая непочтительность», о которой говорил Б. Рассел как о наиболее тревожной и опасной тенденции современной европейской культуры. Это культура общества, в котором политическая вертикаль, опираясь на вертикаль естественнонаучную, взметнулась в предельные для нее высоты мондиализма, духовная же – провалилась в социальное подполье, в аксиологический антимир. ***Печальна судьба мировой культуры, которой уготована участь быть «реформированной», переделанной, «обновленной» по такому образцу***.

Таким образом, и новейшая философия продолжает чутко реагировать на острейшие коллизии и противоречия современности.